

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение | www.ostkraft.ru |

| Модест Колеров | Москва | 2018 | №1 |

УДК 94(470) "18/19"
ББК 63.3(2)5
И 90

На обложке — фотография М. А. Колерова

И 90 История. Научное обозрение OSTKRAFT / Отв. ред.
М. А. Колеров. № 1. М. : Модест Колеров, 2018.
(www.ostkraft.ru.) 120 с.
ISBN 978-5-905040-29-0

ISBN 978-5-905040-29-0

© Авторы статей, 2018
© Модест Колеров, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кристиина Каллейнен. А. А. Закревский как генерал-губернатор Великого княжества Финляндского (1823–1831)</i>	<i>5</i>
<i>Франк Неземанн. Коренные законы Финляндии и российские имперские интересы: конфликт политических деятелей и правительственных органов Великого княжества Финляндского с генерал-губернатором Арсением Закревским в 1825 и 1826 годах.....</i>	<i>12</i>
<i>О. Р. Айрапетов. Развитие концепций использования и управления тяжелой артиллерией и гонка вооружений в конце XIX — начале XX века.....</i>	<i>18</i>
<i>Е. Е. Юдин. Аристократия и вызов «индустриальной эры». Благосостояние и доходы Демидовых князей Сан-Дonato в 1890–1914 гг.....</i>	<i>56</i>
<i>О. Кононова. «Полицейский социализм» как программа административных мер в борьбе с рабочим движением в России конца XIX — начала XX в.</i>	<i>85</i>
<i>М. А. Колеров. Новые издания и тексты источников по истории русской мысли. Часть 1</i>	
1. [Е. Д. Кускова. Credo. 1899]	104
2. С. Булгаков. Немецкая наука о толковании Апокалипсиса Морозовым (1912).....	109
3. Н. А. Бердяев о «преодолении еврейства»: письмо И. С. Книжнику-Ветрову (1912).....	111

4. <i>Петр Струве</i> . Запад и большевизм (1919).....	112
5. Русские писатели, Новгородцев, Шпет и Иван Ильин в фокусе советского просвещения и цензуры в 1919 году.....	116

Кристиина Каллейнен

А. А. ЗАКРЕВСКИЙ КАК ГЕНЕРАЛ- ГУБЕРНАТОР ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКОГО (1823–1831)¹

Данный текст, с одной стороны, основывается на моей диссертации, в которой анализируется положение и роль российского генерал-губернатора Финляндии в системе ознакомления императора с состоянием финских дел, действовавшей в 1823–1861 гг., а с другой, разумеется, на моих последующих исследованиях в этой области.

В своей диссертации я анализировала личные доклады генерал-губернаторов императору и заявления генерал-губернатора в отношении документов, подаваемых на доклад статс-секретарем по делам Финляндии (с 1834 г. называвшимся министром-статс-секретарем по делам Великого княжества Финляндского). Выбор 1823 г. в качестве отправной точки основывался на том факте, что система непосредственных докладов сложилась одновременно с назначением А. А. Закревского генерал-губернатором Финляндии в 1823 (в реальности в 1824) г.

Для начала следует сказать несколько слов о системе управления Финляндией после 1809 г., когда Финляндия в результа-

¹ Доклад представлен на Международной научно-практической конференции «Граф А. А. Закревский — государственный деятель Российской империи первой половины XIX века. Время, лица, культурное наследие», состоявшейся 2–3 октября 2016 г. в Федеральном музее профессионального образования (филиале) Московского политехнического университета в Подольске (Московская область) в рамках проекта «Виват графу Закревскому!», посвященного 230-летию со дня рождения А. А. Закревского.

те шведско-русской войны 1808–1809 гг. перестала быть частью Швеции и превратилась в Великое княжество Финляндское, подчиненное России. Возможно, самым важным при этом было то, что 1 декабря 1808 г. Александр постановил, чтобы доклады о всех вопросах, связанных с Финляндией, подавались финским генерал-губернатором лично ему, в обход российских министерств.

В то же время было принято и решение о создании для Финляндии Правительственного Совета, но структуру этого нового центрального административного органа Финляндии должен был определить будущий сейм. Первое заседание Правительственного Совета состоялось в октябре 1809 г.; его формальным председателем являлся генерал-губернатор, но те редко пользовались этим правом, так как не знали шведского языка, который использовался на заседаниях Совета. В 1816 г. Правительственный Совет был переименован в Императорский финляндский сенат.

В конце декабря 1809 г. на Михаила Сперанского, формально и официально занимавшего должность товарища министра юстиции и носившего чин статс-секретаря, была возложена и обязанность докладывать о финских делах. Однако, получивший ранее такое право генерал-губернатор не был его лишен. Таким образом, в принципе за ним сохранялось право доклада, хотя первые генерал-губернаторы им не пользовались. Ситуация резко изменилась после того, как генерал-губернатором Финляндии был назначен А. А. Закревский.

После 1809 г. работа по организации управления Финляндией продолжилась. Бывший фаворит шведского короля Густава III Густаф Магнус Армфельт в 1811 г. решил вернуться в Финляндию. Вскоре он также принял предложение Александра I приехать в С.-Петербург, где стал одним из ближайших фаворитов царя в весьма критический момент.

С целью отчасти снять с себя бремя финских дел Сперанский вынашивал планы создания Комитета по делам Финляндии, который должен был включать двух русских и двух финских членов. Армфельт предложил создать комитет, состоящий только из финских представителей — это была принципиально важная поправка, с которой Александр I тоже согласился.

Председателем комитета был назначен сам Армфельт, а молодой помощник судьи из апелляционного суда в Турку Роберт Хенрик Ребиндер получил должность статс-секретаря по делам Финляндии, задача которого состояла в том, чтобы подавать на одоб-

рение императору доклады о финских делах; Ребиндер занимал эту должность до своей смерти в марте 1841 г. Понятно, что для зарождавшейся финской административной системы требовалось, чтобы этот комитет состоял только из уроженцев Финляндии.

Политика Александра I заключалась в том, чтобы финны сами управляли своей страной; при нем финны назначали на административные должности своих людей, а он раздавал награды, медали, ордена, титулы и прочие блага. Таким образом, должностным лицам было очень просто перейти на службу к новому государю: с их точки зрения, превратиться в российских подданных им было выгоднее, чем оставаться подданными шведского короля.

В 1812–1816 гг. у членов петербургского Комитета по делам Финляндии сложилась точка зрения относительно положения Финляндии в Российской империи. Как и высшая российская бюрократия, высшая финская бюрократия считала Финляндию привилегированной провинцией: привилегии обеспечивали Финляндии политическое существование или административную независимость, что означало одно и то же.

Первым генерал-губернатором Финляндии, достаточно долго занимавшим эту должность, был граф Фаддей (Фабиян) Штейнгель, который по большей части нравился финнам и даже не пытался докладывать о финских гражданских делах самому императору. Штейнгель, по крайней мере в принципе, признавал главенство петербургского Комитета по делам Финляндии по сравнению с Правительственным Советом, в то время размещавшимся в Турку. Ситуация радикально изменилась в начале 1824 г., когда генерал-губернатором Финляндии был назначен Арсений Андреевич Закревский.

Как хорошо известно участникам настоящей конференции, Закревский сделал карьеру на военной службе, имел ряд наград и к 1823 г. состоял в чине генерал-лейтенанта. Проблема — с точки зрения финнов — заключалась в том, что он практически ничего не знал о гражданском управлении и не имел соответствующего опыта. Финны, для которых стало привычкой независимо устраивать свои дела через Комитет по делам Финляндии, вскоре оказались в состоянии конфликта с Закревским, привыкшим отдавать приказы и ожидать их немедленного исполнения.

Вскоре после прибытия в Финляндию Закревский понял, что его ожидают проблемы в отношениях с его новыми подданными, которые постоянно ссылались на законы, привилегии и права,

подтвержденные Александром I, а впоследствии и Николаем I. Закревский не мог поладить с финнами, которые желали, чтобы все делалось в соответствии с законами и положениями. В ответ генерал-губернатор обычно с раздражением заявлял своим финским подчиненным: «Положение — я!».

Ситуацию еще больше усложнял тот факт, что Закревский не знал других языков, кроме русского, которым, со своей стороны, не владели финны. Прежде финны при контактах с российскими должностными лицами и императором пользовались французским, но в ходе общения с Закревским им оставалось прибегать к помощи переводчика, а все делопроизводство отныне тоже приходилось переводить на русский.

Неудивительно, что эта ситуация не устраивала ни финнов, ни Закревского. Вскоре Закревский получил от Александра I разрешение жить в Петербурге и лишь время от времени бывать в Финляндии. Очевидно, что Закревский считал свою новую должность своего рода наказанием; он даже называл Финляндию «моей Сибирью».

Поскольку Закревский не знал местных языков, совершенно очевидно, что ситуация была бы трудной и даже невозможной без помощи местной финской администрации. Данная ситуация разрешилась тем, что Закревский имел нескольких фаворитов среди финских чиновников. Одним из них был Густав Вильгельм Ладау — Глава финского почтового ведомства. Он говорил по-русски, поскольку принадлежал к той группе чиновников, которая из-за несогласия с внешней политикой шведского короля Густава III в 1780-х годах участвовала в неудачном бунте против Короля и которым пришлось бежать в Россию.

Когда Финляндия вошла в состав России, некоторые из этих бунтовщиков получили важные посты в Великом Финляндском Княжестве. Ладау получил пост Главы почтового ведомства. В период правления Закревского Ладау реорганизовал почтовую администрацию по русской модели, что вызвало к нему ненависть финнов. Эта неприязнь усилилась при Закревском, когда Ладау с согласия Николая I начал инспектировать и править письма, написанные высшими финскими чиновниками. Как следствие секретность переписки была нарушена. Эту систему перлюстрации финны называли «черным кабинетом» Ладау. Информация, которая собиралась таким путем, Ладау в своем переводе и интерпретации пересылал Закревскому.

Закревскому, в качестве Главы финской администрации, не нравилось чувствовать свою подчиненность Комитету по делам Финляндии, Государственному секретарю Финляндии в Петербурге и Императорскому Сенату Финляндии в Хельсинки. Кроме того, Закревский был весьма недоволен и своим второстепенным статусом по сравнению с Комитетом по делам Финляндии, финским сенатом и статс-секретарем по делам Финляндии, поскольку он рассматривал свою роль как аналог той роли, которую играли генерал-губернаторы в России, задача которых состояла в том, чтобы объединять под своей властью управление губерниями и лично претворять в жизнь волю императора на среднем уровне власти. Хотя это означало консолидацию Финляндии в качестве особой административной единицы, в то же время такой подход влек за собой посягательство на эксклюзивные права комитета как связующего звена между Финляндией и императором.

Закревский решил эту проблему, в марте 1826 г. предложив новому императору, Николаю I, упразднить комитет. Кроме того, Закревский претендовал на право лично докладывать императору: в июне 1826 г. Николай I подтвердил наличие у Закревского такого права, однако, стало правилом, что даже по этим вопросам следовало обращаться для получения заверительной подписи к статс-секретарю. Кроме того, Закревский получил право уведомлять финский сенат и комитет о решениях императора. На практике это означало, что через руки Закревского проходили все дела, связанные с Финляндией, т. е. вся переписка между петербургским Комитетом по делам Финляндии и местными должностными лицами в Хельсинки осуществлялась через канцелярию генерал-губернатора.

Хотя статс-секретарь Ребиндер и его коллеги в принципе не возражали против упразднения комитета, так как это упрощало процесс управления и усиливало влияние статс-секретаря, они решительно выступали против приемов Закревского — то есть против упразднения Комитета по делам Финляндии без консультаций с финским сенатом и статс-секретарем. Разумеется, финский сенат протестовал против любых процедурных изменений, но его усилия остались тщетными.

Однако, сейчас мы знаем, что этот шаг по сути играл на руку финскому сенату, чей авторитет и независимость укрепились после ликвидации комитета. По причине близости Закревского к престолу статс-секретарь с течением времени стал ощущать свое

положение, как и судьбу Финляндии, все более и более неопределенными. Однако, несмотря на его сомнения и страх впасть в немилость, Ребиндеру удалось удержаться в фаворе у императора; об этом свидетельствует то, что в сентябре 1826 г., на коронационных торжествах в Москве ему был дарован графский титул.

В 1828 г. Закревский был назначен на должность министра внутренних дел. После того, как в том же году разразилась война между Россией и Турцией, и император отбыл из Петербурга на театр военных действий, Закревский получил чрезвычайные полномочия в отношении финских дел. Высшие должностные лица Финляндии снова с тревогой восприняли усиление власти генерал-губернатора; они надеялись, что после получения министерской должности у Закревского останется меньше времени на то, чтобы заниматься финскими делами, но этого не произошло. Однако, худшие опасения финнов не оправдались, и может быть, из-за этого финский сенат в 1830 г. предложил даровать Закревскому титул финского графа. Уже в декабре следующего, 1831 г., Закревскому пришлось подать в отставку после провала кампании по борьбе с холерой.

В целом анализ докладов генерал-губернатора и статс-секретаря по делам Финляндии приводит нас к выводу о том, что почти во всех случаях император принимал по финским делам решения в соответствии с мнением генерал-губернатора, если тот его высказывал, что происходило не всегда. Несмотря на то, что авторы некоторых старых финских книг по истории и историки начала XX в. считали генерал-губернатора Закревского русификатором и предшественником Николая Ивановича Бобрикова, который в конце XIX в. прибегал к жестким методам русификации, мое исследование не подтверждает эту точку зрения.

Анализируя доклады Закревского, можно сказать, что он не пытался русифицировать Финляндию или ослаблять ее автономию. В конце концов, он не мог этого делать по своей собственной инициативе: ему приходилось подчиняться воле и приказам императора, который даровал Финляндии автономию и больше всего хотел, чтобы финны сохраняли спокойствие и не испытывали недовольства. «Оставим финнов в покое, они одни никогда не причиняли мне неприятностей», — как-то раз заявил Николай I. Финляндия считалась упорядоченным обществом, чьи подданные сохраняли верность и лояльность императору, и для того, чтобы изменить эту ситуацию, не имелось никаких оснований.

Закревского в качестве генерал-губернатора Финляндии сменил личный друг и конфидент Николая I князь Александр Сергеевич Меншиков. В отличие от Закревского, он бегло говорил по-французски и отличался более гибким и дружелюбным характером, благодаря чему ему было легче сойтись с финнами. Как и Закревский, Меншиков жил в Петербурге, где в 1836 г. получил важную министерскую должность (он был назначен министром флота).

Князь Меншиков продолжил практику докладов императору по финским делам и внимательно следил за положением в Финляндии. Примечательно, что в некоторых случаях генерал-губернатор обнаруживал более современный образ мысли, чем финский сенат, который опасался того, что едва ли не любые изменения и реформы законов и положений могут ослабить его или открыть ворота для проникновения в финскую административную систему иностранного (т. е. русского) влияния.

Закревский и его преемник занимали важные должности и в правительстве империи. Проживая в Петербурге рядом с императором, они могли активно участвовать в подготовке докладов по финским делам и их подаче императору. Никакое дело, касающееся Финляндии, не могло быть решено без их согласия или вопреки их воле.

Перевод с английского Николая Эдельмана

Франк Неземанн

КОРЕННЫЕ ЗАКОНЫ ФИНЛЯНДИИ И РОССИЙСКИЕ ИМПЕРСКИЕ ИНТЕРЕСЫ:

конфликт политических деятелей
и правительственных органов Великого княжества
Финляндского с генерал-губернатором Арсением
Закревским в 1825 и 1826 годах¹

Я хотел бы поговорить о том принципиальном конфликте, который состоялся в 1825 и 1826 годах между Закревским, служащим тогда генерал-губернатором Финляндии, и политическими элитами Великого Княжества, ставшего частью Российской Империи за полтора десятилетия до этих событий.

Этот спор, который касался прав православных христиан в общественной и государственной жизни Великого Княжества, был в том смысле принципиальным, что его сутью являлся вопрос о действии так называемых «коренных законов» страны.

Под «коренными законами» Финляндии понимались те законы и установления, которые составляли в целом тогдашнюю «кон-

¹ Доклад представлен на Международной научно-практической конференции «Граф А. А. Закревский — государственный деятель Российской империи первой половины XIX века. Время, лица, культурное наследие», состоявшейся 2–3 октября 2016 г. в Федеральном музее профессионального образования (филиале) Московского политехнического университета в Подольске (Московская область) в рамках проекта «Виват графу Закревскому!», посвященного 230-летию со дня рождения А. А. Закревского.

ституцию» Великого Княжества — т. е. те законы и установления, которыми регулировалось управление страной и на которых были основаны права её жителей. После завоевания Финляндии Александр I подтвердил собравшимся в марте 1809 года финляндским сословиям непреложное сохранение «коренных законов» страны, её преимуществ и привилегий, которыми все её жители до тех пор пользовались. Фактически царь подтвердил сословиям Финляндии то конституционное и правовое наследие, которое развилось как результат более 600-летней принадлежности страны к шведскому королевству.

С формальной точки зрения предоставление такой царской гарантии напоминало, однако, старосословные церемонии принятия присяги на верность, распространившиеся в разных империях и государственных образованиях Европы начиная с позднего средневековья. Таким образом речь шла о документальном подтверждении сословных прав и свобод со стороны монарха в обмен на клятву верности со стороны новых подданных.

Разумеется, что такие торжественные заявления как обещание Александра I по отношению к сословиям Финляндии были по сути дела только декларациями о намерениях. В соответствии с самодержавным самосознанием российских правителей они отнюдь не составляли обязательной правовой основы для правовых или политических притязаний со стороны новых подданных империи. Их провозглашение не означало, что цари считали себя как-нибудь связанными одобренными ими местными законами той или иной новоприсоединённой части империи.

Решение о том, смогут ли правовые формы (т. е. законы и установления) новоприсоединённой территории остаться в силе или заменятся соответствующими российскими аналогами (если эти аналоги считались более годными или уместными), зависело от нужд и от целесообразности административной практики.

Между прочим, финляндские политические деятели того времени совсем не предавались иллюзиям о том, что дальнейшее действие шведского правового наследия в стране зависело в конечном итоге от благоволения российского правителя. Сверх того, некоторые из них, как например Роберт Ребиндер, ставший потом первым статс-секретарём по делам Финляндии в Санкт-Петербурге, также хорошо понимали очевидные несовместимости между положениями шведско-финляндского права и фактической политической ситуацией, возникшей вследствие новой государственной

принадлежности Великого Княжества. Так, например, шведские законы предписывали категорично и однозначно, чтобы правитель страны исповедовал лютеранскую веру — что с 1809 года уже не соответствовало реальности.

О подобном вопросе, касающемся существующих в Финляндии вероисповеданий, речь и шла в том споре между Закревским и политическими элитами Финляндии, который довёл до принципиального конфликта в вопросе об объёме и употребительности «коренных законов» Великого Княжества. Спор начался с того, что некоторые жители православного вероисповедания из Северной Карелии (прежние подданные шведской короны, не русские переселенцы — Ф. Н.) обратились к Закревскому, назначенному на пост генерал-губернатора Финляндии, когда тот находился в первой инспекционной поездке по Великому Княжеству в 1824 году.

Упомянутые православные просители жаловались на то, что они из-за своего вероисповедания по действующим в Финляндии законам не имели доступа к государственной службе. Сверх того, они просили, чтобы им далось право избираться в заседатели судов — как и было позволено православным жителям так называемой «Старой Финляндии», т. е. тех частей страны, которые уже стали частями империи в 1721 и 1743 годах — и чтобы не было судебных заседаний в праздничные по православному календарю дни.

Как Закревский позже сам объяснял в одном из своих отчётов, написанных для нового царя Николая I в 1826 году, просители из Северной Карелии обратились с данной просьбой ещё в 1821 году к Фаддею Штейнгелю, предшественнику Закревского.

Штейнгель со своей стороны попросил Ребиндера доложить о деле самому царю согласно тому, что казалось ему уместным. В связи с этим Штейнгель также ссылался на то, что в университете Финляндии, находившемся тогда в Або (Турку), православные имели право учиться лишь философским предметам, но не таким, которые давали доступ к государственной службе. Так как Ребиндер, очевидно, не исполнил желания Штейнгеля, тот и перестал напористо выступать за интересы православных просителей.

Закревский опять занялся этим делом и стал защищать интересы православных просителей с большим усердием, выступая за их равноправие в общественной и государственной жизни (прежде всего радел за их доступ к государственной службе).

Александр I одобрил предложение Закревского в принципе, но приказал в марте 1825 года, чтобы Правительствующий Сенат Финляндии — т. е. высший правительственный орган страны — выразил своё мнение о деле, прежде чем он окончательно вынесет своё решение. В мае 1825 года члены Сената представили свой отзыв о деле. Так как они опасались посягательства на те законы, которые являлись «коренными законами» в смысле царского подтверждения 1809 года, то они в своём ответе ссылались однозначно на то обстоятельство, что Закревский доложил о деле непосредственно царю, не испросив прежде мнения «Комитета финляндских дел». Хотя такое согласование предполагалось обязательно согласно царскому указу, провозглашённому в ноябре 1811 года об этом комитете — как «инструменте правления Финляндией по её законам».

Далее — а это был самый веский аргумент в их отзыве — Закревский по мнению членов Сената не учитывал, что изменения в правовом и административном строе Финляндии, которые он имел в виду, требовали согласования с соответствующими положениями «коренных законов» Финляндии. Предложения Закревского, по их мнению, должны были также получить одобрение финляндского сейма, т. е. собравшимися представителями четырёх сословий страны.

Свою позицию в конфликте с Сенатом Закревский изложил в отчётном докладе самому царю и в письме Ребиндеру. В этих отчётах он по-своему толковал соответствующие статьи из тех законов, которые финляндцы считали «коренными» — в первую очередь из «Формы правления» 1772 года, из «Акта о единении и безопасности» 1789 года и из большого шведского уложения 1734 года («Allmän Lag»).

Также стоит учесть, что к 1824 году только завершился процесс перевода на русский язык упомянутого шведского уложения 1734 года. Ставши генерал-губернатором Финляндии, Закревский, который не владел шведским языком, дал решающий толчок для того, чтобы перевод, начатый уже при его предшественнике, как можно скорее завершился. Когда спор с политическими деятелями Финляндии начался, Закревский уже приобрёл хорошее знание основных частей шведской кодификации 1734 года.

Однако, Закревский не удовлетворялся одной юридической аргументацией; он также пользовался такими доводами, которые можно назвать «реально-политическими» или «историко-крити-

ческими». Так, в своём письме Ребиндеру он писал, что в данной ситуации не хватает одного анализа домашних, «внутренних» законов Финляндии и необходимо также учесть те политические обстоятельства и те установления, на которых основывается принадлежность Финляндии к Российской Империи.

Пользуясь такой аргументацией, Закревский объяснял, что по буквам российско-шведского мирного договора 1808 года царь по «одному великодушию своему» подтвердил своим новым подданным их наследственные, бывшие до тех пор привилегии и права. По словам Закревского нельзя было предполагать, что такой акт благоволения со стороны царя мог бы как-либо поставить в невыгодное положение ту веру, которую он сам исповедовал. Сверх того, как Закревский также подчёркивал в своих изложениях, уже в ништадском мирном договоре, подписанном в 1721 году, было установлено, что православные верующие наравне с лютеранами тогдашней «Старой Финляндии» не должны были подчиняться никакой дискриминации из-за их вероисповедания.

На основании таких доводов царь распорядился в конце концов разрешить православным подданным Финляндии поступать на государственную службу в Великом Княжестве. Решение, принятое Николаем I в июне 1826 года, подкрепилось указом год спустя, в августе 1827 года.

Финляндская сторона потерпела ощутимое поражение в конституционном конфликте с генерал-губернатором и царём. Финляндцам настойчиво продемонстрировалось, что их правовые и политические притязания должны отходить на второй план, когда речь шла о неразрешимом столкновении финляндских принципов и вышестоящих государственных соображений империи.

Закревский сыграл решающую роль в этом разъяснении пределов автономии Финляндии в Российской Империи. Уместно ли будет считать его принципиальным противником особого правового и административного положения Великого Княжества? На это можно без сомнений дать отрицательный ответ. Тот же самый генерал-губернатор, который в конфликте с политическими элитами Финляндии так напористо выступал за вышестоящие интересы империи, составил в 1828 году список «коренных законов» Финляндии для нужд российского управления Великим Княжеством и представил его царю Николаю I. Список содержал в себе, если говорить кратко, все те законы, которые сами финляндцы уже с 1808 года по отношению к царю и к российским генерал-

губернаторам приняли как «коренные законы» страны — «Форму правления» 1772 года и «Акт о единении и безопасности» 1789 года. Таким образом, финляндская точка зрения насчёт сути «конституции» страны даже была впервые признана официально со стороны российской администрации.

Закревский, как подтвердила дальнейшая его политическая деятельность в Финляндии, всегда соблюдал особое положение Великого Княжества, как бы не связывались с ним противоречия интересам царской империи.

После принципиального спора с Сенатом в 1825 и 1826 гг. таких конфликтов до окончания исполнения А. А. Закревским обязанностей генерал-губернатора в Финляндии больше не происходило.

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ ТЯЖЕЛОЙ АРТИЛЛЕРИЕЙ И ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Полевую тяжелую артиллерию в конце XIX называли «самым молодым родом войск». Она долго находилась в тени соревнования винтовки и обычного полевого орудия, которое заполнило жизнь европейских армий после боев Крымской войны. Но тяжелая артиллерия после войны 1870–1871 гг. все начало меняться. Основной ее задачей считалось сопровождение войск для разрушения заблаговременно созданных неприятелем укреплений¹. Опыт франко-прусской войны явственно свидетельствовал в пользу важности артиллерии вообще. Прусская армия в 1870 г. значительно уступала французской в качестве стрелкового оружия. Французы были вооружены передовой по тому времени казнозарядной дальнобойной винтовкой Шаспо, принятой на вооружение 30 августа 1866 г.² «Образец 1866 г». давал возможность прицельного выстрела на 1600 шагов против 800 у прусского игольчатого ружья Дрейзе. Впрочем, возможности использования этого оружия были переоценены — имея прицельный выстрел на 1,5 и даже 2 тыс.

¹ Яковлев В. Очерки по некоторым вопросам, относящимся к основаниям устройства материальной части тяжелой артиллерии полевой армии. СПб. 1913. С. 1–2.

² Волоцкий Н. Ружье Шаспо // Оружейный сборник. 1868. № 2. С. 5. (далее — ОСб)

шагов, винтовка требовала хорошей стрелковой подготовки, которой не было у значительной части французских солдат³. В 1870 г. французская армия имела 1 млн этих винтовок⁴. Прусская армия явно уступала французам в этом виде оружия. На вооружении стояло три образца игольчатого оружия — 1841 года (мушкетеры), 1862 г. (фузилерные батальоны), 1865 г. (фузилерные полки), драгуны и гусары имели на вооружении игольчатые штуцера с дальностью стрельбы около 400 шагов.⁵

Прусский Генеральный штаб, после значительных потерь, понесенных в 1866 г. от австрийской артиллерии, при полной поддержке правительства настоял на значительных заказах у Альфреда Круппа, в результате которых прусская армия получила новые орудия, превосходившие вооружение потенциального противника по мощности, скорострельности и дальности стрельбы.⁶ В основном это были лёгкие 3-фунтовые и тяжёлые 12-фунтовые (120-мм) стальные нарезные пушки замечательной по тем временам меткости и дальнобойности.⁷ Это было весьма передовым и смелым решением. Во всех остальных странах для производства артиллерии традиционно использовали бронзу и чугун. Во Франции сталепушечное производство было возможно уже с 1867 году на заводе Шнейдера в Крезе, но французские военные так и не определились вплоть до 1870 года, какие сорта стали для каких орудий можно использовать⁸. На вооружении остались дульнозарядные нарезные орудия, существенно уступавшие крупновским⁹. Все более сокращавшийся авторитет и влияние Наполеона III привели к тому, что, потратив значительные суммы на перевооружение пехоты, он так и не решился потребовать у Законодательного корпуса выделения средств на перевооружение артиллерии — французская армия вступила в войну 1870 г., имея артиллерийский парк образца 1859 г., значительно уступавший современным крупновским ору-

³ Анненков М. [Н.] Война 1870 года. Заметки и впечатления русского офицера. СПб., 1871. С.84.

⁴ Mc Elwee W. The art of war Waterloo to Mons. Lnd., 1974. P. 140.

⁵ Вооружения Пруссии // ОСб. 1868. № 3. С. 4.

⁶ Kennedy P. The rise and fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. Lnd., 1989. P. 238.

⁷ Колчак В. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом техники. СПб., 1903. С.9.

⁸ Забудский Г. [А.] Производство стальных орудий во Франции. СПб., 1887. С. 2, 8, 16.

⁹ Козловский Д. Е. История материальной части артиллерии. М., 1946. С. 165.

диям своего противника¹⁰. Вместе с преимуществами Пруссии в планировании военных операций и более умелого командования это дало сокрушительный для Франции эффект. К производству стальных орудий французы приступили после первых серьезных поражений, в 1870 году, но было уже поздно¹¹.

Такого системного крушения перед Первой Мировой войной Россия не испытала, и поэтому особое внимание в смысле понимания того, что случилось в 1914–1917 гг., следует уделить двум последним войнам Российской империи — 1877–1878 и 1904–1905 гг., в ходе которых прошли «важные проверки концепций и вооружений, произошедшие между 1871 и 1914 гг.»¹². К вопросу о перевооружении артиллерии нарезными орудиями в России приступили почти сразу же по окончании Крымской войны. Споры и постоянные изменения техники привели к тому, что новые орудия стали поступать только в 1860 году, а в 1862 в армии их было всего 88¹³. Уже в 1865 году стало ясно, насколько новые 4-фунтовые стальные орудия превосходят гладкоствольные медные или такие же нарезные. Но массовое перевооружение задерживалось. Образцы орудий для полевой артиллерии были окончательно введены только в 1866 году, а новая организационная структура была дана артиллерии на следующий год¹⁴. Переделанные медные орудия наряду с новыми стальными стали основой русской полевой артиллерии¹⁵. Позже медные орудия стали замещаться бронзовыми нарезными, а сталь использовалась лишь при производстве тяжелых орудий калибром свыше 6 дюймов¹⁶. В отличие от пруссаков в 1877 г. русская армия выступила, имея поначалу худшее во-

¹⁰ Mc Elwee W. Op. cit. P. 143.

¹¹ Забудский Г. [А.] Ук. соч. С. 16.

¹² Менинг Б. Пуля и штык. Армия Российской империи 1861–1914. М., 2016. С. 9.

¹³ Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880) / Под ред. ген.-лейт. Богдановича. СПб., 1879. Т. 2. С. 250–253.

¹⁴ Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880) / Под ред. ген.-лейт. Богдановича. СПб., 1880. Т. 4. С. 227–228, 245–246.

¹⁵ Сборник сведений о материальной части полевой артиллерии, снабженной стальными и медными 4 и 9 фун. нарезными пушками, заряжаемыми с казенной части. СПб., 1868. С. 3.

¹⁶ Козловский Д. Е. Ук. соч. С. 174.

оружие, чем турецкая (и стрелковое, и артиллерийское)¹⁷. Серийный выпуск малокалиберных винтовок системы Бердана начался в 1874 году, и закончился только в 1884 году¹⁸. Винтовка Крнка, которым была вооружена пехота Дунайской армии, была уже устаревшим оружием¹⁹. Это были переделанные в нарезные гладкоствольные ружья времен Николая I, очень ненадежные и капризные.

Еще хуже, чем с огнестрельным оружием, дело обстояло с Уставами. В армии фактически действовали «Устав о полевой службе в кавалерии» 1850 года и «Устав о полевой службе в пехоте» 1852 года. Опыт войны указал, однако, что содержащиеся в этих руководствах правила слишком устарели и что необходимо дать войскам более современные и точные сведения, которыми они могли бы руководствоваться во всех случаях деятельности их на войне, за исключением боя»²⁰. Это положение весьма расходится с очевидным фактом наличия Устава 1866 г. Может быть, его нужно понимать фигурально? Между тем, по мнению П. А. Зайончковского, устав, принятый в 1866 году, существенно отличался от Устава 1831 года²¹. С данным утверждением невозможно не согласиться, но этого никак нельзя утверждать относительно Уставов 1856 и 1866 годов, отличия которых в области нормативов движения батальона, развернутого строя, построений в колонну и т. п. носили несущественный характер²². Более того, в рассыпной строй по Уставу 1856 года можно было развернуть батальон (пар. 287)²³, Устав 1866 года позволял это только для ро-

¹⁷ Айрапетов О. Р. Испытание войной: реформы и вооруженные силы России и Турции в 1860–1870-е гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 20–25.

¹⁸ Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880) / Под ред. ген.-лейт. Богдановича. СПб. 1881. Т. 6. С. 143.

¹⁹ Там же. С. 179.

²⁰ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Проект. Киев, 1901. Объяснительная записка. С. 1.

²¹ Зайончковский П. А. Военные реформы 1860–1870 годов в России. М., 1952. С. 187.

²² Воинский Устав о строевой службе. Ч.3. Батальонное учение. Отдел 1. СПб., 1856. С. 35–42, 49–65.; Воинский Устав о строевой службе. Батальонное учение. СПб., 1866. С. 23–29, 30–47.

²³ Воинский Устав о строевой службе. Ч.3. Батальонное учение. Отдел 1. СПб., 1856. С. 113–114.

ты (пар. 198)²⁴. Эти положения явно не соответствовали реалиям поля боя 1870-х годов. Из 96 473 раненых в 1870–1871 гг. немцев пулей было ранено 91,6% (штыковые ранения получили 0,7% (650 чел.), сабельные или пикой — 1,2%, и 8,4%)²⁵. Существовавшие в Уставе положения явно демонстрировали «несоответствие его новым видам оружия»²⁶. Опыт, свидетельствовавший о том, что огонь предпочтительнее штыка был правильно оценен рядом военных в России, но он так и не стал руководством к действию²⁷. Созданная в 1875 г. комиссия для обсуждения возможных изменений в Уставе, анализируя уроки франко-прусской войны, высказалась в пользу «рассыпного строя», но сделать эти изменения до войны так и не успели²⁸.

Русский пехотный батальон, по-прежнему состоял из 4 пехотных и 1 стрелковой рот²⁹. Это деление имело смысл во время разделения стрелкового оружия пехоты на гладкоствольное и нарезное, но уже с 1856 года началось перевооружение армии передельной нарезной винтовкой, а в 1869 была принята на вооружение система Крнка³⁰. Положение 1856 года предполагало последовательную атаку пехотного батальона следующим образом: огонь развернутой в цепь стрелковой роты, потом огонь четырех полувзводов застрельщиков пехотных рот и, наконец, удар этих рот в сомкнутом строю³¹. Конечно, это было прогрессом по отношению к положениям 30-х годов, когда Устав предполагал использование только взводов застрельщиков для прикрытия (пар. 430, 431, 435)³², как, впрочем и в Уставе 1852 года, по которому движение батальона прикрывали только застрель-

²⁴ Воинский Устав о строевой службе. Батальонное учение. СПб., 1866. С. 90.

²⁵ Процент поранений, произведенных разными видами оружия в войну 1870–71 годов // ОСб. 1887. № 2. С. 1.

²⁶ Зайончковский П. А. Ук. соч. С. 188.

²⁷ Меннинг Б. Ук. соч. С. 68, 70.

²⁸ Зайончковский П. А. Ук. соч. С. 189–190.

²⁹ Воинский Устав о строевой службе. Батальонное учение. СПб., 1866. С. 1.; Воинский Устав о строевой службе. Ч. 3. Батальонное учение. Отдел 1. СПб., 1856. С. 1.

³⁰ Федоров В. Г. Вооружение русской армии за XIX столетие. СПб., 1911. С. 119–120, 210.

³¹ Воинский Устав о строевой службе. Ч. 3. Батальонное учение. Отдел 1. СПб., 1856. С. 150.

³² Воинский Устав о пехотной службе. Книга 1. О строевой службе. Часть 4. Линейное учение. СПб., 1839. С. 133–134.

щики (Глава 1. Пар. 23)³³. Фактически с теми же приемами, несколько измененными в 1866 году (ввиду однообразного вооружения исчезли полувзводы застрельщиков, фланги и фронт наступавших прикрывала цепь стрелковой роты (пар. 199)³⁴, армия вышла на войну 1877–1878 гг. Пехотный батальон разворачивался для атаки в 4 ротные колонны, прикрытые развернутой в цепь стрелковой ротой. Ширина фронта батальона составляла 200–400 шагов, а глубина 500–700 шагов. 4/5 батальона шли штыковую пехоту плотной массой, представлявшей удобную мишень и для не очень опытного стрелка. Устав предполагал возможность стрельбы для прикрытия атаки — по сплошным целям с дистанции 600–800 шагов, по одиночным — с дистанции 300 шагов.³⁵ Это стало не последней причиной неудачным действий русской пехоты в наступлении в первый период войны. Турецкая пехота, незадолго до войны перевооруженная винтовками Пибоди-Мартини американского производства, могла вести беглый огонь с дистанции в 1 800 шагов³⁶.

Не лучшим образом показала себя и русская артиллерия. Пехотной дивизии придавалась артиллерийская бригада. Она имела в своем составе 3 батареи 4-фунтовых и 3 батареи 9-фунтовых орудий по 8 пушек в каждой. Каждая кавалерийская дивизия имела две батареи 4-фунтовых орудий по 6 в каждой. В начале войны артиллерия была представлена бронзовыми орудиями³⁷, тяжелыми и недальнобойными³⁸. Это продемонстрировал и третий штурм Плевны — в немалой степени из-за низкого уровня управления³⁹, но подвело и качество боеприпасов, которое было удручающе низким. Турецкие редуты остались не разрушенными, город и поля перед укреплениями были завалены сотнями неразорвавшихся

³³ Воинский Устав о пехотной службе. Книга 3. О полевой службе. Часть 2. О полевой службе в военное время. СПб., 1852. С. 13.

³⁴ Воинский Устав о строевой службе. Батальонное учение. СПб. 1866. С. 90.

³⁵ Меннинг Б. Ук. соч. С. 67–68.

³⁶ Подробнее см.: *Achtermeier O. The Turkish Connection. The Saga of the Peabody-Martini Rifle // Man at arms. 1979. Vol. 1. N. 2. P. 12–21.*

³⁷ *Greene F. V. Report on the Russian army and its campaign in Turkey in 1877–1878. Nashville, 1996 (reprint from the first edition — 1879). P. 59.*

³⁸ *Зайончковский П. А. Ук. соч. С. 159–160; Меннинг Б. Ук. соч. С. 54–55.*

³⁹ История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1966. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 4. Артиллерия русской армии в период утверждения капитализма (60-е гг. — начало 90-х гг. XIX в.). С. 265, 267, 269.

русских снарядов⁴⁰. Следует добавить, что они были не только надёжными, но и недостаточно мощными. 9-фунтовая шрапнель имела от 280 до 300 пуль, но всего 136,5 граммов вышибного заряда, а 4 фунтовая шрапнель — наполовину меньше пуль и пороха⁴¹. Но уже под Горным Дубняком и особенно под Телишем использование 9-фунтовых орудий (42 линии или 107 мм) с улучшенным шрапнельным снарядом дало требуемый эффект. Гарнизон Телиша сдался в результате второй атаки, проведенной исключительно артиллерией. Концентрированный огонь 54 русских орудий быстро привел к молчанию 3 турецких и не дал оборонявшимся возможность использовать превосходство своих винтовок при отражении русских атак. Общие потери русских войск были исключительно малы — 3 офицера и 46 нижних чинов (под Горным Дубняком — 3 533 чел.)⁴².

Русско-турецкая война в очередной раз показала важность современной артиллерии для успеха в бою. Перевооружение пришлось начать еще во время военных действий. 4 фунтовые бронзовые орудия имели дальность в 3400 м, а 9-фунтовые — 4 480 м, в то время как стальные образца 1877 года 87-мм — 6 470 м, и 107 мм — 5 530 м⁴³. Уже в ноябре 1877 г. Обуховскому заводу был сделан заказ на 1 700 стальных 4- и 9-фунтовых орудий для пешей, конной и горной артиллерии. Для ускорения перевооружения заказы были сделаны и у Круппа⁴⁴. На это пришлось пойти при самом тяжелом финансовом положении. Обыкновенные доходы на 1877 год составили 548 830 831 рубль, в то вре-

⁴⁰ Шильдер Н. К. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. СПб., 1886. Т. 2. С. 838.

⁴¹ Тертиловский. Записки лаборатории легких и конных стальных и 4-х и 9-фунтовых медных полевых пушек для бригадных учебных команд и фейерверкеров полевой артиллерии. СПб., 1878. С. 95, 100.

⁴² История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1966. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 4. Артиллерия русской армии в период утверждения капитализма (60-е гг. — начало 90-х гг. XIX в.). С. 287–288; Аффанасович В. Воспоминания о времени, прожитом вместе со 2-ю гвардейскою пехотною дивизиею в турецкую войну 1877 года. // Военный сборник (далее ВС). 1880. № 11. С. 439–440; Стоянов Н. 3-я гвардейская и гренадерская артиллерийская бригада в войну 1877–78 годов // Артиллерийский журнал (далее АЖ). 1882. № 2. С. 149–153, 153; Т. М. Д. Под Телишем в 1877 году. Из дневника офицера // Русская старина. 1889. Т. 64. Вып. 12. С. 763–772.

⁴³ Козловский Д. Е. Ук. соч. С. 175, 229.

⁴⁴ Колчак В. Ук. соч. С. 113; 115; Greene F. V. Op. cit. P. 59.

мя как расходы на военные нужды, начиная с мер по подготовке к войне, принятых в конце 1876 года, составили на 1 (13) января 1878 года 898 935 000 руб.⁴⁵ Расходы на Военное министерство и без того доходившие до $\frac{1}{3}$ бюджета перед войной, почти утроились. В 1877 году они составили 571 и в 1878 году — 560 млн руб., при том, что обыкновенные доходы Империи в 1878 году составили 625 972 735 руб.⁴⁶ В этих условиях в 1879 году пришлось выделить 25 594 300 рублей на перевооружение артиллерии⁴⁷. В 1880 г. на перевооружение артиллерии, постройку складов для артиллерийского имущества, заготовку малокалиберных винтовок и приведение части крепостей в оборонительное состояние пришлось потратить еще 14 051 930 руб.⁴⁸ Перевооружение было не быстрым. К 1880 году Обуховский завод поставил всего 350 орудий. В 1877–1879 гг. у Круппа было заказано 1 850 орудий разных калибров, из них к 1880 году поставлено 1 600⁴⁹. Первые стальные орудия образца 1877 г. стали поступать в полевую артиллерию только в 1878 году⁵⁰. Перевооружение закончилось в 1882 году. Если в начале 1880 г. только 65% русских полевых пушек были стальными, то в 1882 году от бронзы удалось в целом избавиться. К этому времени из 3 550 полевых стальных орудий только 1 700 были русского производства⁵¹.

Огромные потери от огня винтовок, понесенные немцами во Франции и русской пехотой на Балканах и, вызвали особый ин-

⁴⁵ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1878 год. СПб., 1879. С. 82–83.

⁴⁶ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1879 год. СПб., 1880. С. 6; 91.

⁴⁷ Там же. С. 94.

⁴⁸ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1880 год. СПб., 1881. С. 103.

⁴⁹ Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880) / Под ред. ген.-лейт. Богдановича. СПб., 1881. Т. 6. С. 249.

⁵⁰ Исторический очерк деятельности военного управления в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855–1880) / Под ред. ген.-лейт. Богдановича. СПб., 1881. Т. 6. Прил. 106. Сведения об отпуске орудий, огнестрельного и холодного оружия.

⁵¹ Черняк А. Я. Возникновение в России сталепушечного производства и перевооружение артиллерии стальными орудиями. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, исторический факультет, 1955. С. 17.

терес к модернизации ручного огнестрельного оружия. В 1880–1890-е гг. повсюду шли активные работы к переходу на магазинную винтовку. Предпринимались попытки модернизации имевшегося оружия. 11-мм французские Шаспо (1866) и Гра (1874) стремительно устаревали, и была сделана попытка сделать переходной вариант магазинной винтовки Гра-Кропачек (1884). Итальянская 10,4-мм винтовка Веттерли (1871) также была переделана в систему Веттерли-Витали (1887). Немецкий 11-мм ваузер (1871) также прошел схожую модернизацию в 1888 г. Обычно это делалось путем добавления приставного магазина, часто весьма ненадежного⁵². Очевидным также стало стремление стран, которые хотели играть активную роль в политике, обзавестись оружием собственного производства. В начале 1880-х годов японская армия стала переходить с винтовок системы Снайдерса и Пибоди-Мартини на собственную однозарядную винтовку системы полковника Мурато⁵³. Она была официально принята на вооружение 20 марта 1880 г. и была признана русскими специалистами одной из лучших в своем классе. Удобная, простая и надежная, 4-линейная (10,25-мм) винтовка Мурато объединила сильные стороны немецкого Маузера и французских систем Гра и Бомона⁵⁴.

В 1886 г. Франция приняла на вооружение 8-мм винтовку Лебея, специально сконструированную как магазинную, и в том же году в Германии и Австро-Венгрии начались работы по перевооружению новым стрелковым оружием того же калибра. В результате в 1890–1891 гг. австро-венгерская армия и ландвер перешли на новую, 8-мм магазинную винтовку Манлихера, Германия сделала это в 1888–1889 гг. В 1889–1892 гг. на магазинную систему перешли Англия, США, Италия, Румыния, Швейцария, Дания, Голландия, Испания, Португалия⁵⁵. В России этот процесс затянулся

⁵² Новейшее вооружение иностранных армий // ОСб. 1889. № 1. С. 1–3, 24–25; Новейшее вооружение иностранных армий // ОСб. 1889. № 2. С. 1–2; Ручное огнестрельное оружие иностранных государств в начале 90-х годов // ОСб. 1893. № 4. С. 1, 16, 21, 26, 34–35, 37, 39, 41, 43, 45–46, 51, 61.

⁵³ Унтербергер П. Несколько слов о военной реформе в Японии // Инженерный журнал. 1883. № 3. С. 358–359, 370–371.

⁵⁴ фон-дер-Ховен А. Ружье системы Мурата принятое в японской армии // ОСб. 1884. № 2. С. 38–39.

⁵⁵ Новейшее вооружение иностранных армий // ОСб. 1889. № 1. С. 1–3, 24–25; Новейшее вооружение иностранных армий // ОСб. 1889. № 2. С. 1–2; Ручное огнестрельное оружие иностранных государств в начале 90-х годов // ОСб. 1893. № 4. С. 1, 16, 21, 26, 34–35, 37, 39, 41, 43, 45–46, 51, 61.

до 16 (28) апреля 1891 г., когда Александр III, «... Высочайше соизволил утвердить испытательный образец новой пачечной винтовки уменьшенного калибра и патрона к ней, а также пачечной обоймы к патронам и Высочайше повелеть соизволил именовать винтовку эту “3-х линейною винтовкою образца 1891 года”»⁵⁶.

Началось перевооружение армии знаменитой трехлинейкой. Это создало колоссальные проблемы — нужно было куда-то деть старые винтовки, утилизировать сотни миллионов патронов к ним и создать новые запасы на случай мобилизации. О сложности и масштабе проблемы можно судить по тому, что Ижевский оружейный завод, выполнявший заказ по производству новых винтовок, планировал изготовить в 1891 году 575 тыс. стволов и до 200 тыс. винтовок. Реально было произведено 199 359 стволов, а запланированной цифры стволов удалось достичь только в 1893 г. Вплоть до 1896 г. завод производил не менее 500 тыс. стволов в год⁵⁷. Не менее значительным было напряжение и Сестрорецкого завода, который начал производство трехлинейек с 20 тыс. в 1891 году, довел их число до 75 тыс. в 1895–1896 гг., после чего число их снизили до 50 тыс. в год⁵⁸. Безусловное первенство было за Тульским заводом, который произвел первую опытную серию винтовок в 1890 г. (300 шт.), а с 1892 г. приступил к массовому производству — до 270 тыс. ежегодно⁵⁹. С 1892 по 1897 гг. Тульский завод произвел 1 млн, а к 1902 году — 2 млн винтовок⁶⁰. Финальным аккордом этого процесса стало введение в армии бездымного пороха — переход должен бы идти постепенно, по мере производства этого вида пороха в России. Приказ об этом вышел 6 (18) января 1895 года⁶¹. В 1895 г. было произведено

⁵⁶ Приказ № 3124. С.-Петербург. Мая 11-го дня 1891 года. (По Главному Артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1891 год. СПб., 1892. С. 185.

⁵⁷ Соловьев А. М. В память столетнего юбилея Ижевского оружейного завода 1807 г. 10 июня — 1907 г. 10 июня. Исторический очерк. Ижевск, 1907. С. 45; 48.

⁵⁸ Зыбин С. А. Оружейные заводы: Тульский, Сестрорецкий и Ижевский. Кронштадт, 1898. С. 50.

⁵⁹ Ашуурков В. Н. Кузница оружия. Очерки по истории Тульского оружейного завода. Тула, 1947. С. 71–72.

⁶⁰ Крылов И. А. Описание Императорского Тульского оружейного завода. Тула, 1901. С. 18–19.

⁶¹ Приказ № 5. С.-Петербург. Января 6-го дня 1895 года. (По Главному Артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1895 год. СПб., 1896. С. 6.

460 тыс. новых винтовок и свыше 110 млн патронов⁶². К 1 (13) января 1897 года было произведено 1 975 793 винтовки, 1,15 млрд. патронов и 613 000 пудов бездымного пороха (не считая произведенного для нужд флота). В 1897–1901 гг. планировалось произвести еще 1 655 000 винтовок, 532 млн патронов и 701 000 пудов бездымного пороха⁶³. Вторая очередь перевооружения требовала свыше 98 млн руб.⁶⁴ В 1901 году этот период был в целом завершен. 12 лет перевооружения обошлись в 270 млн рублей. Большинство винтовок и револьвером Наган было произведено в России, за исключением 503 539 трехлинейек, заказанных во Франции и 20 тыс. револьверов (из 200 тыс.), заказанных в Бельгии⁶⁵.

Гонка вооружений неизбежно затронула и артиллерию. Казалось бы, опыт войны 1877–1878 гг. указывал на значимость наличия тяжелых орудий в полевой артиллерии. Но на пути внедрения этого новшества стояли финансовые (перевооружение новым стрелковым оружием требовало колоссальных средств) и технические сложности. Уже в 1870-е годы наметилась тенденция к росту калибров, но использование гигантских орудий (калибр доходил до 450-мм, вес такой пушки — 100 т) вызывало проблемы даже на флоте, а перевозка их по земле встречала почти непреодолимые препятствия. К тому же и качество сверхмощных орудий не было еще высоким⁶⁶. К концу 1870-х — началу 1880-х гг. тяжелой полевой артиллерии не было ни в одной армии — в Германии, Франции, Англии, Италии, Швеции, Австро-Венгрии, да и в России полевая артиллерия не превышала калибра 70–90 мм⁶⁷. Усилившаяся мощь орудий исключала возможность старого, деревянного лафета или станка. Естественно, что пионером перехода на железо был флот, где мощь орудий выросла раньше, чем на суше⁶⁸. Посте-

⁶² Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1895 год. СПб., 1896. С. 20–22.

⁶³ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1896 год. СПб., 1897. С. 17; 21.

⁶⁴ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1897 год. СПб., 1898. С. 21.

⁶⁵ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1901 год. СПб., 1902. С. 27–28.

⁶⁶ Колчак В. Ук. соч. С. 111–112.

⁶⁷ Энгельгардт А. П. Сборник сведений о материальной части полевой, осадной, крепостной и береговой артиллерии в России и иностранных государствах. СПб., 1879. С. 1–37.

⁶⁸ Колчак В. Ук. соч. С. 48–49; 133.

пенно и артиллерия ведущих армий мира переходила на железный лафет (в России для легких полевых орудий он был спроектирован в 1875 г.)⁶⁹. Железные лафеты вводились и для тяжелой артиллерии в Пруссии, России, Англии, частично в Италии и Австро-Венгрии, где еще использовали и деревянные⁷⁰. Наиболее тяжелые русские орудия — 6-, 11- и 12-дюймовые изготавливались на Обуховском заводе, как правило, для флота, и использовались на железном станке⁷¹.

В 1885 г. ген.-м. А. П. Энгельгардт изобрел железный лафет для 6-дюймовой мортиры, позволявший вести огонь с колес. Интересно, что его в этой работе весьма вдохновил успех артиллерии под Телишем⁷². До этого изобретения тяжелые орудия перевозились на лафетах, но огонь, как, например, русская 6-дюймовая мортира, вели со станков. Это требовало времени для подготовки перехода из походного состояния в боевое⁷³. Новое орудие было легким для своего калибра — 128 пудов вместе с лафетом и передком, в котором перевозились 4 бомбы и 8 шрапнелей, оно показало хорошие результаты при стрельбе по закрытым целям и земляным укрытиям⁷⁴. Тяжелая бомба новой гаубицы была в состоянии проделать двухметровую брешь в четырёхметровом земляном бруствере⁷⁵. Обсуждение нового орудия началось с 1885 года, несмотря на удачные испытания, в том числе и на маневрах 1888 года, где по мобильности сформированная мортирная батарея практически ничем не отличалась от обычной полевой⁷⁶. Обсуждение гаубицы новой системы было сложным, мобильность орудия не исчерпывалась его весом — на нее оказывало влияние и тяжесть перевозимых боеприпасов. Для равного с легкой пушкой количества снарядов требовалось большое количество зарядных ящиков, лошадей и людей. Тем не менее ведущий дискуссию ген.-ад. М. И. Драгомиров был категоричен — «чем скорее это орудие будет введено,

⁶⁹ Энгельгардт А. П. Сборник сведений... С. 116–123.

⁷⁰ Там же. С. 177–178, 180–181, 186.

⁷¹ Колчак В. Ук. соч. С. 113, 241.

⁷² Сообщение генерал-майора Энгельгардта о новой укороченной 6-дюймовой пушке и замечания, вызванные этим сообщением в Николаевской Академии Генерального штаба 21 и 28 января, 4 и 11 февраля 1888 г. СПб., 1888. С. 1, 67.

⁷³ Энгельгардт А. П. Сборник сведений... С. 187.

⁷⁴ Наставления для службы при полевых 6-дюймовых мортирах. СПб., 1890. С. 90–91, 240–241.

⁷⁵ Козловский Д. Е. Ук. соч. С. 243.

⁷⁶ Сообщение генерал-майора Энгельгардта... С. 1, 5, 15

тем лучше»⁷⁷. Он подчеркнул необходимость наличия подвижного тяжелого орудия, которое сможет вести навесной огонь по закрытым целям⁷⁸.

Авторитет начальника Академии Генерального штаба был весьма высок. 18 (30) июня 1888 г. последовало Высочайшее повеление о сформировании 8 мортирных батарей. В сентябре следующего года приказом Военного министра они были сведены в 2 мортирных полка по 4 батареи в каждом⁷⁹. Батареи были вооружены орудием системы Энгельгардта⁸⁰. В ноябре 1890 года был сформирован еще один мортирный полк⁸¹, а в декабре 1893 года было принято решение сформировать в 1894 году еще два полка, но уже двухбатарейного состава⁸². Итого в 1888–1894 гг. было сформировано 5 полков с 16 батареями, вопреки данным классического исследования, где указывается, что 5 полков с 30 батареями были сформированы в 1888–1890 гг.⁸³ Тяжелая полевая артиллерия была немногочисленной, впрочем, не смотря на внедрение передовых для того времени орудий, общий рост артиллерии в правление Александра III также был явно недостаточен. Он попросту не успевал за ростом русской пехоты. Если в 1881 г. на 1 000 строевых нижних чинов приходилось 2,4 орудия, то в 1895 г. на это же число солдат приходилось 2,3 орудия⁸⁴.

Мортиры Энгельгардта вводились «для доставления возможности действовать перекидным и навесным огнем» и поначалу имели два вида снарядов — фугасную бомбу 26,8 кг с разрывным

⁷⁷ Там же. С. 2.

⁷⁸ Там же. С. 87.

⁷⁹ Приказ № 225. С.-Петербург. Сентября 22-го дня 1889 года. (По Главному Артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1889 год. СПб., 1890. С. 453.

⁸⁰ Наставления для службы при полевых 6-дюймовых мортирах. С. 1.

⁸¹ Приказ № 276. С.-Петербург. Ноября 20-го дня 1889 года. (По Главному Артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1889 год. СПб., 1891. С. 800.

⁸² Приказ № 287. Декабря 11-го дня 1893 года. (По Главному Артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1893 год. СПб., 1893. С. 622.

⁸³ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 1. Организация артиллерии. С. 206.

⁸⁴ Обзор деятельности Военного министерства в царствование императора Александра III. СПб., 1903. С. 57.

зарядом в 4,64 кг и шрапнель весом в 29,5 кг с 700 пулями⁸⁵. Это были довольно мощные снаряды, у гаубицы-пушки была приличная скорострельность — до 4 выстрелов в минуту⁸⁶, но ее баллистика была не идеальной, она была недостаточно дальнобойной — всего 4 тыс. м⁸⁷. Впрочем, возможности ведения навесного огня этого орудия использовались и в годы Первой Мировой войны на Кавказском фронте⁸⁸. Орудия с такими характеристиками армии были нужны на случай осуществления «Босфорского проекта», то есть десанта на Босфор, где должна была быть создана минно-артиллерийская оборонительная позиция.⁸⁹ В условиях боя в устьях проливов эти гаубицы, которые не нуждались в особо подготовленных позициях и были мобильны, приобретали важное значение⁹⁰. В 1888 году тяжелые орудия русского флота получили стальные снаряды для своих орудий⁹¹. Они имели более высокие бронепробивные качества, чем снаряды из закаленного чугуна⁹². В том же году и полевая гаубица получила еще один снаряд — стальную (т. е. имевшую бронепробивный эффект) мелинитовую бомбу с весом разрывного снаряда в 6,2 кг⁹³. Она могла стать серьезной угрозой для палуб британских броненосцев в устьях Проливов. Характерно, что производство этих снарядов активизировалось в решающие годы для «Босфорского проекта» — в 1894–1895 гг. (4 232 и 3 828 против 554 и 746 шрапнелей), и резко сократилось в 1896 г., когда проект был заторможен (1 240 бомб против 2 650 шрапнелей), а в 1897 г. сталь-

⁸⁵ Наставления для службы при полевых 6-дюймовых мортирах. С. 89.

⁸⁶ История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1970. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 5. Артиллерия русской армии в эпоху империализма (90-е гг. — 1905 г.). Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 42.

⁸⁷ Козловский Д. Е. Ук. соч. С. 257.

⁸⁸ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 1. Организация артиллерии. С. 206.

⁸⁹ См.: Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Н. Н. Обручев (1830–1904). СПб., 1998. С. 248–253, 281–286; Он же. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2015. С. 87–92.

⁹⁰ Российский Государственный военно-исторический архив. Ф. 400. Оп. 4. Ед. хр. 587. Л. 96.

⁹¹ Колчак В. Ук. соч. С. 241–242.

⁹² Козловский Д. Е. Ук. соч. С. 243.

⁹³ Дзякович. Краткое описание 6-ти дюймовой полевой мортиры. Владивосток, 1913. С. 23.

ные бомбы временно прекратили производить⁹⁴. Береговая и морская артиллерия получила стальные бронебойные снаряды в 1891 году⁹⁵.

Как часто случается, после победы ошибки, совершенные на войне, были благополучно забыты. В первую очередь это отразилось на уставах, нормативных документах подготовки войск к бою. Опыт Плевны, Горного Дубняка и Телиша все же нельзя было игнорировать, что и отразилось в принятии Устава 1881 года и «Инструкции для действий в бою отрядов из всех родов оружия». В частности, Устав вводил рассыпной строй, увеличивалось внимание к ружейному огню (пар. 130–132)⁹⁶. «Инструкция...» рекомендовала концентрацию артиллерии и сосредоточение ее в боевую часть (пар. 8.)⁹⁷, артиллерия, предназначенная в резерв, должны была ставиться в 40 шагах от позиции пехоты (пар. 10)⁹⁸, внимание уделялось занятию удобных для обстрела позиций — командных высот и т. п. (пар. 25)⁹⁹. Первая позиция для огня артиллерии определялась в 1300–1000 сажений — 2,6–2 версты (пар. 37), контрбатарейная борьба начиналась на дистанции 900–700 сажений, то есть меньше 2 верст (пар. 38)¹⁰⁰, эту же дистанцию называли и собственно артиллерийские инструкции¹⁰¹. Недостатки этих документов стали очевидными уже в 1890-е годы, когда с принятием бездымного пороха возникли новые реалии боя¹⁰².

С 1896 шла разработка нового Устава, в 1900 году разработан новый его проект¹⁰³, в мае 1899 года последовал приказ о нача-

⁹⁴ *Лонцкий В. А.* О производстве стальных снарядов на Златоустовском казенном заводе. СПб., 1902. С. 3.

⁹⁵ Приказ 47. С.-Петербург. Февраля 12-го дня 1891 года; Приказ № 206. С.-Петербург Июля 19-го дня 1891 года; Приказ № 228 Августа 2-го дня 1891 года. (По Главному Артиллерийскому управлению) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1891 год. СПб., 1891. С. 81, 355, 389.

⁹⁶ Устав о строевой службе в пехоте и инструкция для действий роты и батальона в бою. СПб., 1881. С. 106.

⁹⁷ Инструкция для действий в бою отрядов из всех родов оружия. СПб., 1882. С. 4.

⁹⁸ Там же. С. 5.

⁹⁹ Там же. С. 14–15.

¹⁰⁰ Там же. С. 23–24.

¹⁰¹ Инструкция для действий в бою полевой артиллерии в связи с другими родами войск. Общие основания для стрельбы полевой артиллерии. СПб., 1882. С. 9.

¹⁰² *Меннинг Б.* Ук. соч. С. 201, 205.

¹⁰³ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Проект. Киев. 1901. С. I–IX (Объяснительная записка).

ле испытаний «Наставления для полевой службы» в ходе лагерных сборов 1899–1900 годов. К 1 (13) ноября 1900 командующими войсками Военных округов должны были представить свои соображения по результатам лагерной проверки¹⁰⁴. Испытания, очевидно, не были признаны удачными. 16 (29) февраля 1901 г. Военного министра известил войска: «Впредь до разработки окончательной редакции означенного «Наставления» Государю Императору благоугодно было повелеть принять к руководству «Устав полевой службы» изд. 1881 г.¹⁰⁵ С этого приказ начиналось и новое издание старого Устава¹⁰⁶, который был уже не только старым, но и устаревшим — его положения уже явно не соответствовали возможностям нового оружия.

В частности, дистанция артиллерийского выстрела определялась и в 1881 и в 1901 гг. в 3 тыс. сажен, т. е. в 6 верст, меньше дальности полевой артиллерии начала XX века¹⁰⁷. Новый Устав был принят с небольшими изменениями только 10 (23) апреля 1904 года, то есть уже во время войны с Японией и уже был устаревшим. Положения его явно недооценивали новые возможности оружия. Артиллерию предполагалось располагать между позициями пехоты (пар.18)¹⁰⁸, статья 46 прямо запрещала располагаться слишком далеко позади от пехоты, «памятуя священный закон ручки своих», а при наступлении переходить в передовые линии атакующих, «на ближайšie к противнику позиции, чтобы поддерживать пехоту и содействовать в преследовании опрокинутого неприятеля, а при неудаче прикрыть огнем отступление, рискуя даже потерей орудий»¹⁰⁹. Далее дистанции «верного артиллерийского огня», а она определялась в 2 версты, артиллерии удаляться не рекомендовалось (с. 78)¹¹⁰.

¹⁰⁴ Приказ № 124. С.-Петербург. Мая 3-го дня 1899 года (По Главному Штабу) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1899 год. СПб., 1899. С. 219.

¹⁰⁵ Приказ № 66. С.-Петербург. Февраля 13-го дня 1901 года (По Главному Штабу) // Алфавитный указатель Приказов по Военному ведомству и циркуляров главного штаба за 1901 год. СПб. 1901. С. 227.

¹⁰⁶ Устав Полевой службы. 1881. СПб., 1901. С. 1.

¹⁰⁷ Устав Полевой службы. СПб., 1881. С. 9.

¹⁰⁸ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Высочайше утвержден 10 апреля 1904 года. СПб. 1907. С. 195 (Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия).

¹⁰⁹ Там же. С. 203.

¹¹⁰ Там же. С. 213.

Все эти положения прошли в Устав, принятый уже во время войны с Японией без каких-либо изменений из проекта 1900 г.¹¹¹ В «Правилах» стрельбы для полевой артиллерии от 1900 г. о закрытых позициях не было сказано ни одного слова¹¹². И Проект Устава 1900 года (пар. 48)¹¹³, и Устав 1904 г. (пар. 48) категорически указывала: «Артиллерии следует избегать стрельбы через головы своих». Подобный прием позволялся в самых крайних случаях.¹¹⁴ Что касается полевой тяжелой артиллерии, то есть мортир, то их предполагалось выводить в резерв для определения цели в ходе боя (пар. 24 проекта Устава 1900 г.¹¹⁵ и пар. 17 Устава 1904 г.¹¹⁶). На тяжелую артиллерию по привычке продолжали смотреть как на артиллерию преимущественно осадную. Особое значение придавалось скорострельности. В 1895 году на вооружение была принята 3,42-дюймовая (87 мм) поршневая пушка, позволявшая делать 2 выстрела в минуту¹¹⁷. Фактически это было все то же орудие на модернизированном лафете, несколько ослаблявшем откат¹¹⁸.

На фоне гонки за современной и надежной магазинной винтовкой и скорострельной пушкой не было по достоинству оценено еще одно грозное стрелковое оружие — пулемет. Его возможности обсуждались с середины 1880-х годов¹¹⁹, и в результате были

¹¹¹ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Проект. Киев, 1901. С. 120–126 (Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия).

¹¹² Правила стрельбы батарейных, легких и конных батарей. Издание Главного Артиллерийского Управления. СПб., 1900. С. 1–44.

¹¹³ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Проект. Киев, 1901. С. 126 (Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия).

¹¹⁴ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Высочайше утвержден 10 апреля 1904 года. СПб., 1907. С. 195 (Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия).

¹¹⁵ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Проект. Киев, 1901. С. 121 (Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия).

¹¹⁶ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Высочайше утвержден 10 апреля 1904 года. СПб., 1907. С. 195–196 (Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия).

¹¹⁷ История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1970. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 5. Артиллерия русской армии в эпоху империализма (90-е гг. XIX в. — 1905 г.). Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 30, 42.

¹¹⁸ Козловский Д. Е. Ук. соч. С. 272–273.

¹¹⁹ Н. А. Картечницы и автоматические ружья Мэксима // АЖ. 1885. № 1. С. 28–30.

недооценены — пулемет Максима поначалу был признан непригодным и ненадежным оружием¹²⁰. Справедливости ради, надежность первых моделей была не безусловной, пулемет часто заедало, первые небольшие заказы, сделанные в 1888 году, продемонстрировали всего лишь удовлетворительные результаты¹²¹. Первые пять пулеметных рот, вооруженных Максимами (по 8 в каждой), появились в русской армии только в 1891 году¹²². К войне с Японией армия подошла, уступая противнику в этом виде оружия. Вместе с Максимом в русской кавалерии имелось и «ружье-пулемет» Мадсена. В 1902 году были сформированы 32 конно-пулеметные команды, вооруженные этим датским пулеметом. Перед войной 1904–1905 гг. его считали одним из лучших¹²³, но на практике оказалось, что это был в высшей степени неудачный выбор. Ружья-пулеметы были очень сложными в сборке и разборке, имели большое количество незаменимых частей, постоянно заклинивали, и были ненадежны при интенсивной стрельбе¹²⁴. В боях в Манчжурии русские солдаты сразу же оценили качества пулемета. Солдаты называли его «чертовой поливайкой» и начали ценить пулеметы выше орудий¹²⁵. В не меньшей степени ценили пулемет и их противники¹²⁶. Последнее не удивительно, если вспомнить о том, что русский устав 1904 г. рекомендовал атаку с последней стрелковой позиции (300–400 шагов) в сомкнутом строю без выстрелов (пар. 89)¹²⁷. Насыщая войска новым оружием, командование русской армии игнорировало его возможности, оперируя приемами почти 100-летней давности. Остается только догадываться, к чему приводила атака на позицию с пулеметом.

¹²⁰ Н. А. Самострельная артиллерия // АЖ. 1889. № 9. С. 773–775.

¹²¹ О результатах приемного испытания пяти 3-лн. Автоматических пулеметов системы Максима // АЖ. 1894. № 12. С. 581–584.

¹²² История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1970. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 5. Артиллерия русской армии в эпоху империализма (90-е гг. XIX в. — 1905 г.). Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 25.

¹²³ Пулеметы в иностранных армиях // ОСб. 1906. № 4. С. 1–2.

¹²⁴ Конно-пулеметчик. Еще о пулемете в коннице // Вестник русской конницы. 1910. № 12. С. 547–549.

¹²⁵ Юденич Н. Форты-капониры и их вооружение // ИЖ. 1907. № 3. С. 455.

¹²⁶ Тактика пулеметов (перевод с японского) // Сборник Главного Управления Генерального штаба. 1910. Вып. 10. Отдел II. С. 36.

¹²⁷ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Высочайше утвержден 10 апреля 1904 года. СПб. 1907. Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия. С. 215.

Впрочем, тому имеется весьма авторитетное свидетельство. По словам ген. М. В. Алексева — к огромным потерям: «Это грозное оружие временами сметает нашу атакующую пехоту»¹²⁸. В России оно не производилось до 1904 г., при этом Тульский завод сумел произвести в 1905 г. только 28 пулеметов¹²⁹. Их приходилось покупать у английской фирмы Виккерс¹³⁰, с ней же в 1904 году было подписано лицензионное соглашение. До 1914 года фирма должна была получать по 80 фунтов за каждый пулемет. Цена Тульского завода составляла 2271 рубль за каждый Максим, из них 761 рубль приходилось выплачивать британцам¹³¹. Только к 1906 г. сумели поднять количество пулеметов в армии до 1800 системы Максим и свыше 1000 Мадсена¹³². Соглашение с Виккерсом было явно вынужденным обстоятельствами войны, и в 1908 году удалось договориться с фирмой о понижении оплаты на 20 фунтов (189 руб.) за изделие, что давало гарантированную экономию свыше 500 тыс. руб. при заказе 3 тыс. пулеметов для армии.¹³³

В конце XIX века гонка вооружений, которая уже тогда казалась многим бесконечной, сделала очередной рывок. В 1897 г. во Франции приняли на вооружение новое орудие. Скорострельная 75-мм полевая пушка образца 1897 г. считалась достаточной для решения всех задач, «могущих встретиться артиллерии на войне»¹³⁴. Германская 77-мм полевая пушка образца 1896 г. значительно уступала французской по дальностью при стрельбе шрапнелью (5,3 км против 6,7) и гранатой (до 8 против 8,5). Французский разрывной заряд (0,65 кг) был тяжелее германского (0,16 кг), к тому же фран-

¹²⁸ Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки. Ф. 855. Карт. 1. Ед. хр. 34. Л. 42.

¹²⁹ Ашурков В. Н. Ук. соч. С. 73.

¹³⁰ История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1970. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 5. Артиллерия русской армии в эпоху империализма (90-е гг. XIX в. — 1905 г.). Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 25.

¹³¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1908 год. СПб., 1909. С. 61, 63.

¹³² История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1970. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 5. Артиллерия русской армии в эпоху империализма (90-е гг. XIX в. — 1905 г.). Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 25.

¹³³ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1909 год. СПб., 1911. С. 62.

¹³⁴ Эрр Фр. Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем. М., 1936. С. 10.

цузская взрывчатка была гораздо более мощной германской¹³⁵. Во Франции дальнбойности орудия значения не придавалось, так как в мобильной войне на ближних расстояниях это не важно, 75-мм пушка могла бить на более дальнее расстояние, чем того позволяла лафет, её возможности полностью не использовались¹³⁶.

Схожие идеи были и в русской артиллерии накануне русско-японской войны. Скорострельность обесценила только что принятый на вооружение вариант полевой пушки. После появления новой французской полевой пушки пришлось срочно останавливать внедрение орудия образца 1895 г. Развернувшаяся гонка вооружений, особенно в области флота и артиллерии, тяжелым бременем ложилась на русский государственный бюджет. Уже перевооружение трехлинейной винтовкой обошлось к 1895 году в 50,7 млн руб. Обычные доходы Империи в этом году составили 1 239 471 695 руб., расходы — 1 231 088 414 руб., не считая экстраординарных расходов в 130 459 580 руб. Военные расходы составили 277 942 273 руб., более, чем на 4 млн больше, чем в 1894 году¹³⁷. К 1 (13) января 1897 года затраты на перевооружение армии с 1891 года достигли свыше 177,5 млн рублей. Военное министерство в этом году получило 242 380 988 руб., при том, что обычные доходы составили 1 318 366 495 руб., а расходы — 1 284 858 862 руб., не считая чрезвычайных расходов в 129 112 196 руб.¹³⁸ В 1897 году бюджет Военного министерства составил уже 284 378 000 руб., при этом уже были обычные доходы Империи составили 1 364 458 217 руб., а расходы — 1 350 085 213 руб., не считая чрезвычайных расходов в 123 964 710 руб.¹³⁹ Одновременное перевооружение пехоты и артиллерии попросту угрожала стабильности финансов страны.

Не удивительно, что 1 (13) марта 1898 г. Военный министр ген. А. Н. Куропаткин предложил собрать международную кон-

¹³⁵ *Макишев Ф. А.* Артиллерия в войну 1914–1918 гг. на франко-германском фронте. Пг., 1921. С. 9.

¹³⁶ *Эрр Фр.* Артиллерия... С. 10.

¹³⁷ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1895 год. СПб., 1896. С. 10, 150.

¹³⁸ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1896 год. СПб., 1897. С. 9–10, 168.

¹³⁹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1897 год. СПб., 1898. С. 10; 128.

ференцию по ограничению военных расходов — генерал предложил проект соглашения по ограничению вооружений в области полевой артиллерии между Австро-Венгрией и Россией сроком на 10 лет¹⁴⁰. Это предложение было поддержано и министром иностранных дел. Подобные инициативы были характерны для России: в 1868 г. она выступила инициатором созыва в Петербурге международной конференции для запрещения разрывных пуль (почин также принадлежал Военному министру — ген. Д. А. Милютину), а в 1874 г. — конференции в Брюсселе для определения обычаев и законов войны (она была сорвана из-за позиции Англии)¹⁴¹. Предложение Куропаткина было поддержано министром иностранных дел¹⁴². В результате конференция по вопросам ограничения роста вооружений, численности армий и флотов, была созвана по инициативе Николая II в Гааге мае—июле 1899 г. Было подписано множество заключительных актов: о мирном решении международных столкновений (арбитражный международный суд), о законах и обычаях сухопутной войны, о применении к морской войне начал Женевской конвенции 1864 г. о раненых и больных¹⁴³ (эти статьи были разработаны еще в 1868 г., но так и не были приняты в качестве обязательного международного акта¹⁴⁴), декларации против применения удушающих газов, разрывных пуль, метания взрывчатых веществ с воздушных шаров (последнюю сроком на 5 лет)¹⁴⁵.

Договориться об ограничении вооружений не удалось, а бюджет Военного министерства в 1898 году поднялся более, чем на 4,5 млн руб., достигнув 288 975 452 руб. Доходы Империи составили 1 584 млн руб. при расходах в 1 350 млн, не считая 124 млн руб. чрезвычайных расходов.¹⁴⁶ В 1900 году была введена полевая трехдюймовая (76,2 мм) пушка Путиловско-

¹⁴⁰ К истории первой Гаагской конференции 1899 г. // Красный Архив. М.; Л., 1932. Т. 1–2 (50–51). С. 70–73.

¹⁴¹ Мартенс Ф. [Ф.] Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 г. СПб., 1879. С. 99, 103, 137; о предложениях конференции см. там же: Приложение № 1–2. С. 1–36.

¹⁴² История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 117.

¹⁴³ Международные отношения 1870–1918. М., 1940. С. 119–122.

¹⁴⁴ Мартенс Ф. [Ф.] Ук. соч. С. 96.

¹⁴⁵ Ежегодник Министерства иностранных дел 1901. СПб., 1901. С. 380–392.

¹⁴⁶ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1898 год. СПб., 1899. С. 9, 177.

го завода.¹⁴⁷ Главную задачу современной артиллерии — скорострельность и удержание наводки на цель — конструкторы решили введением нового лафета, который уничтожил откат всего орудия.¹⁴⁸ Пушка образца 1900 года с дальностью в 8 км считалась достаточной для полевого маневренного боя.¹⁴⁹ В 1900 году на «приступ к перевооружению артиллерии скорострельными орудиями» было выделено 5 млн руб., при военном бюджете в 324,9 млн рублей (обычные доходы в этом году составили 1574 млн руб., а расходы — 1575 млн руб., не считая 192,9 млн руб. чрезвычайных расходов).¹⁵⁰ В 1901–1903 гг. планировалось произвести 1500 скорострельных полевых пушек со всеми необходимыми запчастями и боеприпасами. Бюджет заказа, определенный первоначально в 30 920 000 руб., был сокращен до 28 947 436 руб. Первая партия гильз к снарядам для нового орудия, заказанная на Ижорском заводе — 900 тыс. шт. — обошлась еще в 4 275 тыс. руб.¹⁵¹

Первая партия заказа орудий образца 1900 года — 1 500 штук — была разделена между Путиловским и казенным Пермским заводами, несмотря на то, что цена Пермского завода за пушку — 1650 руб., была меньше, чем у Путиловского — 1 870 руб.¹⁵² В какой-то степени это решение было вынужденным. Гарантии быстрого выполнения заказа на казенных заводах не было. Для сравнения отметим, что в 1898 году Пермский пушечный завод произвел 58 и отремонтировал 132 орудия, а его общая производительность в 1899 г. составила всего 190 орудий¹⁵³. До 1902 года на нужды артиллерии планировалось потратить 33,7 млн руб.¹⁵⁴ Но в 1902 году трех-

¹⁴⁷ История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1970. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 5. Артиллерия русской армии в эпоху империализма (90-е гг. XIX в. — 1905 г.). Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 32.

¹⁴⁸ Руководство службы полевой артиллерии. Отдел 2. Лафет полевой пушки образца 1900 г. СПб., 1912. С. 1.

¹⁴⁹ Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. М., 1926. С. 15.

¹⁵⁰ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1900 год. СПб., 1901. С. 1, 15, 26.

¹⁵¹ Там же. С. 26, 30.

¹⁵² Там же. С. 28.

¹⁵³ Краткие сведения о Пермских пушечных заводах Пермь, 1899. С. 12–13, 18.

¹⁵⁴ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1901 год. СПб., 1902. С. 29.

дюймовка была модернизирована. Улучшенная конструкция замка позволяла ей повысить скорострельность с 10 до 15 выстрелов в минуту.¹⁵⁵ Снова началось артиллерийское перевооружение армии. Ее основным центром стал Путиловский завод. До 1905 года он должен был поставить Военному министерству 1 850 пушек (с учетом образцов 1900 г. — 2 880) и 1 900 лафетов.¹⁵⁶ Приходилось торопиться. Гонка вооружений обходилась весьма дорого. Перевооружение первой очереди, законченное в декабре 1903 года, обошлось в 32,7 млн рублей¹⁵⁷. Стоимость пушечных заказов только Путиловскому заводу составила 21 млн рублей¹⁵⁸. На вторую очередь перевооружения полевой артиллерии (1903–1906 гг.) планировалось потратить 80 млн руб.¹⁵⁹

Новое полевое орудие имело неплохие показатели для наступательного маневренного боя. Инструкция гласила: «Полевая 3-х дм. пушка, главным образом, предназначается для действия по открытым войскам, ее главный снаряд — шрапнель — требует возможно большей скорости, отлогости траектории, дальности и меткости»¹⁶⁰. Её шрапнельный снаряд с 260 пулями был особенно эффективен на расстоянии до 2 километров — артиллерийский взвод мог покрыть площадь до 500 метров в глубину и до 110 метров по фронту и в течение считанных минут расстрелять батальон или кавалерийский полк в сомкнутом строю¹⁶¹. Впрочем, и на расстоянии в 4 километра смертоносная полоса достигала фронта в 287,5 метров. Вышибной заряд шрапнели Обуховского завода был мощнее французского и немецкого эквива-

¹⁵⁵ История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1970. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 5. Артиллерия русской армии в эпоху империализма (90-е гг. XIX в. — 1905 г.). Русско-японская война 1904–1905 гг. С. 34–35.

¹⁵⁶ Мительман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульяновский А. [Г.] История Путиловского завода 1801–1917. М.; Л., 1939. С. 168.

¹⁵⁷ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1903 год. СПб., 1904. С. 25.

¹⁵⁸ Мительман М. [И.], Глебов Б. [Д.], Ульяновский А. [Г.] Указ. соч. С. 170.

¹⁵⁹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1903 год. СПб., 1904. С. 28.

¹⁶⁰ Руководство службы полевой артиллерии. Отдел 1. 3-х дюймовая полевая скорострельная пушка обр. 1902 г. СПб., 1912. С. 1.

¹⁶¹ Барсуков Е. З. Русская артиллерия в Мировую войну 1914–1918 гг. М., 1938. Т. 1. С. 32.

лентов и обеспечивал весьма приличное поражение.¹⁶² Хуже обстояло дело с гранатой.

Задачи этого боеприпаса описывались следующим образом: «Для разрушения местных предметов и легких закрытий в полевом бою 3-х дм. пушке придана фугасная граната, требующая от пушки меткости, сильного ударного действия и дальнобойности». ¹⁶³Разрывной снаряд русской трехдюймовой гранаты (0,8 кг) был мощнее французского и немецкого¹⁶⁴, при этом поражающий эффект ее был относительно невелик¹⁶⁵. Дистанционные трубки для взрывателей русских снарядов были 22-секундными, что обеспечивало дальнобойность в 6 км. За этим расстоянием артиллерийский огонь считался неэффективным и трудно управляемым. Огонь на дальние расстояния не приветствовался ни в русской, ни во французской армиях¹⁶⁶, а расстояние решительного боя определялось в 4 км¹⁶⁷. Также, как и у французов лафет и прицелы трехдюймовки не были рассчитаны на огонь далее 6,5 км, при том, что возможности пушки позволяли стрелять до 8 км¹⁶⁸.

В ответ на французское орудие немцы в 1898 г. ввели 105-мм полевую гаубицу, которая должна была бороться с 75-мм пушкой противника, и могла эффективно использоваться с закрытых позиций¹⁶⁹. Идея была проста и логична — тяжелая артиллерия, более дальнобойная и мощная, чем французская 75-мм (76,2 мм в русском случае) должна была поддерживать свои войска, находясь вне сферы огня артиллерии противника¹⁷⁰. Тяжелая полевая артиллерия Германии могла быть подчинена войскам в качестве осадной¹⁷¹. Тем не менее, у нее были другие, не столь традици-

¹⁶² Трофимов В. Действие шрапнели при стрельбе из 3-дм. полевой пушки. Часть 1. Опытная. СПб., 1903. С. 8, 25.

¹⁶³ Руководство службы полевой артиллерии. Отдел 1. 3-х дюймовая полевая скорострельная пушка обр. 1902 г. СПб., 1912. С. 1.

¹⁶⁴ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 37.

¹⁶⁵ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 1. Организация артиллерии. С. 216.

¹⁶⁶ Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне ... С. 16.

¹⁶⁷ Там же. С. 17.

¹⁶⁸ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 1. Организация артиллерии. С. 212.

¹⁶⁹ Эрр Фр. Указ. соч. С. 17.

¹⁷⁰ Там же. С. 19.

¹⁷¹ Строевой устав германской тяжелой артиллерии 1908 г. IV часть «Бой». С дополнением по 1 июля 1910 года / Под ред. кап. Муханова. Варшава. 1911. С. 7.

онные задачи. Устав 1900 года предполагал использование ее для приведения артиллерии противника к молчанию и подготовке атаки пехоты, а не только для бомбардировки укреплений¹⁷². Вскоре представилась возможность проверить положения германского Устава 1900 г. на практике. Еще в 1884 г. группа офицеров японской армии совершила поездку по европейским странам, уделив особое внимание Германии и ее Генеральному штабу. В результате профессор германской Военной Академии полковник Я. Меккель был приглашен для чтения лекций в Токийской Военной академии¹⁷³. Ученики были старательными. Японская армия превратилась в точную копию германской. В ней царил культ умения, знания и дисциплины¹⁷⁴. Японские военные полностью усвоили немецкие положения ведения боя. Результаты сразу же сказались на полях русско-японской войны. Первые же серьезные столкновения русской армии с японской — на реке Ялу — показали то, насколько германская концепция артиллерийского боя превосходила русско-французскую.

Двадцать 120-мм Крупновских гаубиц и 72 полевых орудия японцев 17 (30) апреля 1903 года на участке переправы боролись с двумя батареями русских трехдюймовок. Превосходство в артиллерии полностью принадлежало атакующим. Вскоре оно было реализовано в господство. Японцы подавили перекидным огнем русские орудия, стрелявшие с открытых позиций из орудийных окопов. Это произошло всего за несколько минут. При попытке вывезти орудия на запасную позицию артиллеристы и лошади были перебиты. Пехота противника форсировала Ялу и атаковала русских стрелков. Поначалу японцев встретил залповый ружейный огонь, но вскоре русские позиции оказались под интенсивным артиллерийским обстрелом, который заставил стрелков искать укрытия и резко облегчил задачу наступающих. Их потери при достаточно энергичном движении вперед были ничтожны — около 300 чел. ранеными и убитыми. Одновременно японцы построили деревянный мост в 8 верстах выше по течению от Тюренчена и переправили по нему 2 полка пехоты. Они двинулись в обход русских позиций. Позже японцы навели еще 4 моста. Попытки

¹⁷² Яковлев В. Очерки по некоторым вопросам... С. 7.

¹⁷³ Ивао Ояма // Разведчик. 1895. № 225. С. 106.

¹⁷⁴ Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. СПб. 1907. Т. 2. С. 27–28.

русской артиллерии остановить строительство успеха не имели. Легко заметные позиции русских орудий сразу же накрывались огнем многочисленной артиллерии противника.¹⁷⁵ На следующий день войска ген.-л. М. И. Засулича были разбиты. Они потеряли 63 офицера, 2 324 рядовых, 22 орудия и 8 пулеметов. Японцы не имели потерь в артиллерии, а общие потери в живой силе — 38 офицеров и 983 рядовых — в 2,5 раза уступали русским¹⁷⁶.

Из уроков русско-японской войны в Германии, Франции и России сделали разные выводы. Французов вдохновила возможность наступательного духа, продемонстрированная японцами. Этому настроению полностью соответствовали и принятый в 1913 году Генеральным штабом после долгой работы план XVII (атаки в Эльзас-Лотарингии)¹⁷⁷, и концепция использования легкой скорострельной 75-мм пушки при быстром сближении с противником. «Общее убеждение в превосходстве маневра над огнем, — отмечал французский артиллерист и участник Мировой войны, — составляло основу нашей тактической доктрины в 1914 г. Конкретно, в области организации, этот принцип автоматически приводил к тому, что численности отдавали превосходство над техникой»¹⁷⁸.

В России после поражения в Манчжурии пришли к выводу о необходимости усиления полевой артиллерии орудиями более крупного калибра, обладающими более мощным снарядом. Сформированная еще в 1905 году комиссия рекомендовала создать новую структуру, которая позволила бы четко разграничить тяжелую полевую и осадную артиллерию. Весной 1906 года было принято решение вновь сформировать по 2 гаубичные батареи на корпус. Разработка типов орудий и организации полевой тяжелой

¹⁷⁵ Лютвиц Ф. Атаки японцев во время войны в Восточной Азии 1904–1905 гг. СПб., 1906. С. 1–3; Комаров. Бой под Тюренченом и Вафангоу // Русско-японская война в сообщениях в Николаевской Академии Генерального штаба / Под редакцией ординарного профессора Николаевской Академии Генерального Штаба полковника А. Байова. СПб., 1906. Ч. 1. С. 32.; Гамильтон Я. Записная книжка штабного офицера во время русско-японской войны. СПб. 1906. Т. 1. С. 72, 83, 97, 101; Линда К. Тюренчен (Операции на Ялу в апреле 1904 г.). Вильна, 1908. С. 13; Краснов П. Русско-японская война. Восточный отряд на реке Ялу. Бой под Тюренченом. СПб., 1911. С. 30–33, 37, 54; Сражение под Тюренченом 18-го апреля 1904 года (По официальным источникам) // ВС. 1906. № 4. С. 39–47.

¹⁷⁶ Подробнее см.: Айранетов О. П. На пути к краху... С. 237–239.

¹⁷⁷ Kennedy P. The War Plans of the Great Powers, 1890–1914. Lnd., 1979. P. 145–146.

¹⁷⁸ Эрр Фр. Артиллерия... С. 7.

артиллерии затянулась до 1910 г.¹⁷⁹ Проигранная война, революция и подорванные финансы редко способствуют перевооружению. Только первый год войны с Японией вызвал расходы свыше 672 млн руб. при уровне обыкновенных доходов в 1 980,3 млн руб.¹⁸⁰ На самом деле война потребовала от казны чрезвычайных расходов в сумме 2,3 млрд. руб., в бюджетах 1904–1905 гг. расходы на войну достигли цифры в 1 679,2 млн руб., для покрытия которых было заключено внешних займов на 1 092,5 млн руб. (при том, что в 1900 г. общая сумма русских ценных бумаг за границей равнялась 3 500 млн руб.), количество кредитных билетов увеличилось на 540 млн руб. Государственный долг России увеличился на 3 млрд. руб., ежегодные платежи по нему — на 150 млн руб. (в 1900 г. общая сумма годовых платежей по государственному долгу равнялась 271,9 млн руб.). До 1909 г. финансы страны находились в глубочайшей депрессии¹⁸¹.

Интересно, что формально расходы на армию постоянно росли, и большую их часть поглощали нужды интендантства и улучшения быта войск. В 1906 году они составили 374 855 969 руб. (на 7,8 млн руб. больше чем 1905 г. при доходах в 2 027,8 млн и расходах в 2 018,1 млн руб.)¹⁸², в 1907 — 388 747 747 093 руб. (на 11,8 млн руб. больше, чем в 1906, при доходах в 2 342 млн руб. и расходах в 2 177 млн руб.)¹⁸³, в 1909 — уже 425 141 793 руб. (на 40,5 млн руб. больше, чем в предыдущем году, $\frac{3}{4}$ расходов на армию — на интендантские потребности. Доходы в этом году составили 2 399,9 млн и расходы — 2 581,4 млн руб.)¹⁸⁴, и в 1909 — 473 919 473 руб. (из них 41 952 596 руб. — на интендантские потребности. Доходы составили 2 463,9 млн и расходы — 2 595 млн

¹⁷⁹ См.: Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 3. С. 40–42 (Глава V. Краткий исторический очерк создания полевой тяжелой артиллерии); Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 32–33.

¹⁸⁰ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1904 год. СПб., 1904. С. 1; 36.

¹⁸¹ Сидоров А. А. Финансовое положение России в годы Первой Мировой войны (1914–1917). М., 1960. С. 14–15, 17, 20–21; Погребинский А. П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 52.

¹⁸² Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1906 год. СПб., 1907. С. 12.

¹⁸³ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1907 год. СПб., 1908. С. 11, 13.

¹⁸⁴ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1908 год. СПб., 1909. С. 3, 14–15.

руб.)¹⁸⁵. Подобные траты военных немедленно отразились на рынке цен, а Министерство финансов постоянно выдвигало требования экономии. Военное министерство вплоть до 1910 года оставалось в долгу у казенных железных дорог и у КВЖД за перевозки, вызванные только русско-японской войной, не считая мирное время, начиная с 1907 г. При этом за 1910 г. этот долг вырос с 252 952,21 руб. до 266 492,11 руб.¹⁸⁶

Не удивительно, что преобразования, начатые в армии в 1910 году, были буквально пропитаны идеей экономии, они имели целью «удовлетворение насущнейших потребностей по ее усовершенствованию путем удешевления организации и осуществления новых мероприятий за счет возможного сокращения состава в одних войсковых частях, чтобы освободить денежные средства и личный состав для других частей»¹⁸⁷. В 1910 году высокий урожай создал другие возможности. Обыкновенные доходы составили 2 782,1 млн руб., на 202 млн более ожидаемых и на 255 млн более, чем в 1909 году, в то время как обыкновенные расходы — 2 630 млн руб., а чрезвычайные — 123,3 млн руб. Бюджет Военного министерства вырос до 480 716 322 руб.¹⁸⁸ В 1910 году последовали заказы на семь видов орудий, которые должны были поступить на вооружение армии:

1) **мортирная артиллерия**: 48-линейная гаубица образца 1909 года;

2) **полевая тяжелая**: 42-линейная скорострельная пушка образца 1910 г. и 6-дюймовая легкая полевая гаубица образца 1910 г.;

3) **осадная**: 6-дюймовая тяжелая крепостная гаубица образца 1910 г.; 8-дюймовая тяжелая крепостная гаубица образца 1911 г.; 11-дюймовая осадная мортира образца 1912 г.¹⁸⁹

Бюджет 1911 года также был весьма благоприятным. Несмотря на неурожай запланированный уровень доходов в 2 720,1 млн руб. был превышен на 243,3 млн руб., при обычных расходах

¹⁸⁵ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1909 год. СПб., 1911. С. 3–4, 15.

¹⁸⁶ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 6. Оп. 7/1. Д. 327. Л. 1, 78.

¹⁸⁷ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 1. Организация артиллерии. С. 49.

¹⁸⁸ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1910 год. СПб., 1911. С. 3–4, 12–13.

¹⁸⁹ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 3. С. 47.

в 2 720,1 млн руб., не считая 192,8 млн руб. чрезвычайных расходов. Бюджет Военного министерства вырос до 482 683 724 руб. В 1911 году на первый этап перевооружения полевой артиллерии было выделено 27 млн руб., а на вторую очередь перевооружения — 80 млн руб.¹⁹⁰ Военный бюджет продолжал расти в 1912 году 492 933 426 руб. (при доходах в 2 901,9 млн руб. и расходах в 3 001,9 млн руб., из них 332 млн — чрезвычайных)¹⁹¹, и в 1913 году, достигнув 550 900 431 руб. (при доходах в 3 417,2 млн руб. и расходах в 3 250,6 млн руб., из них 238,3 млн — чрезвычайных)¹⁹². Тем не менее к 1914 году успели обеспечить армию только первыми тремя типами орудий¹⁹³.

Успехи в перевооружении русской армии были не полными, но она, также как и французская, ориентировалась на наступательные действия, пассивный образ действий, отдавший в борьбе с Японией инициативу противнику, был осужден и отброшен. В Уставе Полевой службы, принятом в 1912 году, эти вопросы решались однозначно.¹⁹⁴ Статья 423 говорила о том, что успех принадлежит тому, кто действует решительно, статья 424 объявляла наступление самым решительным средством поражения неприятеля и «поэтому стремление к наступательным действиям должно быть положено в основание при всякой встрече с неприятелем». Оборона трактовалась лишь как вынужденное средство и подготовку к переходу в наступление (пар. 425)¹⁹⁵. Впрочем, положениями Устава трудно создать волю полководца. И проект Устава 1900 года рекомендовал наступательные действия и категорически запрещал пассивную оборону (пар. 1–4.)¹⁹⁶, те же самые поло-

¹⁹⁰ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1911 год. СПб., 1912. С. 3–4, 11–12, 55.

¹⁹¹ Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1912 год. СПб., 1913. С. 3–4, 13.

¹⁹² Всеподданнейший отчет государственного контролера за 1913 год. СПб., 1914. С. 3–4; 15.

¹⁹³ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 3. С. 47.

¹⁹⁴ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 131.

¹⁹⁵ Устав Полевой службы. Высочайше утвержден 27 апреля 1912 года. Исправлен по 1 декабря 1912 г. СПб., 1913. С. 170.

¹⁹⁶ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Проект. Киев, 1901. С. 117 (Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия).

жения без изменений вошли в Устав 1904 года (пар. 1–4.)¹⁹⁷. После войны с Японией, пожалуй, эти рекомендации стали категоричнее. Что касается артиллерии, то она при наступлении должна была «прокладывать дорогу пехоте», а при обороне «противодействовать приближению неприятеля» (пар. 469)¹⁹⁸. В ходе наступления Устав обязывал артиллерию «располагаться возможно ближе к неприятелю, но вне сферы его ружейного огня» (пар. 495)¹⁹⁹. «Наставление для действия полевой артиллерии в бою» также требовало от артиллерии прокладывать дорогу наступающей пехоте (пар. 127), действовать дерзко и решительно (пар. 129, 130), сближаться с противником (пар. 133)²⁰⁰. Артиллерия должна была не только бороться с артиллерией, но начинать и вести бой, который завершала пехота²⁰¹.

В Германии особое внимание уделялось и действию тяжелой артиллерии в поле. Статья 4 Устава тяжелой артиллерии 1908 г. гласила: «Тяжелая артиллерия должна вместе с полевой артиллерией и с пехотой прокладывать путь к победе»²⁰². Эти положения соответствовали теоретическим воззрениям высшего командования германской армии. Начальник Генерального штаба ген.-полк. граф. Альфред фон Шлиффен в статье «Современная война», опубликованной в январе 1909 г., особо отметил, что развитие техники вооружений сделало невозможным старые методы ведения войны. Скорострельная винтовка, пушка и пулемет сделали потери в случае движения колоннами при сосредоточении к атаке слишком значительными, а саму атаку в плотных построениях немислимой²⁰³. Теперь, чтобы избежать потерь, необходима была скрытая атака, сближение под прикрытием окопов или ночной тьмы. Огонь должен был способствовать этой задаче. «Обязанность артиллерии — содействовать и помогать пехоте при таком

¹⁹⁷ Устав Полевой службы и Наставление для действия в бою отрядов из всех родов оружия. Высочайше утвержден 10 апреля 1904 года. СПб., 1907. С. 191–192 (Наставление для действий в бою отрядов из всех родов оружия).

¹⁹⁸ Устав Полевой службы. Высочайше утвержден 27 апреля 1912 года. Исправлен по 1 декабря 1912 г. СПб., 1913. С. 187.

¹⁹⁹ Там же. С. 199.

²⁰⁰ Наставление для действия полевой артиллерии в бою. Высочайше утверждено 28 февраля 1912 года. СПб., 1912. С. 121–124, 126.

²⁰¹ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 3. С. 69.

²⁰² Строевой устав германской тяжелой артиллерии 1908 г. С. 3 (IV часть. Бой).

²⁰³ Шлиффен А. Современная война // Шлиффен А. Канны. М., 1936. С. 356–357.

продвижении. — Писал Шлиффен. — Артиллерия должна своим огнем мешать неприятельской артиллерии вести обстрел с трудом продвигающейся вперед пехоты, своими снарядами она должна достигать неприятельскую пехоту в ее укрытиях и разрушать те защитные сооружения, за которыми она прячется. Чтобы успешно действовать, артиллерия должна уметь уберечься от разрушительного неприятельского огня»²⁰⁴.

«Вообще говоря, — отмечал русский артиллерист накануне Первой Мировой войны, — в германской армии возлагают большие надежды на то, что 15-см гаубицы сыграют значительную роль в борьбе с щитовыми батареями легкой полевой артиллерии»²⁰⁵. Германская тяжелая артиллерия была мобильной и должна была находиться в постоянном контакте с пехотой: «Тяжелая артиллерия вместе с полевой поддерживает пехоту. Ей указывают цели, наиболее опасные для пехоты, или против которых огонь полевой артиллерии бессиден. Огонь тяжелой артиллерии имеет решающее значение при стрельбе: по видимым, особенно щитовым батареям, по пехоте в закрытиях и позади таковых, равно по более сильно укрепленным опорным пунктам» (пар. 358)²⁰⁶. При этом артиллерия «... должна была находиться в непрерывной связи с передовой линией пехоты» (пар. 369)²⁰⁷, в большинстве случаев действовать с закрытых позиций, так как такой огонь производит не только материальное, но и моральное воздействие на противника (пар. 361)²⁰⁸.

Широкое использование тяжелой артиллерии в полевых условиях считалось в Германии перед войной одним из главных условий победы²⁰⁹. В отличие от Франции она не привязывалась к бою на коротких дистанциях. Статья 359 Устава 1908 г. гласила: «В решительном бою могущество тяжелой артиллерии должно быть использовано на дистанциях наибольшей действительности ее огня»²¹⁰. Устав пешей (тяжелой) германской артиллерии 1908 года требовал доводить огонь до «потрясающих» размеров, главной задачей тяжелой артиллерии называлось подавление огня не-

²⁰⁴ Там же. С. 358.

²⁰⁵ Яковлев В. Очерки по некоторым вопросам ... С. 37.

²⁰⁶ Строевой устав германской тяжелой артиллерии 1908 г. (IV часть. Бой) С. 8.

²⁰⁷ Там же. С. 10.

²⁰⁸ Там же. С. 8.

²⁰⁹ Макишев Ф. А. Артиллерия в войну 1914–1918 гг ... С. 8.

²¹⁰ Строевой устав германской тяжелой артиллерии 1908 г. (IV часть «Бой»). С. 8.

приятеля²¹¹. При этом в подготовке немецкой армии к войне много внимания уделялось развитию инициативе младших командиров. Статья 342: «Для всех случаев невозможно дать общих указаний. Поэтому начальники обязаны выработать в себе навык: быстро и без колебаний отдавать свои распоряжения в зависимости от обстановки. Они обязаны всегда помнить и внушать своим подчиненным, что бездеятельность и потеря времени являются более тяжелым преступлением, нежели ошибки в выборе средств управления»²¹².

Русский Полевой Устав 1912 года также начинался с призыва к инициативе: «Устав дает общие указания для действий войск; применять же их в каждом случае следует сознательно, Велико-го Петра *«не держаться Устава, яко слепой — стены»* (выделено в источнике — А. О.)» (пар. 5.)²¹³. Теми же словами начиналось и «Наставление для действия полевой артиллерии в бою» 1912 года²¹⁴. В Офицерской Артиллерийской школе в Царском Селе после русско-японской войны также всячески поощрялась самостоятельность командиров при принятии решений, когда требовалась помощь соседним частям или когда такое решение вообще требовала сложившаяся обстановка²¹⁵. Обучение в школе возглавили выдающиеся русские артиллеристы герои обороны Порт-Артура полковники А.-А. И. Шихлинский и Л. Н. Гобято²¹⁶.

При этом русская армия, как и ее французский союзник, по-прежнему находилась под сильнейшим влиянием идей «единого калибра» и «единого снаряда», которые должны были упростить ведение наступательных действий и снабжение во время войны²¹⁷. Уроки русско-японской войны все же не прошли даром и, хотя Устав предполагал возможность действий с закрытых, полузакрытых и даже открытых позиций (пар. 495)²¹⁸, но русских артиллеристов приучали при атаке «использовать выгоды закрытых

²¹¹ Колпаков В. Тяжелая артиллерия. Организация и тактика. СПб., 1912. С. 7.

²¹² Строевой устав германской тяжелой артиллерии 1908 г... С. 5.

²¹³ Устав Полевой службы... С. 8.

²¹⁴ Наставление для действия полевой артиллерии в бою... С. 1.

²¹⁵ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 71.

²¹⁶ Барсуков Е. Подготовка России к мировой войне... С. 158.

²¹⁷ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 1. Организация артиллерии. С. 207.

²¹⁸ Устав Полевой службы... С. 199.

позиций (выделено в источнике — А. О.» (пар. 134)²¹⁹, а борьба с артиллерией противника называлась средством «облегчить наступление пехоты» (пар. 136)²²⁰, а при обороне первой целью артиллерии назывались батареи противника (пар. 162)²²¹. Задачами мортирных батарей Устав называл щитовые орудия, опорные пункты и окопающую пехоту, тяжелых пушек — «прочные цели» (пар. 495)²²².

Занятия в Офицерской Артиллерийской школе (курс продолжался с 20 февраля по 1 октября) велись по теории и практике артиллерии, иппологии и топографии²²³ и были нацелены на повышение уровня подготовки армейских артиллеристов и передаче опыта прошедшей войны. Характерно, что план занятий начинался с отработки упражнений по борьбе с артиллерией (затем по окопам, пулеметам, наблюдательным пунктам; по движущемуся целям; по особым целям — ночным, дирижаблям и т. п.)²²⁴. Очевидно, что обучение русской армии представляло собой нечто более близкое германской, а в области тактики артиллерии даже превосходящее ее. Тем не менее, по мнению учащихся офицеров даже этой нагрузки было недостаточно, не хватало и занятий с тяжелой артиллерией, в частности — с гаубицами²²⁵. Явно сказывалась нехватка материальной части.

Русская тяжелая артиллерия еще была основана на образцах 1877 года — это были хорошие орудия и снаряды, но их использование затрудняли устаревшая жесткая система лафетов (орудие откатывалось после выстрела) и дымный порох. В 1890 году для орудий был введен бездымный порох, в 1895 году у них были модернизированы затворы, был введен улучшенный вариант лафета, что увеличило скорострельность. Это улучшило показатели орудий образца 1877 года, и они вполне удачно использова-

²¹⁹ Наставление для действия полевой артиллерии в бою ... С. 127.

²²⁰ Там же. С. 129.

²²¹ Там же. С. 153.

²²² Устав Полевой службы... С. 200.

²²³ Инструкция для ведения подготовительных к стрельбе упражнений с офицерами полевого отдела переменного состава Офицерской Артиллерийской школы. Издание 2-ой Офицерской Артиллерийской школы. Луга, 1912. С. 23.

²²⁴ Инструкция для ведения подготовительных к стрельбе упражнений с офицерами полевого отдела переменного состава Офицерской Артиллерийской школы. С. 8–9.

²²⁵ Деятельность Офицерской Артиллерийской школы, по мнению офицеров переменного состава в 1911 году. Царское Село. 1912. С. 42, 47.

лись в Первую Мировую не только в России, но и во Франции²²⁶. Тем не менее, но они все же не были скорострельными. 42-линейная пушка делала 1 выстрел в минуту, 6-дюймовая 120-пудовая — 1 ¼ выстрела в минуту²²⁷. Модернизация компрессоров и лафетов в конце XIX века не существенно изменила данные показатели.²²⁸ Впрочем, этим проблема не исчерпывалась.

При стрельбе шрапнелью (у 6-дюймовки 1877 г. был очень мощный заряд — 630 пуль), 6-дюймовая пушка стреляла всего на 1 800 сажень при дальнбойности в 7 верст, а 42-линейная — на 1 000 сажень при дальнбойности в 8 верст²²⁹. 6-дюймовая 120-пудовая пушка и 42-линейная пушка образца 1877 года были вполне дальнбойными при стрельбе гранатой, но разрывной заряд снаряда 42-линейной пушки, неплохой для своего времени — 4 фунта (1,6 кг), в 1914 году был уже явно недостаточным²³⁰. При этом орудия образца 1877 года требовали для развертывания от 1 до 1,5 часов, готовность к бою достигалась через 1,5–2 ¼ часа²³¹. В 1914–1915 гг. в русских крепостях на вооружении стояли орудия не только 1877, но и 1867 года²³². В 1914–1915 гг. было сформировано 269 тяжелых батарей, в состав которых вошли в том числе и эти орудия.²³³

Орудия образца 1910 года имели гораздо лучшие показатели. 6-дюймовая пушка делала 4 выстрела в минуту, 42-линейная — 10, дальнбойность выстрела шрапнельным снарядом выросла до 7 и 7,5 верст²³⁴, готовность к бою достигалась за время от 10 минут до 1 часа²³⁵. Для вооружения тяжелых полевых батарей русской армии принятыми в 1910 году типами тяжелых орудий в мирное время требовалось 164 6-дюймовых гаубиц и 76 42-линейных пушек.

²²⁶ Цитович [Н. П.] Тяжелая артиллерия сухопутных войск. М., 1933. С. 6.

²²⁷ Колпаков В. Тяжелая артиллерия... С. 13.

²²⁸ История Отечественной артиллерии. М.; Л., 1966. Т. 2. Артиллерия русской армии в эпоху капитализма (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Кн. 4. Артиллерия русской армии в период утверждения капитализма (60-е гг. — начало 90-х гг. XIX в.). С. 491–495.

²²⁹ Колпаков В. Тяжелая артиллерия... С. 13.

²³⁰ Там же. С. 12.

²³¹ Там же. С. 15.

²³² Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 1. Организация артиллерии. С. 92.

²³³ Там же. С. 106–109.

²³⁴ Колпаков В. Тяжелая артиллерия... С. 14.

²³⁵ Там же. С. 16.

Программа стоила 10 млн рублей, но закончить ее к началу войны не удалось²³⁶. Количество, да и мощность русской тяжелой артиллерии в августе 1914 года были явно недостаточными: 76 орудий калибра 42 линии, 512 гаубиц калибра 48 линий, 164 гаубицы калибра 6 дюймов²³⁷. В результате на войну немцы вышли со значительным превосходством в полевой тяжелой артиллерии над Россией и Францией — 1 500 105-мм гаубиц 1 000 152-мм гаубиц против 300 французских тяжелых орудий на конной тяге, устаревших систем и малой дальностью²³⁸. Германская дивизия имела 12 полевых шестиорудийных батарей (72 орудия) и 2 тяжелые четырехорудийные батареи (8 орудий), итого 14 батарей и 80 орудий, русская — 6 восьмиорудийных батарей легкой артиллерии (48 орудий) и 1 легкая гаубичная шестиорудийная батарея, итого 54 орудия²³⁹.

Превосходство немцев было не только численным, но и качественным. Разрывной заряд германской 100-мм пушки образца 1900 г. был таким же, как и русской 42-линейной образца 1910 г. или французской 105-мм 1913 г. — 2 кг, но в 2,5 раза превосходил русскую 3-дюймовую гранату. Германская 150 мм гаубица образца 1902 г. имела разрывной заряд в 6,8 кг, уступая русской 6-дюймовой гаубице образца 1910 года (8,6 кг), весьма немногочисленной в войсках, но очевидно уже подавляюще превосходила самые многочисленные пушки противника — и французскую 75-мм, и русскую 76,2-мм²⁴⁰. Превосходство огня обеспечивало превосходство маневра, их сочетание было основой германской военной доктрины.

Дух агрессивных действий поддерживался в германской армии из соображений необходимости сокрушительной и молниеносной войны. Для успеха необходимо было проведение наступления с двух или трех направлений одновременно, численное превосходство можно было создать лишь путем ослабления второстепенных участков фронта²⁴¹. Но и войска, располагавшиеся там,

²³⁶ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 69–70.

²³⁷ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 3. С. 204.

²³⁸ Макишев Ф. А. Артиллерия в войну 1914–1918 гг ... С. 29.

²³⁹ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 111.

²⁴⁰ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 177, 122.

²⁴¹ Шлиффен А. Современная война. С. 364.

также должны были действовать активно, пассивность исключалась²⁴². Ярым приверженцем такой тактики был ген. Германн фон Франсуа, с подчиненными которого в 1914 г. встретятся русские войска²⁴³. Еще до войны он командовал I-м Армейским корпусом, штаб которого располагался в Кенигсберге. Потратив массу времени и сил на изучение своего корпусного округа, генерал пришел к твердому убеждению, что ему удастся защитить границу Восточной Пруссии при условии активных действий²⁴⁴.

Немцы уступали двум русским армиям в численности пехоты (14,5 дивизий против 19), кавалерии (1 дивизия против 8,5) и легких орудий (638 против 1002), примерно равным было количество легких гаубиц (108 против 112), но в тяжелой артиллерии противник имел прочный перевес (188 орудий против 24)²⁴⁵. Подготовка немцев все же не была безупречной. Следует отметить, что германская артиллерия в начале войны проявила свою тактическую отсталость. Несмотря на все положения Устава 1908 года батареи действовали с открытых или полузакрытых (замаскированных) позиций и часто становились легкой мишенью для русских артиллеристов²⁴⁶. Этот недостаток с лихвой компенсировался превосходством в полевой тяжелой артиллерии. Русская полевая артиллерия со своим умением пользоваться телефонной связью, вести огонь с закрытых позиций превосходила немцев во всем, но ей нечего было противопоставить полевым гаубицам противника²⁴⁷.

В начавшихся боях совершенно неожиданным для наших солдат и офицеров стало использование немцами в полевых условиях орудий крупного калибра — их действие носило ошеломляющий эффект, особенно, если учесть, что для многих это было боевое крещение. Такое первое испытание было ужасным²⁴⁸. «Так как в то время в нашей армии тяжелой артиллерии не было и, следо-

²⁴² Там же. С. 365.

²⁴³ Гренер В. Завещание Шлиффена. Оперативные исследования по истории мировой войны. М., 1937. С. 120–122.

²⁴⁴ Германский имперский архив. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1941. Т. 2. События на восточно-европейском театре. С. 43.

²⁴⁵ Храмов Ф. Восточно-Прусская операция 1914 г. Оперативно-стратегический очерк. М., 1940. С. 12–18.

²⁴⁶ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т. 3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 158.

²⁴⁷ Андреев В. Первый русский марш-маневр в Великую войну. Гумбинен и Марна. Париж, 1928. С. 10.

²⁴⁸ Успенский А. А. На войне. Восточная Пруссия — Литва. Каунас, 1932. С. 28.

вательно, действие ее снарядов, разрывавшихся с громадным треском и поднимавшим высокие столбы земли, было неожиданно для людей, — вспоминал начальник 27-й пехотной дивизии ген.-л. А. М. Адариди, — то оно естественно производило на них очень сильное впечатление, несмотря даже на то, что материальные потери мало отвечали звуковому и зрительному эффекту»²⁴⁹. Нечто подобное происходило и на Западном фронте — французская полевая артиллерия отметилась метким и губительным огнем, германская тяжелая была еще губительнее²⁵⁰. 150-мм германские гаубицы не имели шрапнельных снарядов, но взрывной заряд гранаты был исключительно мощным²⁵¹.

Первый же опыт боев показал, что до 75% всех осколков пушечной гранаты и около 80% гаубичного снаряда причиняли ранения, приводившие к выводу из строя²⁵². Русское командование по завершению операции особо отметило стремление немцев охватить русские войска в клещи и развить вслед за этим ураганный огонь, который приводил к большим потерям²⁵³. «На стрелков страшные взрывы тяжелых снарядов, с целым столбом черного дыма и земли, производили впечатление потрясающее, — вспоминал ген. А. И. Верховский. — В первый же день боя я встретил несколько человек, сошедших с ума на самом поле сражения. Постройки от разрыва одного «чемодана» разваливались, как карточные домики и загорались, деревья вырывало с корнем, орудийные лафеты гнулись, как будто были сделаны из воска, осколки, зубчатые, как пила, со свистом разлетались во все стороны, нанося рваные, большей частью тяжелые раны»²⁵⁴. Тяжелая артиллерия в немалой степени способствовала победам немцев уже в первые дни войны.

Русская артиллерия в 1914 году вышла на войну, сделав вполне современные по тем временам выводы из прошедшей русско-

²⁴⁹ Адариди К. [М.] 27 пех. дивизия в боях 4 (17) августа 1914 г. под Сталупененом и 7 (20) августа под Гумбиненом // Военный Сборник Общества ревнителев военных знаний. Белград, 1929. Кн. 9. С. 168.

²⁵⁰ Макишев Ф. А. Артиллерия в войну 1914–1918 гг ... С. 34.

²⁵¹ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1949. Т.3. Ч. 4, 5. Тактика и стрельба артиллерии. С. 122.

²⁵² Лазаркевич В. Наставление для стрельбы Германской полевой артиллерии 1914 г. Пг., 1914. С. 16.

²⁵³ Барсуков Е. З. Артиллерия русской армии (1900–1917). М., 1948. Т. 4. Ч. 6, 7. Боевая подготовка и боевые действия артиллерии. С. 206.

²⁵⁴ Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918. С. 19.

японской войны. Теория использования полевой легкой и тяжелой артиллерии представляла собой нечто среднее между французской и германской школами, однако полностью реализовать теоретические представления на практике русская армия не смогла по причинам финансовой слабости России и технологического несовершенства отечественной производственной базы. Ошибки, совершенные на этапе планирования, не могли быть исправлены в первый, маневренный период войны, но они существенно повлияли на его ход. Произошедшее подтвердило простую истину — важно не только иметь, но и уметь воспользоваться.

Е. Е. Юдин

АРИСТОКРАТИЯ И ВЫЗОВ
«ИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭРЫ».
БЛАГОСОСТОЯНИЕ И ДОХОДЫ
ДЕМИДОВЫХ КНЯЗЕЙ САН-ДОНАТО
В 1890–1914 гг.

История семьи Демидовых, в том числе вопросы происхождения и увеличения её личного состояния в последние десятилетия существования Российской империи, привлекает внимание по нескольким соображениям. К концу XIX в. эта фамилия, имевшая, как известно, очень скромное происхождение, уже прочно ассоциировалась с высшими слоями русской аристократии, что объяснялось матримониальными связями, образом жизни и статусом крупных землевладельцев. Во многом экономическое положение Демидовых отражало общие тенденции развития хозяйства аристократических семейств в «индустриальную эру» 1890–1914 гг. При этом Демидовы принадлежали к достаточно небольшой группе уральских землевладельцев, главное богатство которых состояло не в земельных владениях как таковых, имевших в основном сельскохозяйственное значение, а в промышленных предприятиях, шахтах, рудниках и лесных ресурсах. Советская историография традиционно утверждала как об «упадке» помещичьего хозяйства вообще в данный период, так и о полном экономическом «крахе» дворянской промышленности на Урале, в частности. Д. Ливен, напротив, одним из первых в современных исследованиях высказал предположение, опираясь исключительно на отечественные исследования советского времени и не привлекая источники, о том, что если бы не революция, лишившая их владельцев их уральской

собственности, строительство железных дорог и развитие промышленности со временем восстановило бы стоимость и высокую доходность крупных имений русской аристократии на Урале¹. Действительно, оценить однозначно благосостояние и динамику доходов этих нескольких фамилий уральских землевладельцев (Строгановых, Демидовых, Шуваловых, Белосельских-Белозерских) достаточно трудно. С одной стороны они обладали самыми обширными частными земельными владениями в России и значительными промышленными и сырьевыми фондами. С другой стороны в рассматриваемый период 1890–1914 гг. относительно низкая стоимость земли в уральских губерниях, отсутствие по естественным причинам здесь сельскохозяйственных доходов в сочетании с тяжелейшим структурным кризисом частновладельческой промышленности в этом регионе на первый взгляд привели к резкому падению доходов этой группы аристократов. Возможности диверсификации хозяйства здесь были ограничены. Более того, устаревшие промышленные комплексы уральских землевладельцев встретились с серьёзной конкуренцией со стороны новой крупнокапиталистической промышленности и экономической экспансией крупных акционерных компаний и банков. В то же время, если исходить из экономических интересов этой группы русских аристократов новые экономические условия давали и новые возможности укрепления своего благосостояния. Определившаяся со временем стратегия могла заключаться не только в серьёзной перестройке собственного хозяйства (что требовало значительных долгосрочных инвестиций и личной инициативы), но и получения выгоды от акционирования собственных предприятий, продажи прав собственности и переориентацию на положение рантье. Вовсе не обязательно подобная стратегия предполагала прямое государственное вмешательство. В любом случае обращение к хозяйственным материалам демидовской семьи позволяет более определённо представить возможности адаптации в изменившихся экономических условиях «индустриальной эры» 1890–1914 гг. и увидеть реальные изменения в уровне благосостояния русской аристократии.

К началу XX в. Демидовы по размеру земельных владений и общей стоимости капиталов входили в первую десятку богатейших

¹ *Ливен Д.* Аристократия в Европе. 1815–1914. СПб., 2000. С. 69. (*Lieven D.* The Aristocracy in Europe. 1815–1914. L., 1992).

аристократических семейств Российской империи. Однако подавляющая часть земельных владений Демидовых на Урале находилась (и это отражало историю экономического возвышения этой семьи и её связи с государственной властью) в рамках посессионного права, что налагало на владельцев серьёзные юридические ограничения (в частности, невозможность свободной продажи, залога земель, социальные обязательства в отношении рабочего населения и пр.). Уже к началу пореформенного периода площадь Нижнетагильского округа Демидовых на Урале составляла 638 080 дес. Кроме государственных деревень здесь находилось 8 заводских посёлков, 2 села и 16 заводских деревень с населением 53 799 чел. «крепостных», 8 заводов, 2 действующих рудника, десятки золотых и платиновых приисков и Усть-Уткинская пристань на р. Чусовой. По раздельному акту 1862 г. полномочным владельцем округа, оценённым в 8 млн руб. серебром, стал Павел Павлович Демидов (1839–1885). Кроме Нижнетагильского округа ему также принадлежали имения и земли в Херсонской, Таврической, Рязанской губерниях, золотой прииск в Сибири, дома в С.-Петербурге, Москве и прочее имущество. После смерти в 1870 г. дяди Павла Павловича, Анатолия Николаевича Демидова, ему по завещанию отошло тосканское имение в Италии вместе с титулом князя Сан-Дonato².

В дальнейшем часть имений было продано (в том числе и Сан-Дonato)³. В то же время были приобретены новые земельные владения в Киевской, Петербургской и Екатеринославской губерниях. Наиболее важными приобретениям стала покупка в 1884 г. Луньевского (Никитинского) округа с 2 металлургическими заводами, каменноугольными копиями и лесными Усьвенскими дачами. Кроме того, наследники П. П. Демидова арендовали, а потом и купили участки в Бобровских (Егоршинских) угольных копиях и лесную дачу в Туринском уезде. Купленные в южных и централь-

² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 2. Ед. хр. 101. Л. 10; Гуськова Т. К. Нижнетагильский горно-заводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007. С. 14.

³ После смерти в 1885 г. Павла Павловича Демидова другое демидовское имение в Тоскане (Пратолино) перешло во владение его жены Елены Петровны (урождённой Трубецкой), а потом — дочери Марии, вышедшей замуж за князя С. С. Абамелек-Лазарева (Глушакова Ю. П. Демидовы в истории русско-итальянских культурных связей // Исследования по источниковедению истории России дооктябрьского периода. М., 1993. С. 119).

ных губерниях сельскохозяйственные имения скоро были заложены и проданы. Горнозаводская промышленность Нижнетагильского округа неизменно сохраняла приоритетное значение среди всех владений Демидовых: в 1862 г. стоимость заводов составляла 95,8% стоимости всей собственности П. П. Демидова.

В 1861–1917 гг. земельные владения Демидовых в округе сократились. По данным за 1914 г. Демидовым на Урале принадлежал Нижнетагильский округ (377 000 дес. на посессионном праве и 18 000 дес. на правах частной собственности), Луньевский округ с тремя дачами (Майкорская — 113 000 дес., Александровская — 42 000 дес., Усьвенская — 77 000 дес.), а также арендованные в Ирбитском уезде Бобровские антрацитовые рудники⁴. К 1917 г. в результате наделения горнозаводского населения землёй и лесными участками они составили 369 тыс. дес. Эта реформа по наделению местных крестьян землёй во владениях Демидовых на Урале затянулась на 45 лет. В 1917 г. наделение было в основном завершено. Население получило 248 861 дес. земли (вместе с лесными наделами), что в 4,9 раза превысило размер наделов, определённых в уставных грамотах 1862 г. При этом наделы были получены населением бесплатно. В руках Демидовых по-прежнему оставались огромные земельные владения и лесные массивы (свыше 45,7% прежней территории округа)⁵. По подсчётам Л. П. Минарик, в 1887 г. в нераздельное владение наследников П. П. Демидова Павла, Элима, Анатолия, Авроры, Марии, Елены и Александры Демидовых перешла земельная собственность площадью 752 тыс. дес. В таком же примерно составе (734 660 дес.) она сохранилось к началу XX в. Кроме нижнетагильского имения им же принадлежало купленное их матерью, вдовой П. П. Демидовой, Еленой Петровной (урождённой княжной Грубецкой), Ильинецкое имение в Киевской губернии (5 277 дес.). Таким образом, земельные владения Демидовых к 1900 г. составляли 739 937 дес⁶.

Более точное представление о благосостоянии Демидовых можно составить на основании сохранившейся выписи из нотариального акта на недвижимость этой семьи за 1887 г. Так, в частности, в этом документе указывалось, что после смерти Павла Пав-

⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 833. Л. 2–3об.

⁵ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 14–16, 34.

⁶ Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX в. М., 1971. С. 49–50.

ловича Демидова князя Сан-Донато его наследникам достались следующие имущества и капиталы. Прежде всего — Нижне-Тагильский горнозаводской округ с 8 заводами с 543 391 дес. на посессионном праве и с 17 567 дес. на правах полной собственности. Ценность этих заводов, включая стоимость земли, строений, промышленного оборудования, рудников и денежных капиталов, определялась в 11 млн 179 тыс. руб. Далее в собственности находились Луньевские заводы в Солигаличском уезде Пермской губ. (145 417 дес.) и Усьвенская лесная дача в Пермском уезде (51 408 дес.). Эти владения были куплены П. П. Демидовым в 1884 г. у Всеволожских и оценивались в 3 млн 276 тыс. руб. (но с выплатой долга казне — только в 1 млн 278 тыс. руб.). Отдельно оценивалась Левшинская пристань в 15 300 руб. Демидовым также принадлежало Иллинецкое имение в Киевской губ. с сахарным, винокуренными и кирпичными заводами, купленное в 1873 г., в 5 477 дес. стоимостью 883 613 руб. (с долгом на имении в 365 698 руб.) и имение в Екатеринославской губ., купленное в 1884 г., в 17 580 дес. стоимостью 600 тыс. руб. Во владении Демидовых находилась мыза в Петергофском уезде со стеклянным заводом и писчебумажной фабрикой, приобретённое в 1876 г., в 10 430 дес. стоимостью 200 тыс. руб. Семье принадлежала городская недвижимость: дом в Санкт-Петербурге на Васильевском о. стоимостью 269 520 руб. (долг С.-Петербургскому городскому кредитному обществу — 180 934 руб.); каменная лавка в Москве (25 тыс. руб.); дом в Москве (44 тыс. руб.); дом в Нижнем Новгороде (50 тыс. руб.); дом в Ростове-на-Дону (10 тыс. руб.); каменные магазины в Ростове-на-Дону (20 тыс. руб.). Движимое имущество (предметы торговли и товары) Демидовых оценивалось в 5 млн 159 тыс. руб. Капитал в наличных деньгах и процентных бумагах составлял 919 тыс. руб. Домашняя бездоходная движимость оценивалась в 66 250 руб. Долги за разными лицами оценивались в 827 тыс. руб. В то же время общая задолженность самих Демидовых составляла 3 млн 152 тыс. руб. Таким образом, общий капитал семьи в 1887 г. насчитывал 21 545 683 руб⁷. Интересно сравнить эту цифру с оценкой капитала Демидовых в 1914 г., о чём будет указано ниже.

В XIX в. Демидовы, жившие большей частью вне России, как правило, уже не принимали непосредственного участия в управ-

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 273–276 об.

лении своими заводами, передав эти обязанности административному аппарату, оставив за собой только распорядительные функции. В течение второй половины столетия происходило усложнение управленческого аппарата, его бюрократизация. В исследованиях отмечается, что Павел Павлович Демидов (1839–1885) обладал сложным и противоречивым характером, в котором сочетались как положительные (доброта, щедрость), так и отрицательные черты (эгоизм, капризность, пресыщенность, нежелание и неумение трудиться). Результатом «уродливого воспитания и развращающего влияния богатства» стало приобретение им вредных привычек (алкоголь и азартные игры). При этом П. П. Демидов получил хорошее образование (юридический факультет С.-Петербургского университета), но не сумел использовать свои знания и способности на практике. Его огромные траты на приобретение земель и предприятий в различных губерниях России не дали экономического эффекта. Миллионы были вложены в роскошную итальянскую виллу Сан-Донато. В то же время П. П. Демидов был в целом безразличен к доставшемуся ему в наследство «родовому» заводскому делу на Урале. Он никогда серьёзно не занимался своими металлургическими заводами, поручив управление ими заводской администрации и главноуправляющему А. О. Жонес-Спонвилю⁸.

В 1880-е гг. финансовое положение демидовских предприятий резко ухудшилось. В этом немаловажную роль сыграли огромные личные траты владельца, в частности его последний проигрыш (600 тыс. руб.) в казино Монте-Карло. К 1885 г. долги уральских заводов превысили 9 млн руб., в том числе личные долги П. П. Демидова были свыше 3 млн руб.⁹. В. Е. Грум-Гржимайло, горный инженер и учёный, проработавший на демидовских предприятиях с 1885 по 1917 гг. вспоминал: «Павел Павлович Демидов умер вовремя. Проигрыш им 600 тысяч рублей в Монте-Карло поставил заводы на край гибели. Была запродана платина на десять лет вперёд. Были исчерпаны все ресурсы и весь кредит. Василий Дмитриевич Белов¹⁰ говорил мне, что он носился по всему Петербургу, ища денег, и ждал с минуты на минуту объявления о несостоя-

⁸ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 18.

⁹ Там же. С. 19.

¹⁰ Управляющий С.-Петербургской конторой Демидовых.

тельности»¹¹. Учитывая несовершеннолетие детей П. П. Демидова и тяжёлое положение горнозаводского округа, над владениями Демидовых по решению императора Александра III была учреждена опека во главе с П. П. Дурново. Началась ликвидация долгов П. П. Демидова за счёт продажи части собственности (в том числе тосканской виллы Сан-Донато), сокращения выплат на содержания благотворительных учреждений и массы пенсионеров. Сокращены расходы на содержание заводских медицинских и образовательных учреждений. Кстати, эта история с долгом показывает, какие значительные социальные обязательства несли Демидовы в своих уральских владениях.

В итоге предпринятые опекунами действия принесли эффект. В. Е. Грум-Гржимайло вспоминал: «Затем были ограничены в своих требованиях старуха Карамзина, мать Павла Павловича, и принцесса Матильда, племянница Наполеона III, бывшая три недели женой Анатолия Николаевича Демидова. Эти две старухи получили в год 164 тысячи рублей. Вдове Павла Павловича были даны Киевские имения Демидова, и до заводов она не касалась... Мероприятия П. П. Дурново очень скоро дали результаты. Спешные долги были уплачены, и только пониженная цена платины напомнила о проигрыше Демидова. Через три года у заводов оказались свободные средства, и опека дала 1 млн рублей на новые постройки. Во время постройки Сибирской железной дороги в 1894 г. заводы давали чистых 1,5 млн рублей. Крах заводов, связанных с развитием Юга, был впереди, и тогда плохо учитывался»¹². Действительно, в 1890-е гг. доход по заводам Нижнетагильского округа доходил до 1,5 млн руб. По данным заводского бюджета за 1900 г. при расходе 1 431 тыс. руб. приход составил 2 273 тыс. руб., что дало чистой прибыли 842 тыс. руб¹³.

Основываясь на материалах заседания «гг. опекунов по делам наследников Павла Павловича Демидова князя Сан-Донато» (15 октября 1892 г.), можно представить общее экономическое состояние заводов в этот период. На заседании присутствовали опекуны П. П. Дурново и П. П. Голенищев-Кутузов-Толстой.

¹¹ «... Быть полезным своей родине». Воспоминания Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло // Грум-Гржимайло В. и С. Секрет счастливой жизни. Книга для семейного чтения. Екатеринбург, 2001. С. 21.

¹² Там же. С. 21–22.

¹³ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 69.

Обсуждался общий бюджет и сметы на 1892–1893 операционный год. Общая денежная потребность Нижнетагильских заводов определялась в 3 990 000 руб. (в том числе заготовка разных материалов, припасов и изделий — 1 500 000 руб., добыча золота и платины — 440 000 руб., выплавка чугуна, железа и стали — 750 000 руб.). В эту сумму входили также общие накладные расходы (270 000 руб.). Помимо содержания заводоуправления (50 000 руб.) Демидовы должны были выделить средства на заводские училища (6 700 руб.), детские приюты (2 500 руб.), госпитали и аптеки (12 000 руб.), церкви (17 000 руб.). Пенсии, пособия и пожертвования должны были составить сумму в 55 000 руб. К расходам относилась также статья по доставке руд и чёрных металлов для переделов и оправки металлов для продажи (360 000 руб.). Эти средства по содержанию Нижнетагильских заводов предполагалось брать из двух источников: выручки от продажи металлов (720 000 руб.) и по залогу металлов (1 340 000 руб.). Кроме того Главная контора должна была заплатить за счёт заводоуправления 130 000 руб. податей, а остальную часть денежной потребности в количестве 1 800 000 руб. Опекунское управление предполагало перевести в Нижнетагильские заводы в течение октября 1892-августа 1893 г¹⁴. По смете Луньевского округа общая денежная потребность определялась в 810 000 руб. Эти средства должны были поступить от продажи угля и кокса (180 000 руб.), листового железа (120 000 руб.) и по залогу металлов (210 000 руб.). Остальную часть необходимой суммы предполагалось перевести на заводы в октябре 1892 — августе 1893 г. (300 000 руб.)¹⁵.

Отдельно рассматривались бюджет и расходные сметы по счёту Главной конторы в С.-Петербурге и местных контор. Общее содержание служащих по штатам Главного управления и местных контор должно было составить 86 940 руб. Общий бюджет Главной и местных контор определялся в 124 200 руб. Далее шли караванные расходы (120 000 руб.) и за перевозку железа из Луньевского завода до Нижнего Новгорода (24 000 руб.). Погашение ипотечного долга по дому Главной конторы в С.-Петербурге составляло 14 250 руб., погашение ипотечного долга по Луньевским заводам — 183 000 руб., уплата процентов по займам — 240 000 руб. Таким образом, выплаты по ипо-

¹⁴ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 709. Л. 1–3.

¹⁵ Там же. Л. 3.

течным и коммерческим долгам должны были составить сумму 437 250 руб. К личным расходам относились следующие статьи: пенсии и пособия — 84 000 руб., принцессе Матильде — 84 000 руб., пожизненная рента Е. П. Демидовой княгини Сан-Дonato — 120 000 руб., содержание Анатолия, Павла, Марии и Елены Демидовых — 108 000 руб., содержание княгини А. П. Карагеоргиевич — 18 000 руб., содержание Элима Павловича Демидова — 36 000 руб. Таким образом, личные расходы наследников П. П. Демидова (не считая принцессы Матильды) должны были составить 282 000 руб. Общие расходы в 1892–1893 гг. по владениям Демидовых выражались суммой 6 126 390 руб¹⁶. Относительно этих данных обращают на себя внимание несколько моментов. Инвестирование демидовских заводов по двум округам лишь частично предполагалось осуществлять за счёт доходов от собственного производства. Применялась практика залогов продукции в счёт будущих продаж и внешние займы. Из этого следовали и значительные ежегодные выплаты (более 400 тыс. руб.) процентов по задолженности. При этом значительны были расходы в сфере социальной политики Демидовых в своих владениях. Даже в условиях кризиса собственного хозяйства и состояния опеки значительные суммы выделялись на содержание училищ, больниц, церквей и пособия (более 170 тыс. руб.). Преувеличенными кажутся представления о том, что большая часть получаемых средств тратилась на личное содержание Демидовых (всего примерно 1/20 от общих расходов).

В 1892–1893 гг. Опекунское правление ожидало доходов на сумму 6 705 000 руб. Они должны были складываться от продажи золота (225 000 руб.), платины (450 000 руб.), меди (720 000 руб.), рельсов (1 200 000 руб.), рельсовых скреплений (225 000 руб.), железа (2 250 000 руб.), железа на заводах (720 000 руб.), малахитовой краски (12 000 руб.), луньевского железа (600 000 руб.), железа на Луньевских заводах (120 000 руб.), угля и кокса (180 000 руб.). Доход с городской недвижимости должен был составить 3 000 руб. Таким образом, чистая прибыль составила бы 578 610 руб. Из этой суммы предполагалось израсходовать на новые постройки в Нижнетагильском заводском округе 130 000 руб. и на заготовку 250 000 пудов чугуна в запас на 100 000 руб. В журнале Опекунского совета подчёркивалось, что «означенным рас-

¹⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 709. Л. 3–3об.

ходам должен быть ведён особый счёт и они отнюдь не подлежат внесению в общие операционные сметы по заводам»¹⁷. Таким образом, мы видим, что почти половина чистой прибыли также реинвестировалась в производство. Если опять-таки говорить о личных расходах Демидовых применительно уже к чистой прибыли, то они действительно составят примерно половину. Но, как выше было указано, общие расходы по заводам уже предусматривали значительные вложения в производство и в чистой прибыли они не учитывались. В последующие годы вложения в демидовские заводы росли. Согласно бюджету на 1894–1895 гг. общая денежная потребность Нижнетагильского округа определялась в 4 560 000 руб. (в 1892–1893 гг. — в 3 990 000 руб.), Луньевского округа — 840 000 руб. (в 1892–1893 гг. — 810 000 руб.)¹⁸.

В 1896 г. после смерти П. П. Демидова и появления 7 наследников (его жены и детей) Нижнетагильский округ Демидовых был преобразован в семейно-паевое товарищество. Старшим из детей был Елим (Элим) Павлович Демидов. После оценки имущества округа был определён размер пая, а также общее количество паёв (1050) и число паёв, приходившихся на долю каждого из наследников. Пайщики могли продавать и обменивать паи, но только друг с другом. Таким образом, собственность округа продолжала оставаться в руках демидовской семьи. По данным за 1914 г. из 1050 долей основного капитала Елиму Павловичу Демидову принадлежало 580, Анатолию Павловичу Демидову — 255, остальным наследникам — 215¹⁹. К 1916 г. основную часть паёв сосредоточил у себя Е. П. Демидов (630 паёв, или 53,7%)²⁰. Кроме того, с 1913 г. Э. П. Демидов обладал собственным крупным состоянием, полученным им по наследству от Ю. С. Нечаева-Мальцева. В. Е. Грум-Гржимайло отмечал в своих воспоминаниях: «Илим Павлович купил пай как своей сестры, вышедшей замуж за какого-то проходимца в Италии после развода с Кара-Георгиевичем, так и, кажется, пай Анатолия Павловича. Его сестра, бывшая замужем за князем Абамелек-Лазаревым, в делах участия не принимала»²¹.

¹⁷ Там же. Л. 4.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 757. Л. 5–8.

¹⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 833. Л. 7 об.

²⁰ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 118.

²¹ «... Быть полезным своей родине». Воспоминания Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло. С. 31.

Согласно «Положению об управлении имением наследников действительного статского советника П. П. Демидова князя Сан-Донато» (1896), высшим органом правления становилось общее собрание владельцев. Ему подчинялись Главное правление заводов в Санкт-Петербурге с техническим, коммерческим и юридическим отделами. Членами правления были старшие наследники — Элим и Павел Демидовы. Этот документ был утверждён «государем императором» в «Дармштадте во 2/14 день октября 1896 г.». Состав общего имения Демидовых определялся следующим: 1. Нижнетагильский заводской округ в Верхотурском уезде Пермской губернии (8 заводов). В нём состоит земли на посессионном праве — 543 391 дес. и на праве личной собственности — 17 567 дес.; 2. Луньевские каменноугольные копи и чугуноплавильные и железоделательные заводы (2 завода) в Соликамском уезде Пермской губернии. Здесь состоит земли — 45 417 дес., а также Усьвенская лесная дача в Пермском уезде — 50 650 дес.; 3. Усьвенская рудничная лесная дача в Пермском уезде Пермской губ. — 27 207 дес.; 4. Левшинская пристань в Пермском уезде с постройками, домами и магазинами; 5. Дом в С.-Петербурге на Васильевском острове по 4 линии и набережной р. М. Нева под №№ 61, 24,26; 6. Каменная лавка в Москве, ул. Балчуг; 7. Дом в Москве по Садовнической ул.; 8. Дом в Нижнем Новгороде; 9. Дом в Ростове-на-Дону и каменные магазины. Общее имение разделено на 1 050 долей: Элим Павлович Демидов — 275 долей, Анатолий Павлович Демидов — 275, Павел Павлович Демидов — 275, княгиня Аврора Павловна Карагеоргиевич (урожд. Демидова) — 75, Мария Павловна Демидова — 75, Елена Павловна Демидова — 75²². Важнейшим в документе был параграф 46, в котором определялся размер прибыли, получаемой владельцами. Согласно тексту, общим собранием было определено, что из годовой чистой прибыли, т. е. суммы остающейся за вычетом всех операционных расходов, отчисляется: 1. 25% или «по постановлению общего собрания, и более» на составление капитала погашения имущества; 2. 10% на образование оборотного капитала; 3. 10% на образование запасного капитала; 4. 5% на вознаграждение членов Главного правления; 5. «определённая Общим собранием при обсуждении годового отчёта, сумма на дополнительное вознаграждение служащих». Оставшаяся после этого сумма и должна была составить чистый доход, по-

²² РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 797. Л. 2–3об.

лучаемый владельцами²³. Таким образом, максимально Демидовы могли получить половину ожидаемой чистой прибыли. В примечание к документу № 2 также указывалось, что «Общему собранию предоставляется определять, при рассмотрении ежегодной сметы, размер предварительного дивиденда, подлежащего выдаче владельцам из кассовых средств предприятия в счёт причитающегося им чистого дохода» и «по утверждению же годового отчёта эти выдачи удерживаются из причитающегося каждому владельцу чистого дохода», а «в случае же недостатка такового дохода, они записываются долгом на владельцах, с начётом 6% годовых»²⁴. Последнее следует, видимо, понимать в том смысле, что Демидовы могли авансом получать денежные средства, даже в том случае, если их размер будет меньше получаемой прибыли. В «Положении» также говорилось, что обязательные отчисления в оборотный капитал и запасный капитал должны продолжаться до тех пор, пока первый не достигнет суммы 3 млн руб., а последний — 2 млн руб. Обязательные отчисления будут возобновлены, если часть запасного капитала будет израсходована²⁵. Таким образом, чисто теоретически выплаты владельцам через некоторое время могли быть и больше половины чистого дохода.

В условиях экономического кризиса начала XX в. Демидовы сменили Главное правление Нижнетагильских и Луньевских заводов. С 1903 по 1918 г. председателем правления был А. Н. Ратьков-Рожнов (председатель акционерных обществ «Кровля» и «Медь», бывший чиновник министерства финансов, вице-директором департамента железнодорожных дел). Он поставил управление на солидную бюрократическую основу. Все члены правления являлись ведущими деятелями петербургской бюрократии, опытными «дельцами нового типа». В то же время они не были специалистами в горном деле и были далеки от интересов уральской промышленности. В 1914 г. Правления состояло из председателя, А. Н. Ратькова-Рожнова, и членов, Е. П. Демидова, Н. В. Равевского, Н. С. Толмачёва²⁶.

Сами последние владельцы заводов были некомпетентны в вопросах организации и управления горной промышленностью

²³ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 757. Л. 14.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 15.

²⁶ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 833. Л. 7об.

и не проявляли интереса к свои родовым владениям. Такое впечатление сложилось у современников и закрепилось в историографии. Таким образом, последние Демидовы в России выступают в качестве типичных аристократических собственников, стремящихся к получению устойчивых доходов рантьевого типа, но не как самостоятельные предприниматели буржуазного типа. В своей записке от 4 февраля 1909 г. главный управляющий уральских заводов П. П. Боклевский писал: «Владельцы Тагильских заводов — лица совершенно некомпетентные в горнозаводском деле; весьма мало осведомлённые в положении заводской жизни и делах, к которым относятся вполне безучастно, требуя только доходов в привычных размерах...»²⁷. Подобную оценку можно найти и в воспоминаниях В. Е. Грум-Гржимайло. В частности, он писал: «Из молодых владельцев я знал четырёх: Илима Павловича, Анатолия Павловича, Павла Павловича и Софью Илларионовну Воронцову-Дашкову. Илима Павловича я видел в Нижнем Тагиле три раза. Первый раз 17-ти лет, мальчиком. Второй раз — в голодном 1891 г., когда он приехал спасать свои заводы от голода, что было сделано тогда всей аристократией, поехавшей устраивать свои столовые. Третий раз он приезжал с Софьей Илларионовной и Нечаевым-Мальцевым [видимо, в 1910 г.]. Юноша Илим Павлович был апатичный, скучающий и послушный велениям А. О. Жонеса, с которым приезжал... Дел он не понимал и не хотел с ними знакомиться... Он никогда не принимал никакого участия в делах заводов. Из родовой гордости он всадил в Тагильский округ много денег из числа полученных от Нечаева-Мальцева...»²⁸. В данном случае речь идет о наследстве Нечаева-Мальцева, полученного в 1913 г. Э. П. Демидовым²⁹. Такого же невысокого мнения был В. Е. Грум-Гржимайло о деловых качествах Павла Павлови-

²⁷ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 118–119.

²⁸ «... Быть полезным своей родине». Воспоминания Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло. С. 23, 31.

²⁹ Решение о передаче наследства было достаточно странным. Знаменитые мальцевские заводы (Мальцевский заводской округ лежал на границе Орловской, Калужской и Смоленской губерний и включал в себя 22 завода со 100 тыс. рабочих) переходили к графу Игнатеву, а денежные капиталы — Елиму Демидову. Это завещание поставило мальцевские заводы в очень трудное положение, лишив их, по сути, необходимых оборотных средств. В то же время Е. П. Демидов значительно увеличил своё личное состояние и получил свободные капиталы (Там же. С. 29–30).

ча Демидова (1879–1909): «Я объяснял ему, что заводами нельзя не давать денег, заводы нельзя не поддерживать, и тот, кто давать денег не будет, с заводов ничего не получит. Недоумённые взгляды Демидова ясно показали, что для него это было откровением, и неприятным откровением. Он привык думать, что благодетельствует заводам, соглашаясь на затрату средств. Жонес заметил, что эта тема не по зубам Демидову... Зачем его тревожить вопросами, которых он боится и решить которые он не в силах всё равно... Строение промышленного предприятия, его жизнь были совершенно недоступны пониманию Демидовых»³⁰.

В то же время В. Е. Грум-Гржимайло отмечает, что из всех членов семьи Демидовых действительно интересовалась уральскими предприятиями Софья Илларионовна³¹, жена Е. П. Демидова (урождённая княжна Воронцова-Дашкова): «... Один случай я слышал от Б. Струве, бывшего члена Правления заводов Демидова. Заводы переживали тяжёлый кризис. Денег не было, и взять было негде. Рабочих не рассчитывали уже несколько месяцев. В одну из горьких минут Софья Илларионовна скромно заметила: «Я могу им помочь. Вы можете заложить мои бриллианты». Её поблагодарили, но подумали, что какие-нибудь 20–25 тысяч вряд ли помогут делу, когда нужны сотни тысяч! Впоследствии, однако, дело повернулось так, что и 20–25 тысяч были уже деньги. Тогда поеха-

³⁰ Там же. С. 34.

³¹ В. Е. Грум-Гржимайло сообщает интересные сведения о том отношении к Демидовым, которое было характерно для управленческого и технического персонала заводов, в том числе и слухи, относительно женитьбы Илима Павловича: «Вообще вопрос о владельцах в Нижнем Тагиле стоял очень странно. Начну с титула «князь Сан-Дonato». Как им писать. Называли мы их всех просто по имени и отчеству. А писать? Высокоблагородию? Сиятельству? Владельцу? Для нас это было всё равно. А для Илима Павловича это был вопрос очень большой. Он оказался очень большим и для Грамматчикова Владимира Александровича [Управляющий Нижнетагильских заводов], уволенного исключительно благодаря антипатии Илима Павловича, которому он писал: «Его Высокоблагородию». Говорят, он [Илим] женился на Воронцовой-Дашковой, дочери министра Императорского двора, не потому, что Софья Илларионовна была прелестная женщина, а потому, что надеялся, что Александр III признает его титул «князь Сан-Дonato», чего он добивался. Когда же старик Воронцов начисто отказался хлопотать об этом, то Илим Павлович так повёл себя с молодой женой, что она от него убежала. Только через три года тётушки Нечаявы-Мальцевы, которым должен был унаследовать Илим Павлович, приложили все усилия, чтобы молодые супруги сошлись вновь, в чём и успели. Софья Илларионовна потом была единственной светлой личностью среди владельцев заводами; фактически ими интересовалась только она одна» (Там же. С. 20–21).

ли к Софье Илларионовне за бриллиантами. Заложили их и получили 300 тысяч рублей наличными... Заводы из трудного положения вышли. Но бриллиантов своих Софья Илларионовна не видела года 1,5–2. Этот случай сблизил её с Правлением заводов, и последние годы она приезжала в заводы одна, как доверенная Илима Павловича и главный хозяин заводов»³². Судя по опубликованным дневниковым записям Софья Илларионовна Демидова была женщиной умной, самостоятельной, придерживалась достаточно либеральных взглядов, считала самодержавие устаревшей формой правления и критично относилась к действиям императора Николая II³³. В то же время В. Е. Грум-Гржимайло пытался ответить на вопрос о причине достаточно индифферентном отношении Демидовых к своим уральским предприятиям: «... Я внимательно присматривался к этим людям. Чего им не хватало?.. Глупыми, идиотами их назвать было нельзя. Их сёстры гремели в Петербурге как первые красавицы и самые интересные женщины общества, такова, например, была Аврора Кара-Георгиевич или княгиня Абамелек-Лазарева... Итак, с одной стороны, нет стимула чего-либо добиваться, с другой — панический страх, что заводы перестанут давать доходы, и им, владельцам, нечем будет жить»³⁴.

В период 1890–1914 гг. благосостояние Демидовых практически целиком зависело от динамики производства на заводах Нижнетагильского округа. Безусловно, недиверсифицированность источников поступлений со своих огромных владений была одной из рискованных составляющих в финансовом благополучии семьи. В исследованиях обращают внимание также на неустойчивую динамику промышленного производства демидовских предприятий. В 1861–1889 гг. наблюдались медленные темпы заводского производства. В 1890-е гг. начинается быстрый рост, который продолжается до 1902 г. В 1903–1909 гг. происходит резкий спад производства, что приводит к экономическому и финансовому кризису хозяйства Демидовых на Урале. В 1910–1916 гг. в результате начатой реконструкции предприятий, огромных займов и поддержки правительства происходит значительное увеличение объёма производства и ускорение темпов его развития. С конца 1916 г. наме-

³² «... Быть полезным своей родине». Воспоминания Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло. С. 31.

³³ Из воспоминаний С. И. Демидовой // Голос минувшего. 1923. № 1. С. 161–172.

³⁴ «... Быть полезным своей родине». Воспоминания Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло. С. 33–34.

чается очередной спад, вызванный влиянием войны, обостряется финансовый кризис, что приводит к акционированию Нижнетагильского округа³⁵. В то же время в абсолютных цифрах в рассматриваемый период производительность предприятий округа резко возросла, что практически в 2 раза увеличило благосостояние Демидовых. Это хорошо видно по данным о производительности заводов Нижнетагильского округа (млн пудов)³⁶:

	Чугун	Железо
1880–1889	2,5–3	1,5
1890–1900	3–4,5	2,5
1901–1909	2,5–4,5	3,1–3,8
1910–1916	4–5,5	3,3–6,2

В 1890-е гг. и даже в первые годы экономического кризиса, вплоть до 1902 г., финансовое положение демидовских заводов было устойчивым. В 1899 г. чистая прибыль округа составила 1,8 млн руб., в 1900 г. — 1,8 млн руб., в 1901 г. — 1,4 млн руб. 50% прибыли согласно «Положению об управлении имением наследников действительного статского советника Павла Павловича Демидова князя Сан-Донато» получали владельцы³⁷. Ухудшение финансового положения произошло в 1902/1903 гг., когда заводы понесли убыток в 393,1 тыс. руб. и остались без средств. К 1909 г. выплавка чугуна по сравнению с 1900 г. сократилось на 42,4%, а выделка железа и стали — на 13,3%. Пик кризиса на демидовских предприятиях пришёлся на 1907–1909 гг. Он коснулся не только заводов, но и всего хозяйства уральского округа, сократилась добыча железной и медной руды, заготовка древесного угля. После 1906 г. заводские бюджеты стали дефицитными. Вместо ожидавшейся прибыли в период 1906–1908 гг. в 967 тыс. руб. заводы понесли убытки на сумму 1 415 тыс. руб. В 2 раза сократился оборотный и совсем исчез запасный капитал. Долги окру-

³⁵ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 64–65.

³⁶ Там же. С. 64.

³⁷ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. С. 228–229.

га к концу 1909 г. достигли свыше 16 млн руб³⁸. Общий долг демидовских предприятий составлял в 1900 г. 7 045 357 руб. (в том числе 4 815 343 руб. ипотечный долг), в 1901 г. — 6 553 009 руб. (4 728 375 руб.), в 1902 г. — 7 645 418 руб. (4 639 358 руб.), в 1903 г. — 9 313 123 руб. (4 597 045 руб.), в 1904 г. — 9 631 815 руб. (4 496 354 руб.)³⁹. Демидовы оказались на краю финансового краха.

В период 1903–1909 гг. финансовая деятельность правления сводилась, как отмечает Ю. А. Буранов, в основном к поискам внешних инвестиций (ипотечные долги, ссуды в коммерческих банках), в то время как огромные суммы из активов предприятий изымались на непроизводительные расходы владельцев. В эти же годы правление выдвигало несколько проектов акционирования предприятий, но они отвергались Демидовыми, боявшимися потерять контроль над своей собственностью и право получения бесконтрольных доходов. В итоге престиж демидовского дела среди кредиторов был подорван. 29 апреля 1909 г. на заседании Государственной думы министр торговли и промышленности высказал своё мнение о необходимости отобрать у Демидовых заводы для передачи их другому владельцу или передать в казённое ведомство. 11 мая 1909 г. состоялось совещание министров финансов, торговли и промышленности, юстиции и государственного контролёра по делам демидовских заводов в присутствии членов правления. Единственным выходом из положения, в котором находились демидовские предприятия, совещание признало передачу посессионного Нижнетагильского округа за справедливое вознаграждение в казну. Однако это решение не было в итоге принято⁴⁰. Еще ранее в дискуссиях с государственными учреждениями Главное управление Нижнетагильского округа Демидовых отрицало изъятие заводских средств на личные нужды владельцев, ссылаясь на то, что за десятилетие до 1906 г. в технические усовершенствования была вложена значительная сумма — свыше 5 млн руб. Но совет Государственного банка отметил, в частности, что «сумма эта затрачена была... не из личных, посторонних предприятий средств владельцев, а составляла отчисления от прибы-

³⁸ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 71.

³⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 810. Л. 6 об. — 7.

⁴⁰ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). С. 230–231.

лей того же предприятия, а потому не может быть рассматриваема как вклад владельцев»⁴¹.

Уроки кризиса 1903–1909 гг. были в итоге учтены как владельцами Нижнетагильского округа, так и их Главным правлением. Состав последнего к 1910 г. существенно изменился за счёт специалистов и опытных дельцов новой формации вроде А. Н. Ратькова-Рожнова, сменившего в управлении заводами главноуправляющего А. О. Жонес де Спонвиля. В качестве экспертов привлекались известные специалисты (профессор В. В. Никитин, металлург М. А. Павлов и др.). В декабре 1912 г. на основе записки заведующего техническим отделом Главного правления Н. А. Спижарского был утверждён план реорганизации заводов Нижнетагильского округа. Основная идея заключалась в резко увеличении (в 3–4 раза) производства чугуна и стали с концентрацией его на 4 крупнейших заводах Нижнетагильского и Луневского округов (Нижнесалдинском, Верхнесалдинском, Нижнетагильском, Никитинском). Сохранялся также Выйский медеплавильный завод. План предусматривал в кратчайший срок завершить техническую перестройку этих заводов на основе новейших технологических достижений (в том числе электрификации)⁴². В результате начавшейся реконструкции демидовских предприятий и установившейся благоприятной экономической конъюнктуры достаточно быстро удалось достичь роста производства и увеличения продажи продукции. В 1910 г. заводы Демидовых принесли прибыли в 168,9 тыс. руб., в 1911 г. — 726 тыс. руб., в 1912 г. — 1,2 млн руб⁴³. По несколько другим подсчётам Т. К. Гуськовой, с 1910 по 1914 гг. доходы Демидовых со своих уральских предприятий выросли с 1 168 тыс. руб. до 1 517 тыс. руб⁴⁴.

Безусловно, важнейший вопрос для Демидовых относительно поддержания своего благосостояния заключался не только в самой экономической стратегии развития уральских заводов (этим занимались специалисты Главного управления), но и в поиске огромных денежных средств для финансирования этой реконструк-

⁴¹ Вяткин М. П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965. С. 137.

⁴² Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 72–73.

⁴³ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). С. 231.

⁴⁴ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 79.

ции. После кризиса 1903–1909 гг. необходимость изменений осознавалась всеми членами Главного правления и большей частью владельцев (но прежде всего Е. П. Демидовым и его женой Софьей Илларионовной). Более многочисленная группа членов правления и владельцев во главе с Э. П. Демидовым не хотела резких изменений в организации управления хозяйством и делала ставку на развитие доходного платинового дела, ускорение технического прогресса на заводах и, главное, на новые займы и кредиты от правительства. Другая группа во главе с А. Н. Ратьковым-Рожновым настаивала на переводе округа в акционерную форму владения за счёт привлечения финансового капитала частных коммерческих банков. Именно это точка зрения восторжествовала, не смотря на протесты наследников. С 1913 г. начались тайные, а с 1916 г. уже открытые переговоры Главного правления с Русским для внешней торговли банком, являвшимся одним из кредиторов Демидовых⁴⁵. Причиной этого, по мнению Ю. А. Буранова, было то, что финансовая база реконструкции оказалась слишком непрочной, поскольку владельцы отказались её финансировать. Правлению пришлось в 1913 и 1916 гг. ходатайствовать об очередных залогах округов. В итоге к 1914 г. были потрачены 3 714 355 руб. на реконструкцию предприятий, в 1915 г. куплена за 4,5 млн руб. Турьинская лесная дача в 82 тыс. дес. для обеспечения заводов сырьём. Однако к 1916 г. общий долг округа составил 10 млн руб., заводы не справлялись с полученными от государства военными заказами. Во 2 половине 1916 г. начались переговоры о продаже округа коммерческим банкам (Русско-Азиатскому и Русскому для внешней торговли). Продажи состоялись в марте 1917 г. Покупная сделка за демидовские имения составила 17 млн руб⁴⁶.

Похожая точка зрения высказывается в работе Т. К. Гуськовой. По её мнению, техническая реорганизация демидовских заводов в 1913–1916 гг. шла не столько за счёт внутренних операционных средств, сколько благодаря получению новых займов и субсидий. Всего за 1909–1917 гг. Демидовым было выдано в разных формах свыше 10 млн руб., а общая сумма задолженности Нижнетагильского округа достигла 22,9 млн руб. Из-за недостатка средств демидовские заводы прекратили платить налоги и подати, а в 1916 г.

⁴⁵ Там же. С. 120.

⁴⁶ Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). С. 233–235.

Демидовы оказались не в состоянии внести очередной взнос по государственной ссуде и были вынуждены обратиться за помощью к Русскому для внешней торговли банку⁴⁷.

Часто утверждается, что акционирование демидовских предприятий произошло на крайне невыгодных для владельцев условиях. При этом Демидовы теряли прежний статус собственников заводов и превращались в корпоративных членов акционерного общества, имевших право на получение определённой части доходов, т. е. фактически становились рантье. Сама сделка о продаже демидовских заводов была юридически оформлена 17 мая 1917 г. Имение Демидовых было оценено в 17 037 тыс. руб., из которых бывшие заводоладельцы получили 9 296 тыс. руб. наличными деньгами и 7 741 тыс. руб. акциями. Характерно, подчёркивает Т. К. Гуськова, что сумма в 17 млн руб. была меньше оценки округов (25 млн руб. составлял основной капитал акционерного общества) и почти в точности совпадал с суммой оценки части имущества Демидовых (17 118 тыс. руб.), фигурировавшей в балансе 1914 г. как стоимость земли, рудников, приисков. Полученные при сделке 9 млн руб. сразу же были переведены за долги Нижегородско-Самарскому банку. Доля бывших владельцев заводов в доходах акционерного общества была незначительной, со ссылкой на подсчёты исследователей отмечает Т. К. Гуськова (примерно 24%)⁴⁸.

Т. К. Гуськова полагает, что свой вклад в финансовые трудности демидовских заводов в постреформенный период вносили сами владельцы, получавшие несоразмерно высокие доходы не только за счёт дивидендов и прибыли, но и благодаря изъятиям средств из оборотного капитала в счёт авансов и будущих прибылей, не стесняя себя в личных тратах даже в тяжёлые кризисные годы. В результате такой «финансовой политики» в Нижнетагильском округе имели место дефициты заводского бюджета (в 1868, 1869, 1879, 1882, 1884, 1887, 1903–1906, 1908–1909, 1916 гг.). Выход из финансовых затруднений владельцы демидовских заводов традиционно искали в залогах продукции и земельной собственности, правительственных ссудах и займах в банках. Основными кредиторами демидовских заводов были Государственный банк, Ниже-

⁴⁷ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 123.

⁴⁸ Там же. С. 123.

городско-Самарский земельный банк и Русский для внешней торговли банк. Общая сумма задолженности возростала: в 1905 г. — 11,9 млн руб., в 1909 г. — 16,1 млн руб., в 1911 г. — 13 млн руб., в 1914 г. — 23 млн руб. Особенно быстро росла группа так называемых «необеспеченных долгов», которые в 1914 г. составили 16,3 млн руб. Это были ипотечные долги по залогам и казённые долги по ссудам. Крупным кредитором являлась также французская платино-промышленная компания⁴⁹.

Т. К. Гуськовой проанализирован важнейший документ, отражающий благосостояние Демидовых и экономическое положение их уральских предприятий в результате серьёзной реконструкции хозяйства округа, — балансовый отчёт за 1914 г., представленный в качестве официального документа в Горный департамент. Прежде всего, отмечаются высокие показатели размеров основного капитала — 22 млн руб. (в 2 раза выше, чем в 1910 г.). Прибыль в 1914 г. составила 1 517 тыс. руб. Значительны были расходы (13 891 тыс. руб.) на технические постройки и сооружения (в том числе на постройку железнодорожной ветки). Однако, по мнению Т. К. Гуськовой, была чрезмерно увеличена сумма пассива в сводном балансе — 22 909 тыс. руб. Это явно, как отмечает исследовательница, противоречило утверждению о «процветании» демидовских заводов. Доказательство финансового неблагополучия заключалось также в резко увеличившихся расходах на уплату процентов по долгам (896,5 тыс. руб.), а также в расходах по залогам и реализации закладных листов (1 230 тыс. руб.). В то же время, отмечает Т. К. Гуськова, кризисное состояние финансов мало отразилось на доходах заводоладельцев: кроме законных дивидендов из прибыли (525 тыс. руб.), они, как и прежде, получили в этом году значительные суммы денег в счёт авансов будущих прибылей, а также заимствовали их из оборотного капитала (куда и списывали свои долги). Право фактически бесконтрольно распоряжаться денежными средствами заводов было закреплено особой статьёй «Положения об управлении округом» 1896 г. и подтверждено в 1905 г. Однако, оговаривается Т. К. Гуськова, в официальном отчёте 1914 г. эти дополнительные источники не фиксировались (!!!!!). По её «приблизительным подсчётам», они составляли свыше 400 тыс. руб., а общая сумма доходов Демидо-

⁴⁹ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 121.

вых тогда достигла 925 тыс. руб⁵⁰. Любопытно в этой связи узнать отношение работников и инженерного корпуса к этим «сверхприбылям» Демидовых. В. Е. Грум-Гржимайло так, в частности, характеризовал позицию в этом отношении позицию культурного сообщества заводов: «Мы смеялись над Демидовыми, над их «дырявыми шёлковыми карманами» и служили им. Работали на совесть от мала до велика. Для чего мы работали? Мы смотрели так: Демидовы, барыши, которые мы давали Демидовым — это была жертва Молоху. Заводы работали, заводы процветали. Это главное и существенное, а Демидовы — неизбежное зло, на которое мы смотрели практически». Отношение же рабочего населения было несколько иным: «Что же касается рабочих, то они считали заводы своими и барина Демидова своим. Его содержали, а сами кормились. Такое отношение местного населения к заводам возмущало многих приезжих инженеров»⁵¹.

По мнению, Т. К. Гуськовой, чтобы создать видимость благополучия окружной экономики, Главное правление особым решением с 1912 г. стало включать в балансовые документы стоимость округов (их земель, рудников, приисков), что резко увеличило общую стоимость имущества Демидовых в «активе» баланса. В 1914 г. она составила 13 255 тыс. руб. по Нижнетагильскому и 3 032 тыс. руб. по Луневскому округу. Включение этих сумм увеличило бюджет до 52 972 тыс. руб. В результате заводской бюджет, делает вывод Т. К. Гуськова, не только стал выглядеть бездефицитным, но даже показал прибыль в 1 517 тыс. руб. Но эта прибыль фактически была «виртуальной», поскольку оба демидовских округа были заложены в ипотечном банке. Неправомерно включённая, по мнению Т. К. Гуськовой, сумма стоимости округов составляла 32% общего баланса и 54,6% стоимости недвижимого имущества (31 325 тыс. руб.). При исключении стоимости округов (17 118 тыс. руб.) бюджет уменьшался до 35 854 тыс. руб. Горнозаводская собственность и стоимость земель и природных богатств округов, по её мнению, служила средством финансового обеспечения огромных долгов⁵².

⁵⁰ Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 122.

⁵¹ «... Быть полезным своей родине». Воспоминания Владимира Ефимовича Грум-Гржимайло. С. 26–27.

⁵² Гуськова Т. К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX — начале XX в. С. 122.

В целом убедительные рассуждения Т. К. Гуськовой вызывают по ряду положений и некоторые сомнения. Документ, хранящийся в фондах РГАДА под названием «Отчёт Главного управления имением наследников П. П. Демидова князя Сан-Дonato за 1914 г.» является ответом на запрос от 16 июля 1914 г. от Русско-Азиатского банка и содержит подробную характеристику экономического положения предприятий Демидовых. В отчёту в первую очередь указывается на главные богатства демидовских владений на Урале: платиновые прииски («самые богатые россыпи в мире»); угольные копи в Луньевском округе и антрацитовые в Егоршине⁵³; лесные ресурсы в трёх дачах (Усьвенской — 75 000 дес., Кондасской и Майкорской — свыше 100 000 дес.⁵⁴) с товарной прибылью более 300 тыс. руб. в год; производство меди и железа. Особо подчёркивались исключительные богатства железной руды, запасы которой определялись расчётами профессора В. В. Никитина свыше 1 200 000 000 пудов. В отчёте давалась характеристика проведённой реконструкции демидовских предприятий: «Железное производство в Нижне-Тагильском округе находилось в условиях, несоответствующих в техническом отношении современным требованиям.., существовало в округе 9 отдельных небольших заводов, независимо от Никитинского и Александровского заводов в Луньевском округе. В 1912 г. был составлен план обширного переустройства и переоборудования заводов, и ныне 6 заводов частью совершенно уничтожены, частью уничтожаются, а остальные 3 завода перестраиваются и стремительно развиваются»⁵⁵. В отчёте отмечается, что смета на работы по реконструкции предприятий первой очереди была утверждена в 6,5 млн руб., и средства на неё брались из доходов самих предприятий. К 1 января 1915 г. на переоборудование заводов было потрачено свыше 4 млн руб., а также 500 тыс. руб. было направлено на развитие Егоршинских угольных копей. Предполагалось, что значительная часть первой очереди будет закончена к началу 1916 г., и произво-

⁵³ «В Егоршинском месторождении детальным исследованием в настоящее время в разведанных профессором В. В. Никитиным площадях определён запас антрацита свыше 600 000 000 пудов; вероятный же запас на всей площади исчисляется в цифре 1 500 000 000 пудов» (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 833. Л. 4).

⁵⁴ «Дачи эти начаты эксплуатироваться лишь 10 лет тому назад и значительная часть этих дач до сих пор состоит из нетронутых лесов» (РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 833. Л. 4).

⁵⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 833. Л. 4.

дительность демидовских заводов составит 10,5 млн пудов (против 3 млн пудов к 1912 г.). Кроме того, в этот период была произведена крупная покупка лесной дачи в 83 тыс. дес. у Поклевско-Козела для обеспечения доменного производства древесным углём. Таким образом, отмечалось в отчёте, демидовские заводы были обеспечены древесным углем на 25 лет, независимо от результатов опытов по выплавке с использованием антрацита и кокс местных залежей. При валовой доходности предприятий за 1914 г. в 12 500 000 руб. чистая прибыль составила 1 517 000 руб. В 1911 г. прибыль составляла 726 000 руб., в 1912 г. — 1 686 000 руб., в 1913 г. — 1 738 000 руб. В отчёте специально дважды оговаривалось, что из прибыли владельцам выдаётся в виде дивиденда незначительная часть этих сумм — 315 000 руб. и все остальные средства остаются в деле⁵⁶. Эти утверждения Т. К. Гуськова, как это было приведено выше, оспаривает.

Общий приход демидовских предприятий за 1914 г., согласно тому же источнику, составил 12 528 619 руб. Он складывался из статей по продаже продукции Нижнетагильского округа (золото, платина, малахит, краски, медь, рельсы и крепления, железо и сталь, железная руда, чугун) на 10 502 482 руб., по продаже продукции Луньевского округа (железо, уголь, лес) на 1 870 321 руб., а также относительно незначительных статей по перевозке металлов (58 280 руб.) и случайных поступлений (97 534 руб.)⁵⁷. Общий расход за 1914 г. выражался суммой в 11 010 958 руб. Затраты на производство по Нижнетагильскому округу составили 7 852 442 руб., по Луньевскому округу — 1 210 715 руб. Расходы по перевозке металлов — 58 276 руб. «Продукты, поступившие из запаса» оценивались в 426 621 руб. Таким образом, всего на производственные нужды было затрачено 9 548 056 руб. Расходы Главного правления составили 410 862 руб. Кроме того, к разным расходам относились выплаты процентов по долгам в 896 500 руб., затраты на осуществление геологических разведок в 118 267 руб., расходы по наделу мастеровых заводов землёй в 11 716 руб. и чрезвычайные расходы в 25 554 руб. Из этих показателей определялась чистая прибыль в 1 517 660 руб⁵⁸.

⁵⁶ Там же. Л. 4–6.

⁵⁷ Там же. Л. 14 об.

⁵⁸ Там же. Л. 15.

В том же документе приводятся данные по активу и пассиву общего баланса, что позволяет составить представление о размерах капиталов и благосостояния Демидовых. Актив по балансу за 1914 г. оценивался в 52 972 000 руб. Эта сумма складывалась из оценки денег и процентных бумаг (781 000 руб.), платины (2 363 000 руб.), дебиторской задолженности (3 033 000 руб.), недвижимого и движимого имущества (32 575 000 руб.), материалов и изделий (5 975 000 руб.), материалов в заготовках и в производстве (1 564 000 руб.), оборотных сумм (3 930 000 руб.) и прочих статей (2 751 000 руб.). В более детализированном виде этот перечень включал в себя наличные средства (372 401 руб.), процентные бумаги (408 493 руб.), драгоценные металлы (2 363 052 руб.), дебиторы (векселя к получению, покупатели, поставщики и разные лица) (3 033 210 руб.). Недвижимое имущество Демидовых оценивалось по нескольким статьям: Нижнетагильский округ — 13 255 000 руб., Луньевский округ — 3 863 315 руб., постройки и сооружения в округах — 11 458 283 руб., железная дорога — 1 040 346 руб., имущество платиновых приисков — 1 393 934 руб., городская недвижимость в С.-Петербурге и Москве — 364 179 руб. Движимое имущество Демидовых оценивалось в 1 200 101 руб. Материалы, припасы и изделия на заводах оценивались в 5 975 117 руб. На операционных счетах находилось 1 564 000 руб. К статьям активы были отнесены, как не странно, и на это обратила внимание Т. К. Гуськова, расходы, подлежащие погашению по залогу (1 367 724 руб.), а также расходы за счёт будущих лет (99 872 руб.). Расходы из прибылей за 1914 г. складывались из ренты Е. П. Демидовой (220 000 руб.), выдачи владельцам (315 000 руб.) и затрат на благотворительность (74 932 руб.). Переходные суммы в активе (переводы между заводами) составляли 673 037 руб., а оборотные статьи (векселя обеспеченные и учтённые) — 3 929 996 руб.⁵⁹. В структуре собственности Демидовых в 1914 г. обращают на себя внимание несколько моментов. Очевидно, что основное богатство этой семьи составляла уральская промышленность (заводские сооружения, оборудование, материалы, железная дорога, чья стоимость была примерно равна земельной собственности. В то же время относительно незначительны были вложения Демидовых в ценные бумаги и городскую недвижимость, что отличалось от структуры собственности многих

⁵⁹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 833. Л. 6, 15 об.

аристократических семей в этот период. Любопытно также, что, хотя Демидовых принято обвинять в огромных непроизводительных тратах на личные нужды, затраты на благотворительность были достаточно большими (не говоря уже о социальной роли самих демидовских предприятий, которые давали работу десяткам тысяч людей). Они составляли около 5% общей прибыли и примерно 14% от выплат владельцам.

К пассиву баланса за 1914 г. был отнесён основной капитал (21 000 000 руб.), оборотный, запасный и капитал погашения имущества (3 420 000 руб.), кредиторская задолженность (22 909 000 руб.), оборотные суммы (3 929 966 руб.), прибыль (1 517 000 руб.) и переходные суммы (195 158 руб.)⁶⁰. Здесь, прежде всего, поражает огромная задолженность демидовских предприятий. Структура этой задолженности была неоднородна. Долг Платино-промышленной компании определялся в 3 386 000 руб. В отчёте указывалось, что «этому долгу в активе соответствует платина, находящаяся в стоке у компании, что даст 2 378 000 руб.; остальная сумма считается обеспеченной имуществом». Задолженность по специальным текущим счетам составляла 663 000 руб., а по залогу платины, металлов и материалов — 2 557 000 руб. Таким образом, всего к этой категории долгов относилось 6 606 000 руб. Как хорошо видно, Главное правление демидовских предприятий широко прибегало к залогам продукции и материалов для получения текущих инвестиций. К другой категории относились ипотечные долги по залогу заводов в Нижегородско-Самарском земельном банке (7 830 000 руб.), долги по казённым ссудам (985 000 руб.), векселя Государственного и других банков (1 507 000 руб.), авансы по продаже заводских продуктов (1 953 000 руб.), по займу у Софьи Илларионовны Демидовой (637 000 руб.), долг Нижегородско-Самарскому земельному банку (351 000 руб.), поставщикам на заводах (431 000 руб.) и долги разным лицам (952 000 руб.), а также по остальным счетам кредиторов (1 657 000 руб.). Таким образом, эта часть задолженности составляла 16 303 000 руб. В отчёте подчёркивалось, что «сопоставление этой категории долгов с одним лишь имуществом на 32 575 000 руб. даёт превышение его на 16 277 000 руб.»⁶¹. Задолженность демидовского хозяйства к 1914 г. в исследованиях

⁶⁰ Там же. Л. 6 об., 16.

⁶¹ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 9. Ед. хр. 833. Л. 7–7об.

рассматривается, как яркий показатель неэффективности хозяйствования последних владельцев и их представителей, как определяющий признак упадка хозяйства и его скорого краха. В то же время, даже принимая во внимание рост задолженности демидовского хозяйства в 1900–1914 гг. почти в 3 раза, ситуация не была настолько безвыходной. Неслучайно, что именно в эти годы усиливается интерес банковского капитала к демидовским владениям на Урале. Инвестиции в производство, несмотря на огромную задолженность, очевидно, оставались привлекательными.

Решение об акционировании демидовских предприятий всё-таки было принято уже в условиях военного времени, как уже было указано выше. В декабре 1916 г. Главное правление заключило с Русским для внешней торговли банком соглашение о продаже Нижне-Тагильского и Луньевского округов «Акционерному обществу Нижне-Тагильских и Луньевских горных и механических заводов наследников П. П. Демидова князя Сан-Донато». В марте 1917 г. общее собрание акционеров определило условия покупки округа у прежних владельцев. Общая сумма покупки определялась в 17 037 тыс. руб. Нижне-Тагильский округ был оценён в 10 млн руб., Луньевский — в 4 300 тыс. руб. Остальная сумма относилась за счёт других земель. Прежним владельцам — Е. П. и А. П. Демидовым, князю М. П. Абамелек-Лазареву, Е. П. Павловой, наследникам графини А. П. Нечера — уплачивалось акциями по номинальной цене 7 741 тыс. руб. Остальная сумма, около 10 млн руб., переводилась на новое акционерное общество как долг Нижегородско-Самарскому банку. Председателем правления был избран А. Н. Ратьков-Рожнов, членами — Е. П. Демидов, Н. В. Раевский, В. Д. Соболев, Н. С. Толмачёв, А. Н. Шаров. Интересно, что двое — Э. П. Демидов и Н. С. Толмачёв — принадлежали к числу прежних владельцев округа. По мнению М. П. Вяткина, данное преобразование паевого товарищества в акционерное общество сохраняло связь Нижне-Тагильского округа с высшей бюрократией, но представители старой аристократии были оттеснены на задний план и в правлении округом увеличился удельный вес финансовых кругов⁶². Л. В. Сапоговская подчёркивает, что держателем контрольного пакета акций стал Русский для внешней торговли банк, который в известном смысле по-родственному (А. П. Демидов был женат на С. К. Подменер, дочери одного из руководи-

⁶² Вяткин М. П. Горнозаводской Урал в 1900–1917 гг. С. 281–282.

лей банка), входил в дела демидовского округа⁶³. Нас в данном случае интересует тот факт, что владения Демидовых были приобретены явно по заниженной цене, и старая фамилия утратила своё прежнее огромное состояние. С другой стороны прежние собственники оставались акционерами новой компании и сохраняли право на получение значительных дивидендов.

Анализ динамики благосостояния семьи Демидовых в период 1890–1914 гг. позволяет сделать несколько общих соображений. Следует пересмотреть традиционные для советской историографии представления о глубоком кризисе «полукрепостнической» уральской промышленности, экономическом упадке демидовского хозяйства и «паразитической» роли его владельцев. Промышленное производство уральских предприятий Демидовых к 1914 г. по сравнению с 1880-ми гг. выросло в 2–3 раза. Хотя и достаточно поздно, с 1909 г., началась широкомасштабная модернизация заводов. В 1892–1900 и 1909–1916 гг. предприятия приносили значительную прибыль (1,2–1,7 млн руб. в год). Основным источником доходов заключался в производимой промышленной продукции, а не в сырьевых ресурсах (лес, руда). Лично не занимаясь организацией производства, Демидовы в качестве собственников извлекали в этот период значительные прибыли. Их личные траты увеличились к 1914 г. по сравнению с периодом опеки конца 1880 — начала 1890-х гг. почти в 2 раза с 280 тыс. руб. до более, чем 500 тыс. руб., что позволяло им оставаться одной из богатейших семей России. Главной проблемой развития демидовского хозяйства оставалось его слабая диверсификация (отсутствие сельскохозяйственных имений, незначительность городской собственности и «бумажных» фондов). В то же время модернизация промышленного производства уральских округов Демидовых требовали огромных инвестиций, которых собственное хозяйство, учитывая значительные личные траты владельцев, дать не могло. Как следствие было принято решение, одобренное владельцами, о широкомасштабных заимствованиях в коммерческих и государственных банках, как под залог земли и заводов, так и в виде коммерческого кредита. Всё это привело к стремительному росту задолженности демидовских предприятий. Ограничивало действия владельцев также

⁶³ Сапоговская Л. В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX — начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 27.

и то обстоятельство, что подавляющая часть их владений находилась в посессионном, а не частном праве. В то же время проведённое уже в начале 1917 г. акционирование демидовских предприятий, безусловно, было проведено с большим экономическим ущербом для владельцев. Они утратили и права собственности и большую часть будущих доходов. Однако оставшись акционерами новой компании и сохранив значительные личные капиталы (наследство Нечаева-Мальцева) Демидовы по-прежнему могли рассчитывать на поддержание высокого уровня благосостояния, хотя и не такого как в период 1890–1914 гг.

О. Кононова

«ПОЛИЦЕЙСКИЙ СОЦИАЛИЗМ» КАК ПРОГРАММА АДМИНИСТРАТИВНЫХ МЕР В БОРЬБЕ С РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ В РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

Традиционно под формулировкой «полицейский социализм» принято понимать систему действий, направленную на подавление рабочего движения с помощью комплекса полицейских мер, с одной стороны, и удовлетворения мелких «экономических» требований, с другой. Как правило, ассоциируют это понятие, прежде всего, с деятельностью начальника Московского охранного отделения, а с 1902 по 1903 г. начальника Особого отдела Департамента Полиции С. В. Зубатова и его проектом по созданию подконтрольных охранительным органам рабочих союзов.

При изучении сохранившихся материалов министерства внутренних дел, становится очевидным, что Зубатов не был оригинален в своих идеях. Хотя именно он попытался на практике абсолютизировать полицейский принцип, что можно сравнить, пожалуй, только лишь с полицейской утопией назначенного в 1905 г. начальником Петербургского охранного отделения А. В. Герасимова (по его представлениям, гигантская разветвленная агентурная сеть, охватывающая все сферы жизнедеятельности оппозиционных сил любого толка, практически сросшаяся с оппозицией, есть гарантия сохранности государственного строя). Зубатов перешел от слов к делу и даже нашел соратника в лице бывшего народовольца Л. А. Тихомирова, который сумел подвести теоретическую базу под действия полиции. Но, на самом деле, из-

начальная программа главы московского охранного отделения, подготовленная им в 1898 году, стоит в одном ряду с целым рядом очень схожих по своей сути документов-предложений, авторство которых принадлежит лицам, также, как и Зубатов, подчиненным Министерству внутренних дел. Они были вынуждены на местах решать актуальные практические задачи, связанные с проявлением недовольства со стороны рабочих, оставаясь при этом в рамках верноподданничества. Плеве В. К. в разговоре с общественным деятелем А. В. Погожевым¹ так ставил вопрос: какие нужды трудящегося населения «возможно было бы устранить при сохранении существующего самодержавного строя»². Собственно, этот тезис и обнаруживает себя в основе документов, о которых пойдет речь.

Юридическим основанием для «полицейского социализма» послужил циркуляр министерства внутренних дел от 12 августа 1897 г. «О борьбе со сходками и стачками», второй пункт которого предписывал полиции «установить самое строгое наблюдение за фабриками, заводами, мастерскими и местами расселения рабочих и своевременно доносить о проявлении тревожного настроения в рабочей среде, выясняя причины волнений и устраняя, по возможности, поводы к неудовольствию в тех случаях, когда рабочие имеют основание жаловаться на притеснения или несправедливость фабрикантов и фабричной администрации»³. В этом же циркуляре указывается и на опасность, исходящую со стороны «интеллигентов», членов «преступных сообществ», использующих для агитации рабочих «поводы к неудовольствию». Как решение проблемы предлагается модель, совмещающая в себе попечение (что ясно из приведенного п. 2) и надзор (подавление любого проявления недовольства, арест, высылка на родину либо в «отдаленные губернии»). Вот что сообщает по этому поводу сам Зубатов: «Целесообразность карательной части циркуляра министра внутренних дел от 12 августа (§§ 4 и 8) была московской администрацией

¹ А. В. Погожев (1853–1913) — врач, общественный деятель, издатель журнала «Промышленность и здоровье. (Вестник профессиональной гигиены и фабричного законодательства)».

² Погожев А. В. Из воспоминаний о В. К. фон-Плеве // Вестник Европы. № 7. СПб, 1911 г. С. 260.

³ Цит. по: Озеров И. Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. М., 1906. С. 31.

скоро заподозрена, и все внимание было обращено на §§ 2 и 5 того же циркуляра...»⁴.

При отсутствии независимой законодательной власти «ручное» (циркулярное) управление имело большое значение. А соперничество между министерствами фактически определяло политику в стране. Речь идет, прежде всего, о министерствах финансов и внутренних дел, решающих вопросы, от которых зависела жизнеспособность империи. Но, несмотря на кажущиеся принципиальные противоречия, при ближайшем рассмотрении оба этих ведомства стояли на единой позиции агрессивного государственного вмешательства в экономическую и социальную жизнь страны ради сохранения государственной системы. В секретном циркуляре о мерах борьбы со стачками от 5 декабря 1895 г., разосланном фабричным инспекторам, министр финансов выражает уверенность в том, что в России «преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и рабочим», который проявляется «в заботливости фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечении и сохранении лада и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях». И далее: «В основе таких отношений лежит закон нравственный и христианские чувства». В такой ситуации, по мнению министра финансов, даже не надо «прибегать к применению писаного закона и принуждения»⁵. Действующего на тот момент министра финансов Витте С. Ю. трудно обвинить в отсутствии здравомыслия, но его личная логика и инициатива не могли себе позволить не подчиняться логике и границам дозволенности царского чиновника. Отметим и тот факт, что недоброжелатели «справа» именовали деятельность министра финансов «государственным социализмом»⁶. Таким образом, соперничество между министрами имело не столько качественный характер, сколько сводилось к «переделу» сфер влияния при дворе. И это в полной мере отражалось на рабочем вопросе.

Как справедливо заметил П. Б. Струве по поводу возникшей в 1902 г. инициативы министерства финансов пересмотреть законодательно отношение к стачкам, «не классовые интересы фабри-

⁴ Зубатовщина. // Былое. № 4 (26). 1917. С. 160.

⁵ Там же. С. 24–25.

⁶ Берар Е. Империя и город: Николай II, «Мир искусства» и городская дума в Санкт-Петербурге. 1894–1914. М., 2016. С. 26.

кантов, а интересы управления в лице фабричной инспекции, поставленной лицом к лицу с растущим и усложняющимся рабочим движением, вынудили подумать об отмене наказания за стачки»⁷. Но это произошло позже. В 1880–1890-е гг. речи об этом не шло. И, несмотря на личный энтузиазм и благие намерения отдельных инспекторов, действия фабричной инспекции как органа в целом очень скоро после учреждения (в 1882 г.) начинают приобретать полицейские черты. (Точно также, как министерство народного просвещения в борьбе со студенческими волнениями превратилось в «филиал отделения департамента полиции»⁸). На неоднозначность, «двойственность» своего положения не раз указывали сами инспектора⁹. В чем заключались их прямые обязанности? В охранении порядка или в содействии рабочим в решении договорных отношений с хозяином? Надзор и попечение — основа, на которой выстраивалась царская политика, сводила действия разных структур к одному «общему знаменателю». Правительство, прежде всего, было озабочено «поддержанием дисциплины и авторитета фабриканта»¹⁰, т. е. соблюдением иерархии. На заседании Государственного Совета в 1886 г. было отмечено, что, созданная в 1882 г инспекция, «хотя и состоит в ведомстве Министерства финансов, но исполняет чисто полицейские обязанности...» и представляет из себя «готовый уже кадр специально фабричной полиции»¹¹.

Данные уточнения необходимы для понимания природы зарождения программ попечительной политики в отношении рабочих, обусловленных не столько талантливым администрированием тех или иных чиновников, сколько идейными основаниями

⁷ Материалы по рабочему вопросу. Вып. 1. Русский закон и рабочий. Штутгарт, 1902.

⁸ Струве П. Б. Обозрение русской жизни // Освобождение. № 2. Штутгарт, 1902.

⁹ Володин А. Ю. История фабричной инспекции в России 1882–1914 гг. М., 2009. С. 37–38. Закон от 3 июня 1886 г. «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих» ставил инспекцию в зависимое от губернских властей положение. Надзор за соблюдением порядка на производствах возлагался на губернские по фабричным делам присутствия, в состав которых входили губернатор, прокурор, начальник жандармского управления, фабричный инспектор и фабриканты. См.: Вовчик А. Ф. О создании фабричной инспекции в России // Ученые записки Львовского государственного университета им. Ивана Франко. Т. XXVII. Юридическая серия. Вып. 2. Львов, 1954.

¹⁰ Балицкий Г. В. Фабричное законодательство в России. М., 1906. С. 73.

¹¹ Отчет по Государственному Совету за 1886 г. СПб, 1888. С. 461–462.

российской монархии и границами допустимого/недопустимого в деятельности ее представителей.

Итак, говоря о проектах решения рабочего вопроса административными методами, мы можем выделить принцип, обозначенный (и, тем самым, узаконенный) в циркуляре МВД от 12 августа 1897 года. Прежде всего, это разделение программы действий на два плана. Первый — рассматривающий меры охранительные, репрессивные, усиливающие контроль над фабричными округами, которые доходят порой до предложения прямого применения физической силы. И второй — устранение (и здесь каждый автор имел какое-то свое видение данного процесса) причин для недовольства рабочих. При этом под «устранением причин» понималось, прежде всего, то, что теоретически было возможно устранить, не выходя за рамки допустимого, при самодержавном строе и политике протекционизма, проводимой министерством финансов, а не то, что устранению действительно подлежало.

Весной 1898 г. Зубатов пишет докладную записку московскому обер-полицеймейстеру Д. Ф. Трепову, в которой найдет большое сочувствие и поддержку, а тот, в свою очередь, внося некоторые коррективы, за своей подписью отправляет ее генерал-губернатору Москвы вел. кн. Сергею Александровичу. В историографии именно эта записка считается программным документом «полицейского социализма». В Записке указана потенциальная и очень близкая угроза государственному строю, а именно, социал-демократия и массовое рабочее движение, а также сформулированы основные принципы стратегии и тактики по защите монархии¹². По мнению Зубатова, «русские революционеры, следуя примеру немецкой социал-демократии, занялись непрерывной агитацией среди рабочих, «на почве *мелких нужд и требований*»¹³. Стоит сразу отметить общее для всех документов «полицейского социализма» умышленное понижение остроты существующих на промышленных предприятиях проблем (ставится акцент на несущественность требований). «Причина успеха бастующих кроется в отсутствии предусмотрительности со стороны надлежащих чинов и ве-

¹² Записка принадлежит перу Зубатова. Он подал ее на имя обер-полицеймейстера Москвы Д. Ф. Трепова, который, внося свои коррективы и за своей подписью, отправил ее на рассмотрение генерал-губернатору вел. кн. Сергею Александровичу. Первоначальная рукопись Зубатова пока не обнаружена, а вариант, исправленный Треповым, хорошо известен и хранится в ГАРФ.

¹³ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 18. 1898 г. Д. 25 (2). Л. 76.

домств...», а именно — «непечительности», в связи с чем правительству приходится идти на «уступки» рабочим, что, в свою очередь, «пагубно», т. к. (и здесь Зубатов дает абсолютно социал-демократические формулировки) «успех в борьбе приносит с собой рабочему веру в свои силы и научает его практическим приемам борьбы; подготавливает и выдвигает из толпы способных инициаторов; убеждает рабочего на практике в возможности и полезности объединения и вообще коллективных действий, ... на почве местной борьбы развивается сознание солидарности своих интересов с интересами других рабочих...»¹⁴. Первое необходимое условие для противостояния нарастанию рабочего движения — это «усовершенствование деятельности соответственных органов». Зубатов очень часто использует слово «законность». Что он под этим подразумевает? Расколоть идеологически толпу, пообещав «законный исход», т. е. решение сверху.

Признавая тот факт, что «работодатель часто не может примириться с мыслью о равноправии договаривающихся сторон», Зубатов предупреждает о политическом вреде такой ситуации. И у рабочего должна существовать возможность подать ходатайство и надеяться на его рассмотрение. *Но тут же напоминает, что «отношения между нанимателями и рабочими ... никоим образом не могут избежать и строгого полицейского надзора».* Таким образом, мы видим, что основной принцип «полицейского социализма» сводится даже не к тому, чтобы выполнить утилитарную задачу — обезвредить влияние революционеров, а и в значительной мере к готовности принять на себя ответственность за ту или иную сферу жизни общества, к которой непосредственно полиция не должна иметь отношения при наличии осознанного поведения индивидов. Выполнить политическую и морально-этическую миссию по урегулированию тех или иных отношений, то, что Николай I, символически изобразил в виде белого платка, поданного начальнику сформированного III Отделения А. Х. Бенкендорфу, в известной полублегарной истории¹⁵.

Записка Зубатова датирована апрелем 1898 г. Но месяцем ранее, в марте, помощник шефа жандармов генерал А. И. Пантелеев

¹⁴ ГАРФ. Ф. 63. Оп. 18. 1898 г. Д. 25 (2). Л. 77.

¹⁵ «В то самое время, — как гласит предание, — камердинер Его Величества подносил белый носовой платок, Государь, взяв платок, передал его Бенкендорфу, высочайше выразив: «Вот твоя инструкция, чем более утрешь им слез несчастных, тем лучше исполнишь свое назначение»» (ГАРФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 14. Л. 2).

по итогам поездки по Владимирской, Ярославской и Костромской губерний составляет докладную записку, в которой не ограничивается перечислением фактов, а предлагает программу действий для предупреждения массовых волнений на заводах и фабриках. Также, как и Зубатов, Пантелеев видит опасность в увлечении рабочих революционными идеями, которые быстро распространяются из-за *реально существующей несправедливости со стороны хозяев предприятий*: «В эксплуатации рабочих фабрикантами, когда последние, получая громадную прибыль, мало оплачивают рабочий труд и притом, за редким исключением, ничего не делают для улучшения быта рабочих и их семейств, кроется, главным образом, причина волнений и забастовок, повторяющихся все чаще и чаще»¹⁶.

Пантелеев предлагает решать проблему, действуя в двух направлениях. *Во-первых*, принципиально улучшить условия труда и быт рабочих (увеличение зарплаты, содержание в должном санитарном порядке фабричных корпусов, содержание в чистоте казарменных помещений, исправная работа больниц и роддомов, открытие торговых лавочек, бань, пенсионных касс и др.). Кроме этого, по мнению Пантелеева, необходимо повышать культурный уровень рабочего (устройство фабричных школ, открытие столовых и чайных, читален и т. п.). *И, во-вторых*, жестко подавлять любые беспорядки и волнения. Для этого автор записки предлагает учредить специальную вооруженную фабричную полицию, которая «могла бы не только предупреждать вторжение на фабрики зловредного элемента и следить за духом и настроением рабочих, но авторитетом своим успокаивать последних, давая им надлежащее разъяснение и указание, а также *подавлять в случае надобности и вооруженной силой волнения и беспорядки между рабочими при самом их возникновении*»¹⁷. Кроме фабричной полиции, предполагалось также наличие жандармского пункта в каждом фабричном центре.

Этот документ представляет собой яркий пример попечительной тактики, и хронологически он является первым, формулирующим принцип «полицейского социализма». Записка Пантелеева не имела далеко идущих последствий. Она вызвала резко негативную реакцию со стороны Министерства финансов. В ответ

¹⁶ РГИА. Ф. 878. 1898–1905 гг. Оп. 1. Д. 36. Л. 81.

¹⁷ Там же. Л. 87.

на записку Пантелеева министр финансов С. Ю. Витте, в частности, заявил, что, «идя ... по пути *социалистических* доктрин, правительство наше может превратить живые промышленные заведения в насильственно созданные, за счет имущих классов, мертвые богадельные учреждения ...»¹⁸. Любопытно отметить, что за, казалось бы, справедливыми словами министра финансов о том, что компетенция полиции не должна распространяться на «внутреннее содержание, бытовой склад, нравственные стороны, экономические отношения», на которые влияют «глубокие и сложные факторы», и о бессмысленности попыток «привить населению любовь к просвещению, или укрепить в нем нравственные чувства через посредство полиции, через воздействие ее на семью и общество», за всем этим кроется другая, менее высокопарная мысль. И, даже не кроется, а со всей ясностью формулируется: «Созидательная, бытоустроительная работа, органические реформы в жизни совершаются иными способами, иными учреждениями и органами, *хотя бы они и носили некоторые черты полицейского характера* в широком значении этого слова»¹⁹. Говоря о непригодности полицейских методов для воспитания нравственности и просвещения народа, глава ведомства подразумевал не сами методы, а структуры, подчиненные МВД, которые, по его опасениям, могли сузить сферу полномочий ведомства финансового.

Пантелеев не имел таких влиятельных покровителей, которые были в Москве у Зубатова (Трепов и вел. кн. Сергей Александрович), и сделанные им выводы нашли свое отражение лишь на бумаге. Особое Совецание под председательством Победоносцева постановило, что Записка «излагает ряд беглых и субъективных впечатлений, не во всем обоснованных на положительных данных» и что «... едва ли можно признать произвольное заключение, что фабрично-заводские рабочие находятся в столь бедственном положении, что требуется немедленное принятие чрезвычайных мер...»²⁰.

Кроме Пантелеева и Зубатова, об особой опеке над рабочими также писали граф П. П. Шувалов (градоначальник Одессы) в 1899 г., несколькими годами позже, в 1901 г., обширнейший документ подготовил министр внутренних дел Д. С. Сипягин,

¹⁸ Там же. Л. 47.

¹⁹ Там же. Л. 26 об. — 27.

²⁰ РГИА. Ф. 878, 1898–1905 гг. Оп. 1. Д. 36. Л. 195.

в этом же году в докладной Записке высказал свои соображения по данному вопросу шеф жандармов князь П. Д. Святополк-Мирский.

Одесский градоначальник так же, как и предшественники, начинает свою «программу» с попытки объяснить механизм воздействия революционной агитации на рабочих. Он указывает на осведомленность революционеров относительно «духовных и материальных нужд» рабочего и говорит о необходимости отнять «почву у агитатора», а не просто ликвидировать, изымая его из рабочей среды. Пожалуй, он наиболее близок в этой части своих взглядов к Зубатову, Шувалов полагает, что радикальное «удаление» агитаторов даже вредно, т. к. может спровоцировать усиление недовольства и видел решение в удовлетворении культурных запросов — в возможности получения образования, создании доступных школ, сокращении рабочего дня для высвобождения времени на образование и т. д. Но полицейская сторона дела и тут не была оставлена без внимания. Например, книги должны быть исключительно соответствующие благонамеренным целям, те, которые могут «открыть более широкие горизонт рабочему, нежели запрещенная литература»²¹.

В 1899 г. Государственный совет поставил перед министром внутренних дел Сипягиным вопрос о соответствии полицейского надзора на фабриках сложившейся ситуации. Сипягин исследовал особенности поставки полицейского надзора за рабочими. (Записка важна еще и тем, что раскрывает действительное положение дел не только на промышленных предприятиях, но и в надзорных органах). Наравне с выявленными недостатками в работе полиции (это и низкий заработок, и неполноценность культурного развития низших чинов полиции, и их тесная, даже родственная, связь с рабочими) его внимание уделено фабричной жизни в целом. Сипягин, пожалуй, как никто другой, подробно, буквально по пунктам расписал «социал-полицейскую» программу, где стоят рядом такие мероприятия, как: уравнивание рабочего времени для однотипных предприятий, для них же — фиксированный заработок, усиление уголовной ответственности фабрикантов, обеспечение доступа к обучению для детей рабочих за счет фабрик, сокращение рабочего дня, строгое следование санитарным нормам (он

²¹ См.: *Озеров И. Х.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. С. 133–134.

предполагал следить даже за состоянием частных съемных жилищ, в которых обитают рабочие). Все это Сипягин называет «благожелательной опекой». Для достижения результата он предлагает провести реформирование полиции с целью усиления силового преследования стачечников, организации арестных помещений на промышленных предприятиях. Понимание закона и законности (Сипягин употребляет эти термины в связи с развитием фабричного законодательства, которое он поддерживал) схоже с пониманием Зубатова. Законность — «твердо взять все в свои руки». Нельзя бросать рабочих на произвол «слепой экономической игры» и необходимо «дать им в полной мере почувствовать твердую, но вполне беспристрастную и справедливую опеку»²².

В 1901 же году расследование петербургских стачек было возложено на помощника шефа жандармов кн. Святополк-Мирского. Главную причину, как и все, он видит в агитации и, как и все, признает наличие объективных причин, способствующих успехам революционеров: «... я не могу не отметить, что в самой жизни рабочих есть немало условий, облегчающих пропагандистам их разрушительную деятельность». Рассуждая о «просветительских учреждениях», он отмечает очень важную вещь, проговаривает то, что другие или не замечали, или не хотели замечать: «Из добродушного русского парня выработался своеобразный тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом порицать религию и семью, пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней»²³. Получается, дело не только в «мелких нуждах и требованиях», но и в каких-то ментальных изменениях. Святополк-Мирский предлагает создать для рабочих «правильно организованные библиотеки», издавать специальную газету — поставить под контроль получаемую рабочими информацию, т. к. интерес к чтению «развился у мастеровых не пропорционально тому печатному материалу, который находится в их распоряжении». При этом он так же, как и Зубатов, и Пантелеев, говорит о необходимости обращать внимание на «просьбы и заявления» мастеровых, принимать живое участие в их проблемах.

²² Цит. по: *Озеров И. Х.* Политика по рабочему вопросу в России за последние годы. С. 138.

²³ Цит. по: *Балабанов М. С.* Очерки по истории рабочего класса в России. Ч. 3. М., 1926. С. 491.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно министерство внутренних дел, в связи с выполнением своей главной задачи — охранением государственного порядка, было более озабочено решением насущных проблем рабочих, нежели финансовое ведомство. Еще в 1886 г. помощник начальника Московского губернского жандармского управления в Богородском и Дмитровском уездах ротмистр И. П. Васильев старался привлечь внимание своего начальника Н. А. Середы к фабричным проблемам, источником которых он видел ни много ни мало, а «паука-хозяина»: «Имея возможность близко наблюдать жизнь фабричного рабочего, я мало нахожу разницы в его положении и положении бывшего крепостного: те же лишения, та же нужда, то же угнетение прав человека, то же презрение к его духовным потребностям; в одном случае человек был вьючным животным, в другом — он бессмысленная машина, мало чем отличающаяся от станка, у которого работает; прежде личность оскорблялась во имя права сильного и протест был немислим во имя того же права, теперь личность оскорбляется тоже во имя права сильного, потому что богатого, и протест немислим в виду перспективы потерять место и умереть с голоду...»²⁴. Примечательно, что Васильев вообще ни в чем не винит рабочих. И его заботят не только их материальные потребности, но и духовные. И вот тут, по его мнению, «были бы вполне уместны и некоторые репрессивные меры». Но не в отношении рабочих, а в отношении фабрикантов. «Ученье — свет, а неученье — тьма, говорит народная мудрость, а развитой работник в часы досуга, конечно, предпочтет театр кабаку, а библиотеку — орлянке», — подытоживает свой доклад помощник начальника Московского ГЖУ²⁵.

В основе «полицейского социализма» лежат, как уже отмечалось выше, попытки решить утилитарные задачи, которые капиталистическая реальность ставила перед царскими чиновниками. Любопытно отметить, что к 1847 г. чиновничий аппарат Российской Империи увеличился в 4 раза по сравнению с концом XVIII в. и составил 61 548 человек. А к концу XIX в. его численность еще резко возросла. Причем важно то, что половину от всех чиновни-

²⁴ Рабочее движение в России в XIX веке: сборник документов и материалов / Под ред. А. М. Панкратовой. Т. 3: 1885–1894. Ч. 1: 1885–1889. М., 1952. С. 722.

²⁵ Там же. С. 735.

ков составляли служащие МВД и Министерства юстиции²⁶. Эти данные по динамике аппарата служат наглядным свидетельством того, в каком направлении был устремлен политический вектор. Из доклада уже упомянутого Сипягина мы узнаем, что агентов, внедренных в рабочую среду, было такое количество (от жандармских управлений, от полиции, нанятые лично хозяином за свой счет, «расторопные городовые»), что бывали случаи, когда один агент задерживал другого.

Безусловно, существовал и теоретический контекст, в рамки которого «полицейский социализм» оказался органично вписан, но, конечно, у нас нет никаких оснований утверждать, что чины МВД изучали какие-либо тексты социально-политической или экономической направленности, имевшие хождение в то время. (В данном случае Зубатов представляет собой исключение). Скорее всего, как зачастую это случается, это были «идеи..., которые носятся в воздухе»²⁷. И здесь, во-первых, речь идет об утопическом представлении о надклассовости монархии, а, во-вторых, о принципах устройства полицейского государства. Зачастую идеи полицейстов кажутся схожими с либеральными. Например, понимание государства, как союза людей. Но — принуждение является основой такого союза и предполагаемого блага. Как писал в XVII в. российский философ хорватского происхождения Крижанич Ю.: «... уряд кралев есть людство чинить блаженно»²⁸. Он высказывал мнение, что забота власти должна распространяться даже на спасение душ своих подданных. Если обратиться к российской практике, то мы увидим, что в этом направлении она и двигалась. Вплоть до нач. XX в.

Обращаясь в данном контексте к восприятию экономических процессов, можно вспомнить дьяка посольского приказа И. Посошкова (XVII в.) и его труд «О скудости и богатстве», в котором утверждалось, что «благосостояние народа» возможно при строгой внутренней регламентации экономических отношений²⁹. И мы видим, что Сипягин говорит, практически, о том же самом. Но необходимо видеть большой разрыв между теорией и прак-

²⁶ Данные по: *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

²⁷ Слова принадлежат Ф. М. Достоевскому

²⁸ *Вальденберг В. Е.* Государственные идеи Крижанича. СПб., 1912.

²⁹ *Кизеветтер А. А.* Предисловие // *Посошков И.* О скудости и богатстве. М., 1911. С. 4.

тикой, желаемым и властным государственным действительным. Так, если, например, теоретик права камералист Йосеф Зонненфельс, говоря о балансе экономического положения в обществе, а именно о том, что нельзя допускать выдвижения какой — либо одной «корпорации», преследует те самые цели «союза людей и общих целей», т. е. целостности общества³⁰, то аппарат самодержавной России образца 19 в. был вынужден, как уже говорилось, решать утилитарную задачу по сохранению самого себя. И вероятность наличия в головах царских чиновников высоких идеалов мы можем только предполагать. Ну и конечно, стоит обратить внимание на значительный временной разрыв — авторов приведенных цитат и Россию, о которой мы говорим, разделяют 100–200 лет.

В случае с Зубатовым мы также можем проследить прямое влияние идей катедер-социализма. В юности на него оказал сильное влияние публицист, редактор «Русской мысли», «рыцарь конституционной идеи» В. А. Гольцев. «Явился ко мне г. Зубатов и произвел приятное впечатление. Он брал книги, возвращал их, получал другие. Иногда он оставался на короткое время и высказывал печальные мысли о современном положении вещей. Я утешал его ...»³¹, — так описывает сам Гольцев их общение. Какие же книги изучала будущая легенда политического сыска? Речь идет о Лоренце фон Штейне, родоначальнике понятия «социальное государство», и катедер-социалисте Адольфе Вагнере, стороннике государственно-христианской версии социалистического учения. Оба автора отстаивали позицию взаимозависимости всех членов общества, всех его социальных страт. Из чего следовало, что насильственные методы не применимы для развития, т. к. насилие над одним повлечет неизбежный ущерб для другого. Государство, и только оно, должно осуществлять экономический и общественный прогресс. В таком случае оно будет именоваться социальным. Вагнер писал о том, что рабочий класс должен быть полностью интегрирован в государство. Зубатов, как мы знаем, по-своему воспримет эти идеи, учитывая российскую действительность.

Гольцев прямо называл себя учеником Лоренца фон Штейна. Кроме этого, как утверждает биограф Гольцева, «не менее отвечали настроениям В. А. (Гольцева — О. К.) и социально-право-

³⁰ См.: Зонненфельс И. Начальные основания полиции или благочиния. М., 1787.

³¹ Гольцев В. А. Первый арест. Знакомство с Зубатовым // Русская мысль. 1906. № 11. С. 116.

вые воззрения Вагнера, с тенденциями государственного социализма»³². Очевидно, что Виктор Александрович и познакомил юношу Зубатова с идеей надклассовой роли государства. Будущее сотрудничество начальника Московского охранного отделения с Л. А. Тихомировым, который попытался «перереформировать» эту теорию под русское самодержавие, лишний раз указывает на близость Зубатову этой концепции.

Говоря о духе социалистических идей, будет уместно привести слова Кропоткина из его книги «Речи бунтовщика», в которой он рассуждает в т. ч. и о популярности социалистических идей в Европе. Но не самого социализма. Кропоткин разоблачает буржуазный социализм, т. е. социализм как политический ход, а не принцип (как в свое время поступили с республиканской идеей): «Все, вплоть до носителей клобука и рясы, заняты этим»³³. И если в Европе буржуазное общество откликалось таким образом на социальные вопросы, выдвинутые временем. То и в России, в соответствии с ее политической монархическо-полицейской действительностью, социалистические идеи преломлялись и приобретали такой искаженный вид и смысл.

Само словосочетание «полицейский социализм» стало популярным, вероятнее всего, благодаря работе М. Г. Лунца (Григорьевского) «Полицейский социализм в России (Зубатовщина)», опубликованной в 1906 г. (на страницах оппозиционной прессы, такой, как «Искра», «Революционная Россия», «Освобождение» и др. мы встречаемся исключительно с презрительным наименованием «зубатовщина»³⁴). Михаил Григорьевич Лунц, по образованию юрист, ученик профессора А. И. Чупрова, по своим общественно-политическим взглядам марксист, занимался исследованием фабричного законодательства. Какой же смысл он вкладывал в формулировку «полицейский социализм»? В статье «Фабричное законодательство в России», вышедшей также в 1906 г. в журнале «Образование», Лунц представляет «полицейский социализм» как некий рубеж, предел возможного полицейского воздействия на рабочих, «дальше этого некуда было идти». Очевидно, речь идет о монархических ресурсах. Раскрывая

³² Памяти В. А. Гольцева (статьи, воспоминания, письма). М., 1910. С. 9.

³³ Кропоткин П. А. Речи бунтовщика. М., 2009. С. 138.

³⁴ См.: «Искра» — 1900–1905 гг., «Революционная Россия» — 1901–1903 гг., «Освобождение» — 1902–1905 гг.

абсурдность используемых государством методов, Михаил Григорьевич поясняет и смысл используемого им термина, который стал синонимом «зубатовщины», хотя и вмещает в себя большее содержание, по замыслу Лунца: «Очевидно, что борьба во имя полицейских интересов с устройством крупных фабрик в столицах или городах равносильна борьбе с крупной промышленностью, являющейся неизбежным (*курсив автора — О. К.*) результатом капиталистического развития и потому обречена на полное бесплодие. Но полицейскому государству — «море по колено». Рабочие, скопленные в городах, бунтуют и представляют опасность для бюрократического правительства, следовательно, не надо допускать насаждения крупной промышленности в городских центрах, и тогда водворится мир и тишина на благо самовластной бюрократии. Как ни невероятно подобное практическое заключение, подобный шаг *полицейской социальной политики (курсив мой — О. К.)*, но он был сделан и не более не менее как в... 1905 году...»³⁵. Далее автор приводит конкретные примеры как со стороны действий и высказываний финансового ведомства, так и приоритеты, отраженные в фабричных законах, коротко сводившиеся к полицейско-охранительному знаменателю. Но нам, в данном случае, важно понимание Лунцем «социализма» как «социальной политики», которая, как показывает практика, и о чем мы уже говорили выше, может проводиться в интересах правящей элиты, а именно, ее стабильности и сохранения.

Таким образом, становится ясно, что термин «полицейский социализм» может быть применим ко всем означенным нами программам, и в данном случае «социализм» не должен пониматься в узком смысле этого слова (как учение об определенном общественном строе)³⁶, и даже не должен сводиться к обозначению действий Зубатова по организации т. н. «Обществ», возглавляемых «Советами», т. к., по сути, ключевое слово здесь не «Советы», а «контроль» или «охранение», как пишет Лунц, это были «*социальные*» полицейские методы.

В 1917 г. в журнале «Былое» была опубликована рукопись Зубатова, написанная им в 1913 г. в ответ на публикацию книги

³⁵ Лунц М. Г. Фабричное законодательство в России // Лунц М. Г. Сборник статей. (Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России). М., 1909. С. 50.

³⁶ См.: Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? М., 1991 г. С. 27.

А. Морского (В. И. фон Штейн) «Зубатовщина» (редакция «Былого» объясняет несвоевременную публикацию этой статьи за претом Департамента Полиции). Так или иначе, статья является попыткой автора оправдать провал собственных опытов «неприязню» со стороны министерства финансов и фабрикантов и представить свой проект чем-то вроде психологического сеанса, где ключевыми понятиями являются «доброжелательность» и «доверие», необходимые условия для успокоения масс. В этой связи Зубатов высказывает крайнее несогласие с применением к своей деятельности названия «полицейский социализм»:

«Собственно краеугольным камнем и особенностью «пресловутой зубатовщины» являлся моральный вопрос о доверии к рабочей массе, а не какая-либо экономическая система. Наименование ее «полицейским социализмом» лишено всякого смысла. С социализмом она боролась, защищая принципы частной собственности в экономической жизни страны, и экономической ее программой был прогрессирующий капитализм, осуществляющийся в формах все более культурных и демократических (почему-то кажущихся нашим российским капиталистам «антикапиталистическими»). Полицейские меры, как чисто внешние, опять-таки ее не занимали, ибо она искала такой почвы для решения вопроса, где бы все умиротворялось само собой, без внешнего принуждения»³⁷.

Трудно сказать, в какой степени в данном случае Зубатов лицемерит, рассуждая с такой наивностью. Благие намерения были присущи всем социал-полицейским «программам». (Остается, все же, вопрос — для кого благо? Как отмечает Лунц, «если бы законодатель заботился о благе рабочих, а не об ограждении правительства от рабочих, то как можно было бы примирить одновременно применение двух радикально противоположных мер — фабричного «покровительства» и репрессий!»³⁸). Следовательно, на наш взгляд, некорректно использовать тезис о желании улучшения быта фабрично-заводских рабочих для исторического оправдания «зубатовщины» и ее подобию. Методы, предлагаемые ими, не перестают от этого быть полицейскими. И здесь уже не столь принципиально, будет это организация библиотеки и параллельно

³⁷ Зубатов С. В. «Зубатовщина» // Былое. № 4 (26). 1917. С. 173.

³⁸ Лунц М. Г. Фабричное законодательство в России. С. 45–46.

отрядов фабричной полиции или Совета рабочих, подконтрольного охранному отделению и обер-полицмейстеру³⁹.

Драматические события 1905 года, к которым царское правительство оказалось совершенно не готово, позволяют нам предположить, что главным оппонентом «полицейскому государству» являлся сам человек и его интересы. То, что мы назвали бы сейчас «гражданским обществом», под которым Гегель понимал опосредованную трудом систему интересов, базирующихся на собственности и равенстве. (В контексте российской истории рубежа XIX–XX вв. собственностью рабочих был, прежде всего, их труд). Почва для освободительного движения готовилась внутри самого общества и проконтролировать этот процесс государство не могло. По сути дела, попытка такого контроля была утопией. Для того чтобы она работала, у индивида должны отсутствовать потребности и запросы. И, в первую очередь, духовные. Как точно заметил один из исследователей феномена полицейского государства А. В. Корнев, «по сути, это коммунистические идеи наизнанку»⁴⁰. Регламентация есть, а избытка или хотя бы решения проблем нет.

Дореформенный крепостной крестьянин не мог рассчитывать на собственные возможности, которых у него не было, все «социальные гарантии» полностью зависели от царя и помещика. Практика солидарности не была возможна именно в силу политических причин. После отмены крепостного права государство продолжает использовать старые схемы — ведь несмотря на важнейшие реформы, проведенные в 1860-х гг., форма правления не изменилась и являлась как бы сама по себе ценностью. Промышленные предприятия походили по своему устройству на помещичью вотчину. А жизнь бывшего крепостного, как и его сознание, что абсолютно правильно заметил Святополк-Мирский (см. выше), претерпели радикальные изменения.

Устойчивая вера во всеисильность государственной власти, способность чиновников держать под контролем настроения в обществе и сверху, «за народ», устанавливать принципы его жизнедеятельности, к сожалению, свойственны нашему менталите-

³⁹ Помимо строжайшего внешнего контроля, существовал и внутренний, который осуществлялся посредством работавших в Совете агентов. «Мы организовали «Рабочий Совет» из 17-ти чел, проведя туда всю агентуру», — сообщает Зубатов в письме директору Департамента полиции С. Э. Зволянскому (*Бухбиндер Н. А. Зубатовщина в Москве // Каторга и ссылка. № 1 (14). 1925. С. 111*).

⁴⁰ Корнев А. В. Полицейское государство: идеи и практика. М., 1998. С. 84.

ту до сих пор. И мнение о том, что причиной социального краха явился не недостаток самостоятельности, а, наоборот, недостаток надзора — не редкость. Приведу цитату из современной монографии, посвященной исследованию причин и событий первой русской революции: «Однако легальное «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга», создание которого началось весной 1903 г. при участии только что окончившего Санкт-Петербургскую духовную академию священника Г. А. Гапона, не только сохранилось, но и выросло. А когда Зубатов, возглавивший к тому времени Особый отдел Департамента полиции, оставил службу, это «Собрание», или, как называли зубатовские сообщества, легализация, оказалось почти без всякого властного призора. Последствия сказались 9 января 1905 г.»⁴¹.

И, также неправильно было бы полагать, что именно деятельность Зубатова, практика полицейского социализма привели к революции 1905 г. Попытка удержать живое движение между призором за соблюдением санитарных норм и «сомкнутым конным строем» изначально была обречена на провал. Закон о старостах, подготовленный Витте и принятый в 1903 г., попытался, как обычно, вместить в себя выборные начала (в самом минимальном и урезанном формате) и полицейские принципы контроля. Это был, пожалуй, последний принятый документ, предшествовавший 1905 г. Но и он, как и все, что делалось ранее, не мог остановить волну нараставшего гражданского самосознания и ответного государственной политике желания брать на себя ответственность уже не только за себя или свою корпорацию, но и за государство в целом.

Власти наивно верили в то, что столкновения на почве капиталистического производства есть что-то противоестественное. После проведенных в 1860-е гг. реформ, ситуация в стране требовала коренного пересмотра многих, прежде всего, этических норм, принятых в российском обществе. Формировавшаяся в течение нескольких сотен лет привычка воспринимать большую часть представителей населения как людей несамостоятельных теперь не соответствовала не только глобально историческому моменту, но низводила масштаб столь важного реформирования практически к нулю. Обесмысливала его. В такой ситуации вера в воз-

⁴¹ Павлов С. Б. Опыт первой русской революции: Россия. 1900–1907. М., 2008. С. 124–125.

возможность «охранить» патриархальный уклад на уровне государственной политики, могла сыграть только роковую роль. «В рабочих ... по-прежнему видели лишь одушевленный придаток машин и других средств производства, обреченный на полную зависимость от любых прихотей начальства»⁴², — в глазах власти имущих мужик продолжал оставаться мужиком и не становился гражданином. При любой непонятной ситуации государство хваталось за привычные репрессивные методы, не учитывая происходящие в обществе изменения. Важно отметить, что позицию власти как единого целого отдельные ее представители могли не то чтобы не разделять, но иметь критическое к ней отношение, и для нас такие свидетельства особенно ценны: «Нет, не отмена крепостной зависимости крестьян, сколь ни велико это дело, составляет главную грань между настоящим и прошлым. Падение крепостной зависимости духа — вот что их разделяет. Взгляды и понятия изменились. Сила тяготения к центральному солнцу власти уменьшилась. Каждый начинает смотреть на самого себя, как на самостоятельную единицу. Вполне ясного сознания еще нет; уменьшения и подготовки еще менее, но повеяло ветром, который со временем сметет противопоставляемые ему преграды. Вопрос в том, сметет ли он только дряблое и отжившее или усилится до бури, которая ломает и живое. Зависит от правильности наблюдений и взгляда в Зимнем дворце»⁴³. Эта запись в дневнике графа П. А. Валуева сделана еще в 1866 году.

⁴² *Полищук Н. С.* Обычаи и нравы рабочих России (конец XIX — начало XX в.) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 — февраль 1917 г. СПб., 1997. С. 124.

⁴³ *Дневник графа П. А. Валуева. 1847–1860, 1866–1884.* Саратов, 2015. С. 151.

М. А. Колеров

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ И ТЕКСТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ. Часть 1

1. [Е. Д. Кускова. Credo. 1899]¹
2. С. Булгаков. Немецкая наука о толковании Апокалипсиса Морозовым (1912)²
3. Н. А. Бердяев о «преодолении еврейства»: письмо И. С. Книжнику-Ветрову (1912)³
4. Петр Струве. Запад и большевизм (1919)⁴
5. Русские писатели, Новгородцев, Шпет и Иван Ильин в фокусе советского просвещения и цензуры в 1919 году

1. [Е. Д. Кускова. CREDO. 1899]

Существование цехового и мануфактурного периода на Западе положило резкий след на всю последующую историю, в особенности, на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций сделали буржуа-

¹ Печатается по изданию: Полный текст «Credo». Перепечатано из сборника «Vademecum» для редакции «Рабочего дела» (стр. 1–6) // В. Астров. «Экономисты»: предтечи меньшевиков («Экономизм» и рабочее движение в России на пороге XX века) / Под ред. и с предисл. М. Н. Покровского. М., 1924. Приложение 2.

² Впервые: Одесский Листок. №96. 22 декабря 1912. Одесса. Републикуется впервые по: РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 2028 (вырезка).

³ Публикуется впервые по рукописи: РНБ. АДП. Ф. 352. Ед. хр. 1780.

⁴ Публикуется впервые по авторской машинописи:

зию революционным элементом; она повсюду на Западе начинается с *liberté, égalité, trafernité*, с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу — рабочему классу. Почти повсюду на Западе рабочий класс не завоевал демократических учреждений: он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергают это мнение, так именно в 1848 г., когда произошло на Западе упрочение конституций, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, мещанскую демократию, фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии — Гауптман — ткачи Лиона) представлял из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Можно прямо сказать, что конституции 1848 г. были завоеваны буржуазией и мелким мещанством, артизанами. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и проч.) с средних веков еще привык участвовать в организациях — в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и пр. Этот организационный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно поддающегося организации и способного лишь к так называемому *lose organisation*, а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом, получилась следующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы с одной стороны, с другой — возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной его точкой явилась парламентская борьба с перспективой (только по внешности сходной с бланкизмом, по происхождению совершенно другого характера) захвата власти, с одной стороны, *Zusammenbruch*'а — с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и с страшным трудом, с огромным трением — экономическую. И до сих пор экономические организации по сравнению с полити-

ческими (не касаясь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду *lassent, á desirer dueldue chose*. Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана, — *Zusammenbruch* являлся необходимым организующим *Schlagwort*’ом, которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения — линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в Коммунистическом Манифесте, являлся как нельзя более удачной формой, в которую должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы — неорганизованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата — создали на Западе то, что носит теперь название бернштениады, кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от Коммунистического Манифеста до бернштениады трудно себе представить, и внимательное наблюдение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштениады — это мало интересно, речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партий. Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но главное, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество, ее узко-корпоративные, в большинстве случаев, сектантские задачи расширяются до задач общественных и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к со-

временному положению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия «политика» расширится до истинно общественного значения, и практические требования минуты получают больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор. Не трудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли на ней и сформировались, у нас — слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада — то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало. Стачное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже чисто с количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говорю о их полезности при настоящих условиях). Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующий Streikbrecher'ству и, следовательно, еще большую трудность подъема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... Что же тут делать русскому марксисту? Разговоры

о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксизм пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими не как орудием исследования, а как схемой деятельности — не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты более, чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально оппозиционной деятельности всех других не рабочих слоев общества. Малейшая попытка сосредоточивать внимание на общественных проявлениях либерально политического свойства вызывает протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает быть нам марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.-е. участием в той жизни, как бы она не была немарксистична, которую предлагает русская действительность. На сколько «отрицание» было уместно (временно) на Западе, на сколько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее от чего то организованного и имеющего фактическую силу — одно, а отрицание, исходящее из бесформенной массы разрозненных личностей — другое. Для русского марксиста исход один: участие т.-е. помощь экономической борьбы пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности. Как «отрицатель» русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов — это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не рука об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая невинность русского марксиста-интеллигента, скрытая за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку».

2. С. Булгаков. НЕМЕЦКАЯ НАУКА О ТОЛКОВАНИИ АПОКАЛИПСИСА МОРОЗОВЫМ (1912)

Когда известный шлиссельбуржец Морозов выпустил свою книгу об Апокалипсисе, где разъяснил его образы как прикровенное описание небесных явлений и авторство его приписал Иоанну Златоусту, широкая публика под давлением морального авторитета автора, а равно и вследствие своего невежества в вопросах религии, связанного с глубоким равнодушием к ним, в общем охотно поверила толкованию. Для людей же, сколько-нибудь прикосновенных к истории христианского канона, были совершенно ясны и вся беспримерная ненаучность метода астрономических аналогий существующим историческим свидетельствам о том, что Апокалипсис знали в более раннюю эпоху и, наконец, вся невероятность утверждения, что автором его мог быть Златоуст, в литературном отношении напоминающего такое, например, суждение: «Бедную Лизу» написал Пушкин или Толстой.

Все эти возражения, напрашивающиеся сами собою, и были сделаны в своё время в русской литературе и, притом, одинаково со стороны верующих и неверующих, но считающихся с научными методами.

Из среды первых укажу на обстоятельный очерк В. Ф. Эр-на «Филологизирующий астроном», помещённый в его книге «Борьба за Логос» (Москва. «Путь». 1911). Из среды вторых — на разбор, помещённый в своё время в московском журнале «Критическое Обозрение» и принадлежащий перу Н. М. Никольского (которого никто не заподозрит в религиозной тенденциозности), здесь же другим сотрудником дана была и астрономическая критика построений Морозова.

В сущности, этих разборов было достаточно, чтобы поколебать научный авторитет Морозовской апокалиптики, однако они остались гласом вопиющего в пустыне и оказались бесильны, и только всесильное время погрузило в Лету и подвергло своей уничтожающей критике даже и это популярное произведение. Однако в этом году оно увидело свет в немецкой литературе, которая обладает таким нескончаемым рядом учёных экзегетических трудов. Крестным отцом для него явился известный «мифологист» А. Дреус, который за последние годы затрачивает огромную энергию на печальную и, в сущности, безнадежную задачу — изобразить христианство как систему

мифов, преимущественно астральных, которым вовсе не соответствовали исторические события⁵.

Подходящее средство для своих целей сделавшийся неразборчивым Дреус увидал и в Морозовской книге, которую снабдил хвалебным предисловием. Но эта тенденциозная оценка, конечно, несколько не выражает действительного отношения к книге Морозова со стороны независимой науки. Один из таких голосов, притом из наиболее авторитетных, поднят проф. Буссе, давшим на страницах «Frankfurter Zeitung» (20.XI.1912) в полном смысле слова уничтожающий разбор книги Морозова. Нужно сказать, что Буссе есть в настоящее время один из первых специалистов по Апокалипсису. Его перу принадлежит обширный комментарий к нему с критико-историческим введением и целый ряд сочинений по религиозной истории и литературе, обширный труд по истории иудейства в новозаветную эпоху и т. д. При этом Буссе принадлежит к «левому» крылу протестантизма и не свободен от увлечений сравнительными параллелями, так что по своему общему направлению он смог бы быть настроен благоприятно книге.

И вот каков его отзыв: «астрономические вычисления Морозова, конечно, все верны, но мнимо соответствующие им факты, лежащие в основе истолкования, притянуты с неограниченным произволом. При ближайшем рассмотрении не остаётся камня на камне от искусного сооружения. Дайте мне любое состояние неба в любое время, и я перетолкую его в Апокалипсис по методу Морозова... Здесь дилетантская фантазия противостоит всему теперешнему научному познанию». «Это есть исключительно большая фантастическая *грёза*, нередко детская, относительно которой критик затрудняется сообразить, всерьёз ли говорит автор и имел ли он в виду написать серьёзную книгу, и поэтому постоянно подвергается искушению впасть в шарж». Буссе выражает пожелание, чтобы Морозов не осуществил дальнейшего плана подобным образом истолковать и другие памятники христианской письменности, иначе ему угрожает опасность попасть в смешное положение (Grotesk-Komischen).

⁵ Этому походу Дреуса я посвятил один из обзоров в «Русской Мысли» за 1911 год, а также статью «Христианство и мифология» (там же). [С. Булгаков. Религиозная мысль на Западе // Русская Мысль. 1911. Кн. VI; С. Булгаков. Христианство и мифология // Русская Мысль. 1911. Кн. VIII; а также: С. Булгаков. Кризис христианства в современном протестантизме // Русская Мысль. 1911. Кн. XI. — М. К.]

Так серьёзная наука, как и следовало ожидать, встречает прославленное у нас произведение г. Морозова. К сожалению, размеры газетной статьи не позволяют воспроизвести аргументы Буссе, но мы полагаем, что дать русскому читателю его критику полностью есть прямая задача наших духовных журналов.

Москва.

3. Н. А. БЕРДЯЕВ О «ПРЕОДОЛЕНИИ ЕВРЕЙСТВА»: ПИСЬМО И. С. КНИЖНИКУ-ВЕТРОВУ (1912)

Киев, Пушкинская, 10.

8 Марта [1912]

Дорогой Иван Сергеевич! Простите, что так долго не отвечал Вам. Эту зиму я провёл в Италии, во Флоренции и в Риме, и получил Ваше письмо с запозданием.

Потом начались для меня трудные дни, я был вызван из Рима в Киев в виду тяжёлой болезни матери и всяких семейных осложнений. Из Киева и пишу Вам. Письмо Ваше меня душевно порадовало. Я слышал уже о происшедшем с Вами перевороте и рад был получить этому подтверждение в Вашем письме.

Религиозное преодоление еврейства я считаю великим подвигом и делом необычайно трудным. Хотел бы, чтобы Вы прочли мою статью в февральской книжке «Русской Мысли» этого года «Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания»⁶. Там я рассматриваю еврейский вопрос с религиозной точки зрения. Я всё-таки думаю, что официальный переход в христианство не может привести в позорный стан гонителей еврейства, хотя понимаю трагическое положение таких людей, как Вы. Но святая Церковь стоит выше всякой мерзости мракобесия и реакции, выше злой воли духовенства и христиан. Но до Церкви можно прийти только внутренним религиозным опытом, тут нет ничего внешнего, ничего навязанного.

С моими книгами обстоит дело так. Я уже написал в Москву, чтобы Вам выслали мою последнюю книгу — монографию об Хомякове. Других моих книг у меня нет, не все есть даже по одно-

⁶ [Н. Бердяев. Национализм и антисемитизм перед судом христианского сознания // Русская Мысль. 1912. Кн. II. I отд.; здесь же: И. Книжник. Современный буддизм // Там же. II отд. — М. К.]

му экземпляру. Но я постараюсь достать для Вас свою книгу «Философия свободы», которую считаю самой важной и характерной, а меж тем достану Вам и «Духовный кризис интеллигенции». Простите, что всё это так запаздывает.

Надеюсь, что после Вашего возвращения из ссылки мы встретимся и поговорим обо многом. Никого из перечисленных Вами лиц я не встречал в течение этой зимы, но, если встречу, то сообщу о Вашем письме. Сам я буду ещё несколько недель в Киеве, потом дней на десять поеду в Москву. Адрес мой в самое ближайшее время — г. Киев, Пушкинская, 10, более устойчивый адрес — г. Москва, Книгоиздательство «Путь», Знаменка, 11, а с конца Апреля до осени будет деревенский адрес: *ст. Люботин, Южных дорог, имени Трушевой*. Жена моя просит Вам передать привет. Крепко жму Вашу руку и желаю всего лучшего.

Ещё раз хочу сказать Вам, что счастлив за Вас. Верую, что как ни несчастна Ваша жизнь с внешней стороны, Вы узнаете великую радость. Если захотите написать или что-нибудь нужно будет, очень рад буду получить от Вас известие.

Искренне расположенный к Вам Николай Бердяев.

4. *Петр Струве*. ЗАПАД И БОЛЬШЕВИЗМ (1919)

Русских живо интересует отношение к большевизму культурных стран запада. Это отношение есть действительно проблема, от которой в значительной мере зависит будущее мира. Необходимо поэтому всмотреться во внутренние социальные и политические отношения, как они складываются на Западе после мировой войны, под влиянием обстановки, ею созданной, и сил, вызванных ею к жизни.

Прежде всего следует ясно установить, что такое большевизм. Под большевизмом я разумею идею, что новый социальный строй, который мыслится в формах социализма, т. е. отрицания частной собственности на средства и орудия производства, может и должен быть осуществлен при помощи захвата «пролетариатом» власти и всех орудий таковой, начиная с вооруженных сил и кончая мельчайшими органами управления. Это и есть большевизм. Идея большевизма есть старая идея ортодоксального марксизма, призывавшего и требовавшего социального переворота в форме политической революции. Но в устах ортодоксальных марксистов

это была голая идея и словесный лозунг, которым не соответствовало реальное поведение, потому что к этой идее революционно-го захвата власти пролетариатом присоединялись оговорки о необходимом соответствии политического переворота степени экономического развития народного или даже всего мирового хозяйства. Большевизм есть освобождение старой ортодоксальной марксистской идеологии от ее реалистических и оппортунистических оговорок и опыт ее осуществления на основе наличных социальных сил с их реальной психологией. Большевизм есть таким образом осуществление социализма в форме политической и классовой диктатуры. Почему Россия стала первым и главным полем действия большевизма, так понимаемого, имеет свои глубокие основания в существе большевизма и в исторических судьбах России. Рассмотрение этих оснований мы оставляем здесь, однако, в стороне и обращаемся к обозрению внутреннего состояния главнейших западных стран после войны в их отношениях к русским делам и в частности к большевизму.

Внутреннее положение Франции определяется разными обстоятельствами, которые, однако, все действуют в одном направлении.

1. — Франция больше всех других стран-победительниц ослаблена войной в экономических и финансовых отношениях.

2. — Во Франции рабочий класс находится в сильном возбуждении, выражающемся в стачках и т. п. движениях, а в то же время

3. — социалистическая мысль и социалистическая партия во Франции чрезвычайно увлечены успехами большевизма в России, осуществившими идею диктатуры пролетариата.

Русские дела во Франции более, чем где-либо, трактуются на фоне внутренней политики. Во Франции возможны серьезные социальные движения резко политического характера. Есть компетентные наблюдатели, которые даже допускают, что будет сделана попытка захвата власти рабочим классом. С другой стороны, несомненно, что масса населения не примет не только покорно, но даже спокойно каких-нибудь далеко идущих выступлений рабочего класса. Армия в большинстве состоит из выходцев из крестьянства и городских средних классов. Они в общем настроены весьма патриотично и скорее в своем патриотизме не видят огромных трудностей такого мира, по которому побежденная Германия должна не только территориально и материально вознаградить Францию, но и послужить материалом для создания новой могу-

щественной Польши. Но они вовсе не склонны потакать внутренним раздорам и интернационалистической пропаганде. Если бы социалистам-интернационалистам удалось во Франции поднять на восстание городской пролетариат, это привело бы к жестокой гражданской войне, в которой сразу «буржуазные» элементы (крестьянство, городская буржуазия, интеллигенция) активно выступят против пролетариата и социализма. Многие умеренные (относительно) социалисты весьма боятся этой перспективы, которая означала бы наступление сильной социальной и политической реакции во Франции. Как бы то ни было в той или иной форме во Франции, повидимому, неизбежен сперва некоторый поворот налево, и затем более или менее *сильная реакция*.

В Англии положение дел иное. Английское рабочее движение гораздо глубже и сильнее французского, но то течение рабочего движения и социализма, которое ставит себе целью захват власти пролетариатом, в Англии гораздо слабее и абсолютно представляет ничтожную материально и духовно величину. С другой стороны в Парламенте, избранном под влиянием победы и для утверждения такого мира, в котором *была бы* полностью учтена победа над Германией, господствуют по существу консервативные элементы. Английский парламент значительно «правее» и страны и даже правительства в лице его главы. Правительство вынуждено лавировать между ним и общественным мнением страны и, в особенности, рабочих кругов, которые в стране представлены гораздо сильнее, чем в парламенте. Ллойд-Джордж, конечно, должен считаться с правым большинством парламента, но, с другой стороны, он должен и желает считаться (прежде всего в интересах поддержания внутреннего порядка и социального мира) с настроением страны. Конечно, в Англии рабочее движение и социализм сильнее, чем во Франции. Но с другой стороны они иначе окрашены здесь. Практически-политически весьма существенно, что в силу другой совершенно психологии английских рабочих, последние в огромном своем большинстве не желают в социальной борьбе оставлять «деловой» почвы и политикой, как таковой, мало интересуются. Поэтому, в Англии, в отличие от Франции, почти безошибочно можно предсказать мирное развитие социальных отношений и политической жизни, с прочим уклоном влево, в результате чего усилятся радикальные элементы прежнего либерализма и теперешняя коалиция консерваторов и либералов с преобладанием первых может распасться. Другими словами воз-

можно на следующих выборах торжество группы Асквита в союзе (фактическом) с рабочими. Ллойд-Джордж уже теперь подготавливает для себя возможность сотрудничества с такой группировкой сил, к которой он внутренне гораздо ближе, чем к консерваторам.

Дальше этого однако возможное и почти неизбежное полевение Англии не пойдет. Но и оно наступит не так скоро, ибо вряд ли можно в скором времени ожидать роспуска парламента. Некоторые изменения в этот прогноз может внести *сильное* революционное движение и сильная последующая реакция во Франции. Как бы ни отразилось на Англии революционное движение во Франции, и в Англии оно в конечном счете приведет к реакции.

Внутреннее положение Италии характеризуется очень сильным ростом крайних социалистических (интернационалистических и большевистских) настроений в ней. Этот рост идет параллельно с ростом национализма и недовольства союзниками, урезающими великодержавные и аннексионистские тенденции, весьма сильные в Италии. В связи с экономическими и финансовыми затруднениями, объективно очень значительными в такой относительно бедной стране, как Италия, в ней еще более, чем во Франции возможны бурные революционные движения. Но они тоже неизбежны и скоро приведут к социальной и политической реакции.

В Германии явно обозначается рядом со вспышками социально-революционных движений сильная реакция против революции социализма. Эта реакция будет расти, и на чем она остановится никто сейчас не может сказать. Многие наблюдатели считают монархическую реставрацию в Германии не только возможной но даже неотвратимой. Во всяком случае можно сказать, что «большевизм» уже потерпел в Германии полное крушение.

Всего труднее уловить внутреннее состояние такой своеобразной и огромной страны, как Северо-Американские Соединенные Штаты. В них возможны на почве тех идей, которые пустил в оборот отчасти сам Вильсон, политические и социальные брожения. Эти брожения, однако, вне всякого сомнения вызовут и в Америке сильную реакцию против себя, размеры и формы которой трудно предусмотреть.

Из сделанного обзора явствует, что, если на Западе обозначаются движения революционного характера, то одновременно с ними также ясно обозначается и следующая за ними по пятам реакция. Лишь поскольку политические и социальные движения на западе будут

держаться в рамках мирного и постепенного развития существующих учреждений, постольку они здесь не будут вызывать реакции. Всякий большевизм в точном смысле этого слова, всякие стремления к насильственному изменению социального строя на Западе неотвратимо должны рождать сильную реакцию. Ибо с большевистским насилием огромное большинство западно-европейского населения не будет мириться. Против него оно будет бороться, и притом не пассивно, а активно. В отличие от России, на Западе социальной революции будет сразу противопоставлено активное и вооруженное сопротивление. Мировая революция в большевистском смысле не абсолютно невозможна, но ответом на нее будет очень скоро мировая реакция, которая будет беспощадна и победоносна. В этом отношении пример даже ослабленной войной Германии, где большевизм раздавлен был очень быстро, весьма показателен. Только в двух самых отсталых европейских странах, России и Венгрии, большевизм оказался длительным явлением, и притом и в Венгрии и даже в России в уродливые формы большевизма отчасти облеклись движения и тенденции, с большевизмом, как социальным явлением, не имеющие ничего общего. В Венгрии особенно ясна связь известного национализма с большевизмом.

Сложная социальная и культурная постройка западно-европейского общества не может вынести большевистских опытов без сильнейшего отпора. Отсутствие в России такого отпора именно и обусловило собой и легкое торжество большевиков и относительно прочность их господства.

5. РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ, НОВГОРОДЦЕВ, ШПЕТ И ИВАН ИЛЬИН В ФОКУСЕ СОВЕТСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ЦЕНЗУРЫ В 1919 ГОДУ

Подготовленное Государственным архивом Российской Федерации качественное и обширное издание протоколов Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос, НКП) РСФСР, в ранее советское время бывшего сверхминистерством образования, культуры, науки, цензуры, пропаганды и печати, содержит в себе несколько документов, проливающих точно датированный и ясно сформулированный бюрократический свет на некоторые страницы биографии русских писателей и мыслителей, состоявших на службе у НКП или ставших объектами его порицания.

Итак, с полной точностью протоколы Наркомпроса устанавливают дату официальной постановки вопроса о создании Вольной философской академии в НКП: он впервые был включён в повестку дня 24 января 1919 года («Об организации Вольной философской академии») и докладывал его Коллегии НКП лично глава ведомства А. В. Луначарский⁷, одновременно в том же заседании он же выступал по теме издательства М. и С. Сабашниковых. Коллегия постановила по этим вопросам: «Признавая организацию Вольной философской академии в Петрограде в настоящее время несвоевременной, рекомендовать инициаторам создать организацию Вольного философского общества, которое могло бы рассчитывать на получение государственной субсидии»; «а) Выдать издательству М. и С. Сабашниковых один миллион (1 000 000) руб. из сумм Отдела снабжения, ассигнованных на первое полугодие 1919 г., указав, что ссуда может подлежать возвращению книжным товаром по выбору Наркомпроса. б) Разрешить к изданию книги, поименованные в утверждённом перечне (см. приложение) [...]»⁸.

В приложении № 2 к протоколу названного заседания дан «Перечень изданий, находящихся в разных стадиях производства в издательстве М. и С. Сабашниковых», включающий в себя 53 названия. В перечне вычеркнуты 4 названия с комментарием: «Вычеркнутые книги не должны быть печатаемы. Перечень» утверждаю. Нар. ком. А. Луначарский». Вычеркнуты: *Ле Бон*. Психология революции; *Милюков*. Очерки по истории русской культуры; *Новгородцев*. Об общественном идеале; *Шипов*. Воспоминания и думы о пережитом⁹.

В заседании Коллегии НКП 4 марта 1919 г. был обсуждён вопрос «О Факультете общественных наук [1-го Московского государственного университета]» (созданного взамен юридического факультета и исторического отделения Историко-филологического факультета, который докладывал заместитель главы НКП М. Н. Покровский. Коллегия утвердила состав «основного ядра преподавателей» этого Факультета из числа кандидатов, представ-

⁷ Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 гг. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. В 3 книгах. Кн. 2. Январь—декабрь 1919 г. / Отв. ред. Л. А. Роговая, отв. сост. Б. Ф. Додонов. М., 2016 (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII). С. 51.

⁸ Там же. С. 52–53.

⁹ Там же. С. 56–58.

ленных университетом с заключением (по согласованию) местного отдела народного образования. Из общего лимита в 30 штатных единиц преподавателями Факультета НКП утвердил, в частности: А. А. Богданова, М. М. Богословского, Н. И. Бухарина, С. Б. Веселовского, Р. Ю. Виппера, В. П. Волгина, И. А. Ильина, Н. А. Каблукова, С. А. Котляревского, В. В. Осинского, Д. М. Петрушевского, И. А. Покровского, М. Н. Покровского, С. Н. Прокоповича, М. А. Рейснера, Д. Б. Рязанова¹⁰.

На заседании 14 марта 1919 г. Коллегия НКП обсудила вопрос «Об утверждении второго списка работников Московской академии народного образования» и утвердила его. В список, в частности, вошли следующие лица с указанием их «академической» специализации: В. В. Адоратский (исторический материализм), Н. И. Бухарин («социал. полит. и коммунизм»), Н. Я. Брюсова (музыка), А. А. Богданов (всеобщая организационная наука), В. П. Волгин (история социализма), Б. Р. Виппер (история искусства), А. Г. Горнфельд (теория и психология художественного творчества), Р. В. Иванов-Разумник (историческая поэтика), П. С. Коган (история западноевропейской литературы), В. Л. Львов-Рогачевский (история русской литературы), В. П. Потемкин (история революционного движения в России), В. Ф. Перверзев (история русской литературы), М. Н. Покровский («методология истории»), В. М. Фриче (история западноевропейской литературы), Г. Г. Шпетт (так!) («методология и логика наук»), К. Эрберг (история искусства)...¹¹

В заседании Коллегии НКП 11 декабря 1919 г. был обсуждён вопрос о составе коллегии Литературного отдела НКП. По нему постановили внести в положение о Литературном отделе НКП изменения, в результате которых появились следующие формулировки: «Литературный отдел регулирует все отношения государства к литературно-художественной жизни страны» и «Литературный отдел оказывает поддержку живым литературным силам, литературно-художественным группам, союзам, клубам и кружкам, стремясь использовать их в интересах литературного просвещения трудового народа». В состав коллегии такого Литературного отдела во главе с Луначарским и его заместителем В. Я. Брюсовым

¹⁰ Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 гг... Там же. С. 168, 170, 176, 177, 180. Явные ошибки в именах исправлены.

¹¹ Там же. С. 201–206. Явные ошибки в именах исправлены.

было решено включить: членами коллегии — А. С. Серафимовича, Вяч. Иванова, М. Горького, А. А. Блока, Ю. К. Балтрушайтиса, кандидатами в члены коллегии Л. О. Брика, Ю. И. Айхенвальда, П. Н. Сакулина, М. О. Гершензона и И. С. Рукавишниковца...¹²

Точную бюрократическую датировку получает протокольная история об одной из попыток выезда за границу Андрея Белого: Коллегия НКП 21 января 1920 г. по докладу Луначарского слушала вопрос «О командировке Андрея Белого за границу» и постановила: «Ввиду предстоящего в ближайшем времени открытия границ Республики признать нецелесообразным в настоящий момент удовлетворение ходатайства А. Белого о командировке за границу в исключительном порядке»¹³.

17 апреля 1920 г. Коллегия НКП слушала вопрос «О командировке за границу М. О. Гершензона и об обеспечении его положения» по докладу Луначарского и постановила: «а) От командировки Наркомпросом за границу литератора М. О. Гершензона воздержаться; б) Принимая во внимание болезненное состояние М. О. Гершензона, просить М. Н. Покровского принять необходимые меры к улучшению его положения»¹⁴.

29 мая 1920 г. Коллегия НКП слушала вопрос «О командировке за границу писателей Ф. Сологуба и А. Чеботаревской» и постановила: «Ввиду крайней затруднительности в настоящий момент выезда за границу ходатайство Ф. Сологуба и А. Чеботаревской о разрешении выезда за границу отклонить». 5 октября 1920 г. Коллегия НКП вновь слушала этот вопрос — на этот раз с уточнением: «О выезде в Ревель...» и постановила «сообщить в Наркоминдел, что к выезду в Ревель писателя Ф. Сологуба и А. Н. Чеботаревской... препятствий не встречается»¹⁵.

¹² Там же. С. 857, 860–861.

¹³ Культура, наука и образование. Октябрь 1917–1920 гг. Протоколы и постановления Наркомпроса РСФСР. В 3 кн. Кн. 3. Январь — декабрь 1920 г. / Отв. ред. Л. А. Роговая, отв. сост. Б. Ф. Додонов. М., 2016 (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. XII). С. 42–43.

¹⁴ Там же. С. 255, 257.

¹⁵ Там же. С. 319, 321–322, 554, 555.

ИСТОРИЯ OSTKRAFT

| научное обозрение |

ИА № ФС 77-55036 от 14.08.2013

Ответственный редактор *М. А. Колеров*

Оформление *М. Е. Бороздинского*

ISBN 978-5-905040-29-0

9 785905 040290 >

Издатель **Модест Колеров**

Москва, Большой Татарский переулок, 3, кв. 16

Подписано в печать 15.03.2018. Формат 60 × 90¹/₁₆.

Гарнитура *Arnold*. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 7,5. Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «ЦМИК»

150014, Ярославль, ул. Победы, 51, корп. 2

тел. (4852) 200-121. www.yarcmik.ru